

18+

Гаспар Софенский

Вечерний силуэт

Гаспар Софенский

Вечерний силуэт

«Издательские решения»

Софенский Г.

Вечерний силуэт / Г. Софенский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510513-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Перед читателем проходят детство и юность героев — пора пылкой влюбленности. Диана живет в Комптоне, известном засильем уличных банд. Вместе с Максом они мечтают прожить вместе всю жизнь. Одну из банд возглавляет ее брат, вспыльчивый вольнодумец Эдди, мечтающий избавить сестру от ужасного городка. В погоне за легкими деньгами его жизнь оказывается под угрозой, которую только Диане по силам отвести. Стремительно лишившись юности, все трое подвергаются испытанию разлукой и безвестностью.

ISBN 978-5-00-510513-4

© Софенский Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	31
Часть 2	42
Глава 3	42
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вечерний силуэт

Гаспар Софенский

Корректор Ксения Белокроликова

© Гаспар Софенский, 2024

ISBN 978-5-0051-0513-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Армения. 2020 год

Макс проснулся не сразу. Некоторое время он пребывал в каких-то странных сумерках, сплетенных из сна и действительности. Сон, туманный и обрывочный, прятался в мозгу. Снова эти строки, клином вбитые в мозг. «Дорогой мой Макс, если бы ты знал, как трудно было писать это письмо и видеть тебя рядом, спящего мирным сном».

Макс сел на кровати, протер глаза. Изможденный мозг просил покоя, перемешав реальность с туманными силуэтами воображения. Эти слова, неугасающие искры в эхе минувших дней, не померкнут никогда. Они продолжают обжигать, источать разрушительное тление, принимая форму безжалостного лика мучений, перед чем бессильно даже пронизавшее его пьянство. Стоит ему прикоснуться к тому, что едва ли можно назвать сном, как он становится беззащитен перед собой. Приползают тени, вскрывающие все новые пласты памяти, вытягивающие новые обломки воспоминаний, и эта гремящая работа в мозгу не заканчивается никогда. И все же три дня горестного бражничанья достигли цели – пламя пятничного звонка и субботних безумств чуть остыло, а вчерашнее видение стало кульминацией его болезни. Сегодня, в первый день новой недели, он твердо решил изгнать обжившийся в нем за двенадцать лет легион бесов.

Из кухни донеслись звуки неловко раскладываемой посуды. Маленькая Диана не дождалась его пробуждения и уже всю орудовала на кухне.

– Диана? – хрипло позвал Макс и поморщился – малейшее напряжение отдавалось в голове колющей болью. Вдобавок дико хотелось пить.

– Да, папа! Иду! – ответил торопливый звонкий голосок. Диана вошла в спальню, шаркая ножками и поправляя беспорядочно падавшие на плечи волосы. Одета была она в шорты и просторную белую майку. – Как спалось?

– Превосходно, – буркнул Макс и, сделав невероятное усилие, встал-таки с кровати. – Почему ты не хочешь дождаться, пока я проснусь и помогу тебе приготовить завтрак?

– Я боялась, что ты вообще сегодня не проснешься, – Диана ехидно улыбнулась.

Макс попытался возмутиться, но вместо этого лишь неопределенно крикнул.

– Ты бы сперва умылась, привела себя в порядок, а потом занялась улаживанием желудка.

– Но я очень голодная! – запротестовала девочка. – И я уже поставила мясо в духовку.

– Мясо в духовку?! – Макс негодуя помотал головой, натягивая брюки. – Тебе всего десять лет, а аппетит, как у взрослой волчицы.

Диана подбежала к нему с ангельской улыбкой на прелестном личике, явно довольная сравнением, и прыгнула на руки Максиму.

– Останься сегодня дома! – с надеждой пропела она. – Ведь сегодня такой важный день! Чмокнув девочку в щеку, Макс опустил ее на пол и с сожалением ответил:

– У меня важные дела. Я вернусь после обеда, и мы пойдем с тобой туда, где ты увидишь самое прекрасное зрелище в городе.

– И увижу, где ходила моя сестра, – добавила Диана.

– Непременно.

Прошло не меньше часа, прежде чем Макс обрел способность трезво мыслить и выйти на работу. Оставив дочь в школе, он еще раз пообещал забрать ее после обеда и отвезти в обещанное место. И так, сегодня, кажется, важная встреча. Точно. Сегодня в половину десятого у него назначена встреча с Мариной Марьян – принцессой американского шоу-бизнеса, навесившей историческую родину и решившей дать несколько концертов в сети его клубов. В ближайшие две недели клиенты «Каллиопа» почувствуют себя частью мировой музыкальной куль-

туры. Но не это дело занимало его. Его пугало исчезновение настроя на очищение. Прошел всего час, и он снова боится. Приглушаемые на время выпивкой бесы вновь задвигались. Проклятый, порочный, дьявольский круг, достойный потеснить один из девяти кругов ада у Данте.

В глубоких раздумьях Макс доехал до студии, припарковался в привычном месте и поднялся в офис. Секретарша Анна встретила его неизменной приветливой улыбкой.

– Доброе утро! – весело поздоровалась она. Макс отсалютовал в ответ, изо всех сил стараясь держаться естественно. Ее улыбка не проста: каждый раз она словно подтверждает преданность Анны своему директору, готовность всячески его поддержать.

– Звонила секретарь Карины Марьян, подтвердила встречу, – и добавила, посмотрев на настенные часы, – через пять минут.

– Видишь, как я пунктуален? – скривил Макс губы в шутливой улыбке и прошел в кабинет.

Его резиденция олицетворяла современную роскошь с элементами традиционного искусства в виде пышного ковра с армянским орнаментом, устланного под рабочим местом. Два массивных стола из темного дерева, образующих букву «Г»; вдоль стены тянется стеклянный шкаф с различной выпивкой, книгами, грампластинками середины прошлого века; шесть мягких кожаных кресел, расставленных у стола для посетителей. Узкое вертикальное окно позади директорского стола обнажало полоску улицы Мовсеса Хоренаци.

Макс уселся в широкое кожаное кресло, включил компьютер и стал рассеянно просматривать график встреч и дел на неделю. Каждая строка читалась с великой тоской. Тяга работать померкла, как хрупкий солнечный свет в пасмурную погоду. Не успел Макс докурить сигарету, как раздался стук в дверь.

– Марьян пришла, – доложила Анна.

– Приглашай.

На пороге явилась Карина Марьян, сверкающая горделивой красотой, держащаяся с достоинством царицы Савской, пришедшей испытать Соломона. Только Соломону не хотелось слушать то, что у нее на сердце, и объяснять слова ее, и особенно принимать от нее таланты и благоволия. Прежде они виделись один раз, и этого хватило Макс, чтобы понять, что эта молодая, чертовски притягательная женщина способна сразить любого наповал. Грешным делом он разок подумывал о том, чтоб завести с ней роман, но сегодня подобным мыслям не было места в его голове.

– Приветствую тебя, клубный король, – мелодично произнесла Карина и проплыла к креслу напротив Макса. Что за фамильярная девчонка, отметил Макс. А эти американские манеры вовсе не к месту.

– Привет, – сдержанно ответил он. – Я-то думал, звезда вроде тебя опоздает часов так на пять.

– Зачем сразу же кусаться? – холодно ответила Карина, впившись в Макса чуть ли не злобным взглядом. – Между прочим, мы встретились, чтобы обсудить мой концерт в твоём клубе, и твой тон совсем не способствует установлению рабочей атмосферы.

Нет, эта чародейка крайне опасна, решил Манукян.

– Карина, я тут думал по поводу твоих выступлений и решил, что моим клубам они не нужны.

Марьян старалась не подать виду, но голова ее слегка наклонилась, а в голосе сквозило ошарашенное изумление.

– Это что значит? Ты отказываешься от моих концертов?

– Да, – просто ответил Макс, встречая надвигавшуюся бурю с каменным лицом. – Очень жаль, что пришлось так поступить, – твою неустойку я выплачу в полном объеме.

– О какой неустойке речь, ты, болван! – Задетая до глубины души, Карина вскочила с кресла и нависла, словно гроза, над равнодушным Максом. – У нас никакого договора; я при-

летела сюда не для того, чтобы денег сгрести! Мои выступления – уже благотворительность для тебя. Ты хоть знаешь, сколько Эдди уговаривал меня выступить у тебя?

– Только не надо сцен, – примирительно отвечал Макс. – Я ничего не хочу объяснять. Любые твои требования я готов исполнить.

– Подвесь дьяволу за яйца свою готовность! – отрезала Карина и устремила к двери, яростно стуча каблуками. – Я даже не стану требовать с тебя чего-либо, ты просто не достоин моего времени! – ядовито бросила она у порога и хлопнула дверь.

Некоторое время звон ее каблуков о гранитный пол болезненно капал на уши, и, когда окончательно стих, Макс откинулся на спинку и принялся бесцельно вертеться в кресле. Чертова гордячка. Дать бы ей хоть чайную ложку его трагической доли.

Вошедшая в кабинет Анна непонимающе взглянула на него.

– Господин Манукян, что случилось?

Макс глубоко вздохнул, глядя перед собой слепым взором. Опять слезы, эти бесконечные, не приносящие утешения слезы. Проклятая обида сидела в нем, обжигая горло. Макс вытер влажные щеки. Анна поспешила к нему с тревогой в глазах.

– Боже, господин Манукян, чем я могу вам помочь?

– Все хорошо. Извини. Просто немного не по себе. Прошу: называй меня Макс.

– Позвольте принести вам холодного чая, Макс.

На ее предложение Макс ответил грустной ленивой улыбкой.

– Ты окажешь мне великую услугу, если согласишься выслушать.

Через двадцать минут они сидели на втором этаже пиццерии «Даймонд», напротив крупного белоснежного окна правительственных часов площади Республики. На улице начало моросить, небо облепили грязные облака. Взгляд Макса застыл на фонтане перед зданием музея истории Армении. Он обхватил руками чашку холодного кофе.

– Иногда прошлое наваливается на тебя, как огромный тяжелый камень. И ты ничего не можешь сделать.

Анна ужаснулась. Не словам, а их произнесением, будто на последнем издыхании.

– Это из-за того случая с Эдгаром? – растерянно пыталась прощупать почву Анна. Макс поднял глаза на нее, и помощница вновь увидела в них то, что проскальзывало время от времени, – боль. Невыносимую, угнетающую тоску.

– Я не говорил ни с кем об этом. Это было ужасно.

Анна робко улыбнулась.

– Макс, я с удовольствием вас выслушаю.

Манукян посмотрел на небо. Бесчисленные мелкие дождевики сплошной стеной сыпались на город.

– Ты знаешь, что я тоже приехал из Америки?

Анна, поджав губы, кивнула. Макс улыбнулся, все еще глядя на небо.

– Я жил там с девяти лет. В 2000 году я поступил в Калифорнийский филиал сети частных школ имени Генри Стенсфилда. Это сеть школ, совмещающих среднее и высшее образование. Всего их в Америке тринадцать или шестнадцать, не помню. Принимали туда после окончания начальной школы, с десяти-одиннадцати лет. Обучение длилось десять лет. Шесть лет – школьное образование, четыре года – бакалавриат. Стенсфилд располагался в глуши округа Санта-Барбара, среди подножия склонов на побережье Тихого океана, и состоял из шести институтов. Все не помню, я учился в институте экономики и бизнеса. С учетом уклона каждого института набор предметов в шесть лет школьного курса различался. После шестого курса студент мог выбрать – поступить в бакалавриат на своем институте или сдать экзамены для перевода в другой. Меня отдали в институт экономики и бизнеса. – Макс помолчал. – Вместе с ней. Наши семьи жили здесь на одной улице. В памяти остались фрагменты тех дней, совсем смутные. Она была моей ровесницей, я родился двадцатого июня, она – тридцать первого июля. В середине

девятидесятых они с семьей уехали в Штаты. Я ужасно тосковал по Диане и ее старшему брату Эдди, известному тебе как Эдгар. В 98-м мы тоже переехали и поселились в Лос-Анджелесе, там же, где семья Дианы. Моя сестра Кристина поступила в Стенсфилд в 98-м вместе с Эдди. Они учились на одном курсе. А в 2000-м туда поступили мы с Дианой. Долгое время мы жили в неведении, удивляясь, почему нам кажется, будто мы знаем друг друга. Судьба словно насмеялась над нами. Они как будто пришли из какого-то далекого детского сна. В 2000 году нас с Дианой определили в одну группу. Эдди и Кристина к тому времени перешли на третий курс.

Часть 1

Детство

Глава 1

*2000 год. Частная школа имени
Генри Стенсфилда, Калифорнийский филиал*

Взор Макса не успевал охватить всю потрясающую красоту, открывшуюся перед ним. Только они выехали из давящих зарослей лос-анджелесских домов и взяли курс вдоль побережья Тихого океана, как бескрайняя эспланада природы развернулась во всем своем величии. Взъерошенная зелень морщинистых холмов справа сопровождала чередующуюся полосу городков и деревушек, занявших всю береговую полосу. После Голеты городки исчезли, обнажив выжженного цвета землю, на которой редкими клочками расположились приземистые, словно вздутые рощицы. Неизменной оставалась кристальная гладь океана, то скрытая за складками земли, то простирающаяся до горизонта с переливчатыми, как блестки на коже, бликами. Кристина продемонстрировала знание дороги:

– Скоро развернемся и проедем мимо пляжа. Сейчас отделимся от берега и углубимся в холмы.

Вскоре Максиму показалось, что кроме дороги, по которой они едут, человеческая рука не коснулась здесь ничего. Они виляли между каменистыми сероватыми и грязно-бордовыми наплывами холмов, отдалялись от берега и приближались, ехали вдоль железной дороги, тянувшейся весь путь, будто тоже направляющейся в Стенсфилд.

Свернув с побережья, машина проехала около мили по узкой прямой дороге мимо отлогих пригорков, усеянных клочками приземистых деревьев и скрюченных кустов. Впереди выросли гигантские кованые ворота кромешного черного цвета, на верхней раме которых, украшенной волнистым орнаментом с позолоченными раскрывшимися листьями, сиял баннер: «Добро пожаловать домой!». У края правой створки приютилась маленькая кирпичная будка охраны. Здесь родители дали детям последние напутствия, расцеловали и попрощались до рождественских каникул.

– Слушайся сестру, – наставлял отец. – Будь внимательна к брату.

– Мы будем навещать вас по выходным, – сжав обоих в объятиях, пообещала мать.

– Не волнуйся, мама, я за ним пригляжу! – бодро ответила Кристина.

Только сейчас Макса, понявшего, что отлучился от родителей, объял настоящий ужас перед этой неизвестной, скрытой в призрачных холмах школой. От ворот вела дорожка, обложенная красно-белым выпуклым камнем с замысловатым узором, по обе стороны которой разместились скамейки, скрытые под тенью игольчатых деревьев. Прямо впереди, напротив портала главного входа шумел круглый фонтан с высоким каменным парапетом, сплошь обложенным чемоданами. Студенты встречались здесь, сбивались в кучки, звонко ворковали, приглушая шелест воды. Они остановились в стороне от толпы.

– Подождем здесь, – заявила Кристина, нетерпеливо поглядывая по сторонам.

– Кого мы ждем? – Макс чуть успокоился при виде такого количества учеников. Школа уже не казалась столь таинственно-страшным местом, спрятанным в недосыгаемых холмистых складках.

– Друга. Мы с Эдди всегда встречаемся у фонтана.

Школа представляла собой два корпуса, соединенных каменным переходом в виде арочного моста, получившим от студентов прозвище «виадук». Главный корпус представлял собой внушительный дворец классической постройки, с громадным, увенчанным серым куполом порталом главного входа, величавость которого усиливала пышную выразительность не только самой школы, но и окрестностей. Пока ждали, Кристина сказала, что здесь располагаются зал приемов и зал развлечений, кабинеты преподавательского и руководящего состава, столовая, школьная библиотека, дополнительные кружки и обслуживающие помещения. Сероватые колонны по сторонам портала, тянущиеся по всей длине широкие окна, строгость и лаконичность дворца подчеркивались спокойным серо-коричневым цветом школьного камня. Учебный корпус раскинулся позади него размашистым полумесяцем. Такой же торжественно-чинный, он будто брал в объятия раскинутую позади него просторную лужайку, излюбленное место дискотек и отдыха на свежей мягкой траве.

– Нравится? – спросила Кристина с участливой улыбкой. Повсюду росли причудливые деревья и кустарники, в пурпурных газонах цветы сплетали неразборчивые формы, поодаль от школы блеснул хрустальной гладью овал озера, заросший могучими деревьями и широкими листьями неизвестных ему растений. Слева от школы, у края небольшой полосы зарослей, выглядывали трибуны футбольного стадиона.

– Кажется, мы на краю света, – смущенно ответил Макс. Голос его утонул в полотне всеобщего гомона, на котором лоснящимися пятнами выделялись настойчивые призывы преподавателей идти внутрь. Пока его мысли металась в тысячах вопросов вроде «как здесь моют одежду» или, например, «есть ли парикмахерская», Кристина за спиной звонко воскликнула:

– Привет, разбойник!

К ним подошел смуглолицый мальчик. Черные вихры волос густо вились вбок, под резкими, выдвинутыми вперед бровями блестели и щурились от солнца энергичные глаза. Он заключил Кристину в объятия и ласково сказал:

– Я искал тебя со стороны портала. Долго ждала?

– Несколько минут. Знакомься – Макс, мой брат. Поступил на первый курс. Макс, это Эдди Назарян, мой одноклассник и лучший друг.

Взгляд Назаряна оценивающе пробежал по Макс. Он протянул руку, глядя сверху вниз на брата Кристины. Ладонь у Эдди была широкой, под стать высокому росту и развитым плечам. Пальцы – короткими и толстыми, рукопожатие – крепким.

– Вижу, – кивнул Эдди Назарян. – По лицу студента всегда можно узнать, что он только поступил, – Назарян улыбался приятной, сближающей улыбкой. Макс невольно захотелось улыбнуться так же; вдруг показалось, что если ему не удастся вложить в улыбку то же дружелюбие, что Эдди в свою, то это его оскорбит. – Как тебе у нас?

– Очень далеко, – шутливо посетовал Макс.

– Все лучшее достигается с трудом.

– Где твоя сестра, Макиавелли?

Эдди обернулся, выискивая сестру где-то у дорожки.

– Я оставил ее на скамейке, не хотел заводить в сутолоку. Вон она. Идем.

Троица вышла из толпы, и тут же им навстречу вскочила со скамейки девочка с длинными прямыми волосами, спадавшими на плечи. Их золотисто-каштановый оттенок удивительно подходил к белоснежной коже, тонкой настолько, что под шеей Макс разглядел бледную ветку вены. На ее губах застыла ленивая, какая-то полулукавая улыбка. Улыбался только один уголок рта, слегка возвышаясь над вторым. И вновь возникло то же чувство, что от улыбки Эдди. На девочке была футболка в красно-синюю полоску, с круглым вырезом, и джинсовая юбка поверх белых чулок.

– Я их выудил! – похвалился Эдди. – Знакомьтесь – моя сестра Диана. Диана, это Кристина Манукян, моя одноклассница, и Макс, ее брат. Он будет учиться с тобой на экономическом.

Несколько секунд Диана внимательно и, казалось, с подозрением разглядывала обоих, и вновь улыбнулась. Той самой вальяжной улыбкой, чуть приподняв уголок рта.

– Какое счастье, что с нами есть еще армяне, – сказала Диана.

– Я рассказывал Диане о тебе, – сказал Эдди Кристине и, повернув взгляд на сестру, приятельски потряс ее по плечу. – Видишь, тут совсем не страшно. Моя трусиха-сестра боялась, что станет вроде тех пяти северян, которых унес воздушный шар.

– Не моя вина, что школа стоит на задворках штата, – бросила Диана и скорчила язвительную гримаску. – И да, ты невероятно начитанный, братец.

Макс поймал себя на мысли, что все это время неотрывно разглядывает каждую черточку на ее лице: плавный, горделивый изгиб бровей, длинные густые ресницы окаймляли большие темно-карие, почти черные глаза. Небольшие, но полные губы, под строгим правильным носом чуть вывернутая верхняя губа; закругленный подбородок выдавался, придавая особенной внешности Дианы неподражаемость. Такой подбородок может подойти только к ее лицу, думал Макс. Длинная шея двигалась легко, как все ее тоненькое тело. От острых плеч, скрытых наполовину тканью футболки, выдавались ключицы. Бурлящие интересом глаза довершали прекрасную картину. Он силился отвести от нее взгляд, чтобы не выдать смятения, не мог и еще сильнее волновался. В результате он стал бесцельно озираться и продолжал украдкой разглядывать ее, подобно мелкому воришке, которого не заметили за кражей жвачки и решившему продолжить испытывать удачу.

– Идем в зал, иначе не останется мест, – предложил Эдди. Оживленная река студентов вилась от фонтана до главного портала. Компания влилась в поток. Шли медленно, сжатые с обеих сторон учениками, от подобных им первокурсников до басящих статных мужчин и задорно щебечущих молодых женщин. Эдди и Диана впереди, Макс с Кристиной за ними. Манукян размышлял над тем, понял ли кто-то его смятение. Навострив ухо, он ловил каждое слово Дианы, а точнее голос. Высокий, резкий, режущий предложения подобно свисту звонкой сабли.

– Ты чего скис? – Кристина легонько ткнула его в бок, чем неприятно отвлекла. Диана о чем-то увлеченно говорила брату.

– Не знаю. Наверное, буду скучать по родителям.

– Я думала так же в первый год. Но ты вскоре найдешь столько занятий, что скучать будет некогда. Оглянись! Мы одни посреди гор! В заботливых руках школы. Свежий воздух, близкий океан, делай что вздумаешь. Например, дискотеки на лужайке учебного корпуса...

Голос Кристины уплывал мимо ушей. Максом завладели новые тревожные думы. Эта девочка, несомненно, станет первой красавицей курса. А что он? Впервые в жизни Макс решил оценить себя. Ростом не ниже большинства сверстников, не столь подчеркнуто спортивный, как Эдди, но весьма поджарый, довольно крупные нос и губы, толстая ровная линия бровей. Интересно, считаю ли я красивым? Было ли во взгляде Дианы что-то еще, кроме любезности? Конечно, нет. Заметил ли кто-то, как я смотрел на нее? Конечно, да. И в первую очередь она сама. Несколько раз Диана перехватывала его взгляд, отчего приходилось лихорадочно отводить глаза.

Наконец они прошли портал и оказались в светлом просторном вестибюле главного корпуса. Тут же отметились отличие внутреннего убранства от наружного. Белые ровные стены, потолок испещряли плотные ряды больших круглых светильников, утопленных в светлое деревянное обрамление. Посредине вестибюля располагалась широкая лестница с блестящим ограждением и темными, с обрешеченным покрытием, ступенями. Макс поднял голову: толстая каменная балюстрада ограждала первый этаж, стоящий на белоснежных колоннах, у кото-

рых раздавали какие-то буклеты, журналы и старосты собирали свои группы. Чувство потерянности вновь обдало Макса. Вокруг незнакомцы – или такие же новые, как он, или ловкие старшекурсники, знающие школу наизусть. Он почувствовал себя, как забытый родителями в громадном музее мальчик. Успокаивала теплая рука Кристины, единственный огонек уюта в этом незнакомом, таинственном океане. Макс бессознательно сжал ее крепче. Он не сводил глаз с Дианы – она казалась совершенно спокойной, вместе с Эдди они словно были тут постояльцами.

– Справа библиотека, самое красивое место в школе, слева столовая, – наспех познакомила Кристина.

– Самое вкусное место в школе, – добавил, обернувшись, Назарян и засиял приветливой улыбкой. Диана тоже повернулась, не переставая осыпать брата градом вопросов:

– Как насчет больницы, прачечной? Можно ли здесь гладить одежду? Как быть, если мне вдруг захочется фруктов, конфет, почитать журнал? В конце концов, у нас есть телевизор?

– Да, моя нетерпеливая обезьянка, у нас есть все, – коротко отвечал Эдди. Они прошли лестницу, и перед взором открылись тяжелые деревянные двери в глубине вестибюля, распахнутые в ожидании зрителей. Под лестницей, занимая внушительное пространство, покоились сотни чемоданов. Компания оставила здесь свои пожитки и продолжила путь налегке.

– Мы подошли к залу развлечений, – пояснила Кристина. – Здесь проходят мероприятия вроде концертов, фильмов и представлений. Еще у нас есть зал приемов, где проходят студенческие балы. Он в правом крыле, дальше по коридору. С ним познакомишься позже, а пока насладись этим.

Выстроенный в форме полукруглого театра, зал развлечений утопал в темно-коричневых тонах. Между стрельчатых окон высились, теряясь у потолка, могучие колонны. Деревянный барельеф стен в виде стремительных линий и тяжелые потолочные своды гармонично уживались с такими деталями современности, как замшевые кресла, тянувшиеся по окружности зала, колонки по углам стен и обложенная аппаратурой сцена. Студенты рассаживались по местам, первокурсники в изумлении разглядывали убранство. Над зрительным залом висели флаги Стенсфилда – две вертикальные черные полосы по краям, в центре на оранжевом фоне был изображен герб школы – два орла, держащих щит по бокам. На стенах висели картины с изображением школы разных годов. Одна картина датировалась 1910 годом.

– Сколько лет Стенсфилду? – зачарованно спросил он.

– Без нескольких годов сто, – ответила она и продолжила с гордостью: – Макс, наша школа легендарна! Первая в сети школ Генри Стенсфилда. Он вложил в нее кучу денег, старался придать ей величие, не уступающее лучшим американским университетам. И нам есть чем гордиться – наша школа самая большая среди всех.

– Сколько всего школ в сети?

– Шестнадцать.

Макс отчетливо представил, как сто лет назад строители возводили эти стены, почти увидел, пусть и не зная в лицо, Генри Стенсфилда, энергично руководившего строительством.

Эдди прыгнул на свободное кресло и подозвал остальных. Макс сел с краю рядом с сестрой. Отсюда трудно прислушиваться, о чем говорит Диана, к тому же мешал монотонный гул.

– Не опасно бросить там наши чемоданы? – спросил Макс. Кристина посмотрела на него с мягким упреком.

– Твое барахлишко в безопасности. И вообще, ты слишком напряжен, братец. Слушайся меня, и тебе не о чем будет волноваться.

Несколько минут усиливавшегося по мере заполнения зала гула, и на сцену вышел пожилой мужчина и под жаркие аплодисменты зашагал мелкими шагами к установленной в центре сцены микрофонной стойке. Голоса разом стихли. Это был полный коренастый человек в огромных круглых очках, на макушке поблескивала лысина. Седые усы огибали бледные

губы, опускаясь до подбородка. Шел он немного прихрамывая. Его толстый, в три складки, подбородок трясся при ходьбе.

– Эдвард Харрисон, директор, – шепотом пояснила Кристина.

– Руководит школой больше десяти лет, – послышался шепот Эдди.

Эдвард Харрисон остановился у микрофона и дождался, пока аплодисменты стихнут.

– Вот мы снова дома, друзья! – торжественно произнес он неожиданно сильным голосом. – Мы с большой радостью приветствуем первокурсников, присоединившихся в этом году к нашей большой семье, и поздравляем их с этим важным событием. Позвольте сказать несколько слов о нашей школе. Заранее прошу прощения у остальных, что отбираю ваше бесценное время, ведь вы, верно, уже рветесь на дискотеку. – Волна хохота прокатилась по залу. – Калифорнийский филиал Стенсфилдской школы является одной из шестнадцати школ с объединенным образованием в Соединенных Штатах, где учебная программа совмещает среднее и высшее образование. Шесть лет вы будете проходить школьную программу, после чего сдадите экзамены и поступите на бакалавриат. В эти шесть лет набор предметов различается в зависимости от выбранного вами института, поэтому наиболее простым решением будет поступление в ваш бакалавриат. Однако это вовсе не означает, что вы не сможете, сдав, разумеется, экзамены, получить степень бакалавра в другом институте по вашему желанию. Учеба сложна – не даром наши выпускники, пожелавшие продолжить обучение в магистратуре, поступают в лучшие университеты страны. К вашим услугам имеется все, что необходимо для удобного и комфортного проживания. Обслуживающий персонал всегда готов помочь вам сделать все, что вы попросите. Единственной заботой должна быть учеба. Все необходимое вы найдете здесь, в главном корпусе. Рекомендую больше времени проводить в библиотеке, она у нас располагает самым обширным фондом среди школ. Помимо обучения, Стенсфилд предлагает вам широкий выбор спортивных и дополнительных секций – футбол, единоборства, фигурное катание, художественные кружки рисования, танцев и рукоделия. В нашей медицинской части вы сможете получить первую помощь и лекарства, только не становитесь частыми посетителями. Ведь мы хотим, чтобы вы были здоровы, крепки телом и умом и всю энергию отдавали на свое развитие. Скоро познакомитесь с многочисленными сообществами, где приверженцы тех или иных интересов собираются, проводят время и организуют тематические вечеринки. Они проходят здесь же, в залах главного корпуса, коих у нас достаточно, чтобы никого не стеснить. – Директор взял паузу, прокашлялся. – Итак, друзья, первое, весьма приближенное представление о Стенсфилде вы получили, далее дело в ваших руках. Напоследок позвольте поделиться небольшим откровением. – Он вновь помолчал, обвел исподлобья публику медленным взглядом, тяжелые очки съехали к носу. – Каждый новый учебный год я провожу первую беседу с учениками. Каждый год вижу взросление, вижу обогащающиеся знаниями, сияющие все сильнее умом взгляды, наблюдаю за моими воспитанниками. Казалось бы, мог бы и привыкнуть, но нет. Каждый раз я испытываю волнение, сопоставляю впечатления от моих студентов прошлого года, замечаю их развитие, и это доставляет мне несказанную радость. Блаженны те, чья работа и добродетельна, и видна. И сегодня я вижу новое поколение, ступившее в наши стены. Прошу вас, друзья, не доставляйте горя больному старику – пусть не меркнет в ваших глазах светоч роста, чтобы каждый следующий год, что мне суждено проводить приветствия, я бы видел его в вас и радовался вашим успехам. – Зал погрузился в трепетное молчание, никто не смел разорвать благородную ткань его речи, пока сам директор не решил развеселить слушателей.

– Довольно лирических словечек! Позвольте еще раз искренне поприветствовать вас, новых членов нашей большой семьи, и пожелать успехов в учебе, высоких результатов во всем, чем бы ни занялись, и твердо встать на путь реализации вашего призвания!

Под оглушительные аплодисменты внушительного зала Эдвард Харрисон покинул сцену, и тут же возобновилось гудение. Старшекурсники встали первыми, приглашая младших

к выходу, и принялись сопровождать их к общежитиям. Макс и компания тоже стали медленно продвигаться.

– Ты говорила, что в Стенсфилде учится шесть тысяч человек, – задал Макс еще один из не дававших покоя вопросов.

– Верно, – кивнула Кристина, шагая вполоборота к нему.

– Как же зал был полон, а здесь явно не шесть тысяч?

– Не все идут на приветственную речь, – пояснила сестра. – В основном старосты, их друзья и младшекурсники с братьями и сестрами, как мы с тобой.

Поднялся невообразимый шум; старосты и появившиеся за дверьми взрослые, должно быть, преподаватели, организованно вели первокурсников к выходу. Бесконечная вереница из сотен студентов протянулась от зала до самого выхода. Макс с сестрой шли впереди Назарянов. Эдди время от времени что-то говорил Кристине, та оборачивалась, отвечала. Они о чем-то смеялись, перекрикивались, обсуждали кого-то, словом, неосознанно создали Максиму хорошую возможность вновь украдкой поглядывать на новую знакомую, с появлением которой в нем засел непонятный, беспокойный скрежет. Они вышли к фонтану, свернули влево и направились по узкой дорожке в тянувшейся почти до самых общежитий змейке учеников. Слова директора возымели действие – младшекурсники шли под впечатлением, и общий фон голосистости остыл. Взгляд Макса скользнул по металлически-блестящей глади озера, на которой хаотичным вальсом двигались тени от листьев, создавая мелко бегущие отсветы. В паре сотен ярдов перед лужайкой учебного корпуса шесть одинаковых зданий, примыкая друг к другу с небольшим зазором, образовали прямоугольник с внушительным внутренним двором. На лужайке шли подготовительные работы – устанавливались исполинские, ростом с Макса, колонки, выростал диджейский стол, сгущалась вереница проводов, черными змеями выющихся в ослепительно зеленой траве. Из-за учебного корпуса показался во всю ширь, ставший вполоборота, стадион – два блока трибун, коротких и высоких, по контуру обнесенный черно-оранжевым ограждением. Прозрачная крыша стояла на сплетении черных металлоконструкций, обе трибуны были выкрашены в огненно-оранжевый цвет. Чуть в стороне, между стадионом и лесной чащей, располагался серый приземистый овал ледовой арены.

Наострив уши, Макс старался улавливать разговор чуть отставших Назарянов, полный неразборчивого поначалу смысла и стремительно менявшийся. Он запоминал каждое слово; все, связанное с Дианой, будило в нем колючий интерес.

– Посмотрела бы я на тебя, танцующего под «Брэйв Комбо», – подтрунивала Диана. – Правда, ты ни разу не танцевал на этой лужайке?

– Нет, – рассеянно отвечал Эдди. – И ты не должна сегодня танцевать. День был трудный, тебе нужно отдохнуть.

– Чушь! – вскипела сестра. – Ты что, видишь меня впервые? Ты разве не знаешь, что я никогда не устаю?

– Хватит нести глупости, – ровным тоном парировал Эдди. – Здесь другой воздух, нужно время к нему привыкнуть.

– Ерунда, ерунда, ерунда! Не знаю никакого привыкания и никакой усталости! Если ты устал, иди спать и не мешай мне. Я иду танцевать!

– Ты здесь, чтобы учиться, а не танцевать! – настал черед Эдди возмутиться. – Уроки начинаются завтра утром. Плохи твои дела, если в голове одни танцы.

– Прекрати паниковать! – наступала Диана. – А учиться буду как-никак точно лучше тебя. Не сомневайся!

Спор продолжался, пока четверка не вошла во внутренний двор. Кристина указала на здание на противоположной стороне, ближе к ним из двух. Над входом в каждое общежитие висели огромные прямоугольные фасадные табло с названием института. В раздольном внутреннем дворе, медленно заполняемом впадающими речками студентов, величавое умиро-

творение постепенно разбавлялось оживлением. В центре обширного двора, отделанного бугристым мощеным променадом, ступая по которым, выгибалась стопа, стояла овальная выпуклая клумба, а вернее, целый сад. Пестрые цветы беспорядочно огибали низкие извилистые деревья, тонкие стволы которых, казалось, вылепили из пластилина и изогнули в причудливые формы. Макс не видел таких маленьких деревьев, или больших кустов, заостренные листья которых провисли, словно были из глины и выкрашены в зеленый цвет. Он сбавил шаг, вглядываясь в маленькие конусообразные листья, и не заметил, как Эдди ускорил шаг и с Кристиной обошел его и Диану. Он не помедлил заговорить с ней.

– Брат строг с тобой? – спросил он с улыбкой.

– Пустяки, – отмахнулась Диана. – Это наше привычное общение. Мы можем кричать друг на друга и через секунду обняться. Он прекрасно знает, что у меня нет чувства усталости.

Сказано это было столь твердо и непререкаемо, что Макс чуть было не уверился в истинности ее слов.

Около входа в общежитие института экономики и бизнеса расхаживал невысокий сухощавый человек в темно-бордовом кардигане поверх белой рубашки и гладких брюках с прямыми стрелками. Живой взгляд радушно встречал каждого студента, мужчина активно плескал руками, что-то говорил обступившим его ученикам, смеялся, широкими жестами приглашал внутрь. Заметив приближавшийся к орбите его внимания квартет, мужчина размашистым движением позвал их к себе.

– Мистер Барский! – одновременно воскликнули Эдди с Кристиной и ускорили шаг. Мужчина протянул длинную руку, оба поочередно пожали ее.

– Мистер Вэл Барский, наш декан, – представил Эдди.

– Наш любимый декан, – подчеркнула Кристина.

Светящийся добродушием взгляд Барского скользнул по первокурсникам. Лицо его, свежее, еще не тронутое морщинами, выражало искренний интерес к своим новым студентам.

– Жду вас ровно в семь часов в фойе общежития. Полагаю, у вас есть некоторые вопросы? Так я на них отвечу.

Фойе представляло собой заставленное вдоль стен столами и креслами просторное помещение, по центру каменная лестница, стены тепло-лазурного тона как напоминание о близости океана и подобной ему необъятности знаний. На двух дальних от входа углах крепились телевизоры, уставленные столиком и диванами. Преподаватели вели группы первокурсников на свободное пространство перед лестницей, где уже собралась внушительная толпа. Остальные, обхватив чемоданы, поднимались по лестнице или на лифтах.

– Декан будет произносить речь, – сказал Макс, понизив голос. Диана кивнула, притихнув в ожидании дальнейших событий. Старшие подвели их к собранию.

– Малыши, здесь нам придется ненадолго оставить вас, – объявил Эдди. – Мы с Кристиной должны занять комнаты, и хотелось бы не в самом краю коридора.

– Как выяснить, где моя комната? – спросила Диана.

– Выберешь сама.

И Макс, и Диане ответ показалось иронией, тем более что произнесено было насмешливо.

– Ваши комнаты на первом этаже. Как только мы с Эдди разместимся, придем туда иждемся вас. После речи декана сразу же поднимайтесь, никуда не сбивайтесь, – дала указ Кристина, чмокнула Макса и подмигнула Диане. Вид брата, моливший не оставлять их вдвоем, увиден и понят не был. Диана тут же заполнила стеснительное молчание, возникшее с уходом старших:

– Не могу поверить, что здесь может быть все необходимое для обычной жизни. Зачем понадобилось Генри Стенсфилду строить свою первую школу среди дикой природы? Надеюсь, он предусмотрел, скажем, минимаркет.

– Кристина сказала, что неподалеку отсюда есть город Ломпок. – Он застенчиво улыбнулся. – Наверное, нужно поверить директору.

– Скоро сами выясним, – более спокойно ответила Диана.

– Простите, мистер и мисс...

Макс и Диана одновременно обернулись. Перед ними стоял худощавый мальчик с угольно-черными волосами, падавшими на лоб косою челкой. Взгляд его изучающе блуждал по ним.

– Макс Манукян, Диана Назарян. А ты?

– Джефф Кастелано, – представился поджарый мальчик. – Услышал, как вы гадали, есть ли в школе минимаркет, и решил вас обрадовать. Есть! В глубине главного корпуса, левее по коридору от зала развлечений.

– Спасибо за подсказку, теперь не так сильно хочется бежать отсюда, – сказала Диана, и все трое засмеялись.

– Поверьте, я уже побывал в большей части школы, никакого недостатка испытывать нам не придется, – заверил Джефф Кастелано. – Вы уже познакомились с нашим русским деканом?

– Вэл Барский – русский? – Макс и Диана переглянулись, прочтя в глазах друг друга довольство. Оба знали с ранних лет, что русские чрезвычайно одарены и дружны с армянами. Можно сказать, почувствовали близкую себе душу в этой громаде покрытого мраком неизвестности, а потому пока что пугающего замка.

Диана одарила Кастелано улыбкой, вернее, ленивым приподниманием уголка рта. Потом перевела взгляд куда-то в сторону выхода и некоторое время задумчиво молчала. Кивнув Макс, она коротко бросила:

– Я сейчас, – и направилась к выходу. Манукян только успел заметить, прежде чем разросшееся студенческое море скрыло ее из вида, что она подошла к какой-то девочке у дверей. В подвижную щель меж рядов учеников показался Вэл Барский. По мере его приближения к лестнице ряды сгущались; вошедшие только и стоявшие у дверей спешили занять клочок пространства, откуда смогут разглядеть декана. Манукян забеспокоился, неуверенный, сумеет ли Диана отыскать путь обратно.

Медленно протискиваясь, расточая извинения, Диана сумела вернуться. И не одна, а с девочкой, ранее одиноко стоявшей у входа.

– Это Марисела Гонсалес Солер, – представила она смуглую худенькую, покрасневшую от смущения девочку. Волосы цвета черной ночи волнистыми шлейфами ложились на горевшие уши и шею. Казалось, еще немного, и она лопнет от напряжения.

– Можете называть меня Мари, – проронила Марисела.

– Откуда ты родом? – спросил Джефф.

– Из Пуэрто-Рико.

– Я Макс Манукян, а это Джефф Кастелано.

Диана беззвучно зашевелила губами, и друзья поняли, что она позже объяснит, зачем взяла ее с собой. Четверо новых друзей стали плотно друг к другу и приготовились слушать.

– Добрый вечер, дорогие первокурсники! – Шум стих мгновенно, все взоры обратились к говорившему. Голос Вэла Барского несколько противоречил небольшому росту и интеллигентному лицу – такой твердый, сочный басистый голос подошел бы скорее военному или очень старательному актеру.

– С некоторыми из вас мы уже познакомились, а с кем нет – представлюсь. Вэл Барский, декан института экономики и бизнеса. Хочу поздравить вас с тем, что вы поступили в одно из лучших учебных заведений страны, школу, представляющую собой маленькое царство, где созданы все условия, чтобы вы, наши жители, чувствовали необходимость учиться, черпать знания, и могли бы полноценно это делать. Признаться, мне, как выпускнику этого института, немного завидно. Перед вами десять незабываемых лет – лет, которые, несомненно, оста-

нутя с вами на всю жизнь. Студенческий быт Стенсфилда, помимо уроков, весьма увлекателен. Издавна у студентов заведено объединяться в сообщества. Вы можете вступить в любое, какое пожелаете, или создать свое, собрав единомышленников. До третьего курса старосты старших курсов будут помогать вам в бытовых вопросах, но после вы станете самостоятельными. Принцип расселения по этажам прост: в соответствии с вашим курсом. Это значит, что комнаты первокурсников находятся на первом этаже, второкурсников – на втором, и так далее. Все спальни двухместные. Во избежание путаницы преподаватели нашего института помогут вам разместиться. Селиться можете как угодно. Но не хочу отнимать у вас много времени. Кто проголодался – столовая в главном корпусе, вы могли видеть ее по пути в зал развлечений, старосты или преподаватели укажут вам путь. Ужин заканчивается в половину восьмого, но для первого дня мы делаем исключение и продлеваем работу столовой до восьми. Посмотрите туда, – он указал на информационный стенд справа от него, пестрящий голубыми, белыми, лиловыми и оранжевыми листами. – Там висят списки групп вашего курса и расписание занятий. Если кому-то понадобится помощь, я здесь и готов вам все объяснить. Мой кабинет находится на первом этаже главного корпуса, номер сто тринадцать, – Барский выдержал короткую паузу; взгляд его принял строгое, чуть упрямое выражение, будто на любой вопрос он готов был ответить: «Нет!» Но он быстро смягчился и вновь обрел мягкую доброжелательность. – Итак, дорогие мои, поднимайтесь на первый этаж, селитесь в комнаты, затем изучите списки групп и расписание, и до самого вечера вам предоставлена полная свобода. Старосты, преподаватели и штатный персонал вам в помощь. Есть какие-либо вопросы?

– Как проходит запись в спортивные и дополнительные секции? – тотчас выпалил Джефф.

– Начиная с завтрашнего дня и когда угодно. На нулевом этаже главного корпуса, возле зала приемов находится клуб «Спортивная лига Стенсфилда». Там вы выберете подходящий вам вид спорта и узнаете все относящееся к тренировкам. Все дополнительные секции располагаются на третьем этаже. Любую интересующую информацию можно найти на информационном стенде.

– И про сообщества тоже? – спросил Джефф.

– И про сообщества тоже, – с улыбкой кивнул декан. – Еще вопросы? Нет? В таком случае благодарю за внимание, позвольте мне попрощаться с вами до завтрашнего дня.

С этими словами декан быстрой походкой направился к выходу, подмигивая по пути тем смущенным ученикам, виды которых напрашивались на поддержку. Вмиг поднялась сумятица; лестница наполнилась медленно двигавшимся, раскачивавшимся под тяжестью чемоданов потоком первокурсников. Конечно, имеются грузовые лифты, но их чересчур мало, так что Макс и компания даже не попробовали подняться на них.

В узкой галерее, выложенной мягким ковром насыщенно-земельного цвета, толчея продолжилась, но по мере того, как сформированные пары жильцов исчезали в комнатах, этаж пустел. Эдди и Кристина появились одновременно с младшими и долго искали им комнаты. В конце концов Макс и Джеффу удалось расположиться в спальне в самом конце коридора, рядом с высоким витражом. Кристина заметила ретивость в брате и подмигнула:

– Беги, я разложу твои вещи.

– Я с тобой! – крикнул вдогонку Джефф, и они с Максом выскочили в коридор. Бедняга Каstellано думал, что сейчас они будут бродить по окрестностям, но Макс не терпелось найти Диану. Их с Мари комната находилась в центре этажа. Макс увидел в распахнутую дверь, как они вынимают вещи из чемодана, Эдди размещает стопки одежды в шкаф. Комната состояла из крохотной прихожей, предназначенной разве что для обуви и сумок, по правой стороне от которой находилась ванная, и собственно спальни – две кровати вдоль стен, между ними узкий проход, а у изголовий, под окном, пристроилась широкая тумба с кроватью высотой. Ближе к двери, примкнув к кроватям, стояли два довольно просторных письменных стола,

каждый со своей настенной полкой. У самой двери два гардероба верхней одежды замыкали мебельную цепочку.

– Зачем нужен гардероб, если в Санта-Барбаре не бывает холодно? – спросил Джефф с апломбом от обнаруженной оплошности.

– Чтобы хранить в нем парадный костюм, – бросил не глядя Эдди. Диана подняла голову и, улыбнувшись, вышла в коридор. В это же время из правой от них комнаты появилась белокурая девочка, задумчиво оглядывавшаяся по сторонам. Троица оказалась ближе всех к ней, и она подошла к ним. Взгляд ее скользнул по Макс и Джеффу и остановился на Диане.

– Кто-нибудь знает, где этот штатный персонал, который должен быть к нашим услугам? Джефф опередил всех:

– Я к твоим услугам. Кажется, мисс...

– Эмма Даррен.

– Мисс Эмма Даррен чем-то всерьез обеспокоена.

– Мне хочется познакомиться с моей группой. И хотелось бы знать, какие учебники взять к завтрашним урокам.

Недовольный голос привлек Эдди. Выйдя из спальни, он с интересом оглядел жаловавшуюся.

– Мисс Эмма Даррен, если я верно услышал? Так вот. Знакомство с группой произойдет завтра на первом уроке, а до этого вас ждет вводная лекция, во время которой вам проведут инструктаж и выдадут список книг, которые необходимо взять в библиотеке. Поэтому не торопитесь, мисс, – за столетнюю историю школы эти вопросы удалось решить.

Белокурая девочка подавила смущение, на бледных щеках вспыхнул румянец.

– Спасибо за помощь, а с кем я разговариваю?

– Эдди Назарян, третьекурсник. Так что знаю, о чем говорю. И вообще, вам, малыши, следует уgomониться и не думать ни о чем до завтрашнего утра. На лужайке учебного корпуса состоится дискотека, советую вам расслабиться. Кроме тебя, – он наставил указательный палец на Диану.

– Назидания бесполезны, – язвительно ответила сестра. – И потом, я пообещала Мари вернуться не позже, чем через час.

– Смущенная пуэрто-риканская сеньорита не пойдет? – полушепотом спросил Джефф.

– Нет. Она пока еще боится всего, что видит. Поэтому я должна вернуться не поздно и побыть с ней. В конце концов, конечно, я за ней присмотрю, но привыкать можно только постепенно.

– В таком случае не будем терять время, – бодро произнес Макс, воодушевленный шансом побыть подольше с новой знакомой. – Эмма, ты с нами?

– Нет, спасибо. Все-таки хочу побывать в библиотеке.

Диана вошла в комнату, сказала несколько слов Мари и вернулась с видом исполненного долга. Эдди, хоть и со скрежетом, все же смирился с желанием сестры и обещал вскоре присоединиться с Кристиной.

Ночь упала быстро, черное небо замерцало бесчисленными мотыльками звезд. В отяжелевшем от сырости воздухе гуляли запахи древесных листьев, с которыми только предстояло познакомиться, и проникших вглубь с океана терпко-соленых запахов. Не так давно пустая лужайка заиграла весельем, музыка залила пространство до общежитий. Танцевать Диана начала еще по пути и так резво влилась в пестрящий хаос дискотеки, что Макс на миг потерял ее. Он старался не упускать ее из виду, пытался отогнать сверлящее удивление из-за ее неприужденности. Само положение, при котором девочка, едва знакомая с ним, так вольно пошла с ним на дискотеку, будило в нем неловкость. При этом его захлестнуло восхищение от изящности ее танца, но он стыдился признаться ей в этом, боялся допустить ошибку. Вдруг ей покажется что-то неверное. Едва ли она придает значение его походу с ней. Ей просто не терпелось

потанцевать, и вот она здесь, во власти блаженства, и никто не имеет влияния на ее желания и упорство. А потому ему нужно быть осторожным. Джефф Кастелано время от времени появлялся в поле его зрения и быстро исчезал. Макс едва сдерживал смех, видя неуклюжие прыжки, беспорядочные взмахи руками и несуразные выбрасывания ног. Он не сдержался, склонился к уху Дианы и со смехом сказал:

– Посмотри, как скачет наш новый друг.

Диана чуть повернула голову, улыбнулась замечанию и с придыханием спросила:

– Как думаешь, он итальянец?

– Возможно. Ты определила по фамилии?

– Не совсем. Он очень похож на Челентано.

Их смех утонул в шуме. К концу часа, отведенного себе Дианой, к ним присоединились Эдди и Кристина. Пыхтя и отдуваясь, Диана отошла в сторону и объявила, что ей пора. Макс, подавляя желание вызваться ее проводить, смотрел, как она говорит с братом, как они отходят к общежитиям. Его внимание отвлекла Кристина.

– Весь день наблюдаю, как ты смотришь на нее. Осторожнее, братец, не делай резких шагов.

– Понимаю, – кивнул Макс. – Мне тоже пора.

– Ложись спать, я же хочу увидеться с сокурсниками.

Пылающий, с блестящими лбом и щеками Кастелано отдышался, попрощался с Кристиной и заявил, что у него ноги подкашиваются от усталости. Все его тело дышало резким уксусным запахом пота. По пути в общежитие Макс вспомнил про сравнение с Челентано. И правда, схожесть велика – такое же овальное лицо, пухлые скулы, грубо высеченный нос и очень низкие брови. Мысли тянулись к Диане. Странная тоска объяла Макса – ему вдруг почудилось, что больше он ее не увидит, не глянет на ее причудливо выпирающий подбородок, не насладится шевелением ее губ. Непонятный темный страх сверлил его насквозь, создавая ощущение, будто его душа оголена перед чем-то таинственным, что малейшее неверное слово или действие обрушит это таинственное на его нагое, стыдящееся сердце и навсегда заметет только явившееся, еще совсем хрупкое и запутанное в новорожденной неопределенности чувство.

Музыка стихла, только когда ступили на променад внутреннего двора. Макс прикрывал глаза, и от усталости ему казалось, что в эти мгновенья, когда веки налипают на глаза, ему снятся сны, едва фиксируемые и мимолетные. Поднимаясь по лестнице, он отметил, что всю дорогу новый знакомый не проронил ни слова, хоть до того был сама активность. Оба упали на кровати и уснули глубоким, детским сном.

* * *

Возглас Джеффа разорвал покой мирного сна.

– Просыпайся, скорее! Ты завтрак проспичь! Давай, уже восемь часов!

В сладкой дреме, еще не открыв глаз, Макс представил склонившегося над ним залихватского товарища. Кастелано метался по комнате, беспорядочно бросая в сумку тетрадки и книги, и подталкивал Макса с назойливостью мухи.

– Ты хочешь опоздать в первый же день?! – звонко восклицал Джефф. Зараженный возбужденностью друга, Макс наспех оделся, помылся, и они выбежали из комнаты. Пока Джефф запирает дверь, Макс прошелся к комнате Дианы. Заперто. Постучал в дверь Эммы, осторожно нажал на ручку. Заперто. Все уже на завтраке.

Погода стояла чудесная – солнце еще не пекло, но уже всюю предвещало предстоящую жару, тиранической рукой вычистив небо до ослепительно-бирюзового блеска. Макс едва поспевал за пылко шагавшим, точно желавшим глубоко втоптать брусчатку другом.

Столовая Стенсфилда представляла собой громадное полукруглое помещение, по левой стороне которого тянулась длинная стойка с блюдами; все остальное пространство занимали столы – от двух до десятиместных. И конечно, – визитная карточка школы, – гигантский витраж по центру стены, пускающий поток летнего настроения. Диана, Эмма и Мари завтракали за круглым столом у витража.

– Идите к нам! – вытянув руку, позвала Диана. Эмма любезно улыбнулась знакомым, Мари застенчиво отвела взор. Когда пятерка сложилась вместе, пошли разговоры о вчерашней дискотеке и сегодняшних делах, сдобренные звоном приборов и прерываемые жеванием.

– Вы узнали, в какой группе учитесь? – спросила Эмма.

– Не успели, профессор, весь вечер промотались на дискотеке, – потупив взор, ответил Джефф.

– Как же иначе, – дерзко обронила Эмма. – А я внимательно читала фамилии. Со мной в первой группе Диана Назарян, Макс Манукян, – она неуверенно повела глазами на Макса и Джеффа. Манукян кивнул.

– Это я.

– Прости, еще не всех запомнила, – с полуулыбкой сказала Эмма. – И Джефф Кастелано.

– Все ты знаешь, – поддразнил Джефф и шутиливо нахмурился. – Почему она все знает?

– Потому, что должна стать нашей старостой, – отчеканила Диана, повернулась к Мари. – А ты в какой группе?

– В третьей, – пискнула Мари.

– Жаль, что не вместе, – вздохнула Диана. Вероятно, скованность Мари долго смущала Джеффа, и он решил все прояснить.

– Почему ты такая запуганная? Ты что, боишься нас?

– Джефф! – угрожающе нахмурилась Диана и обняла раскрасневшуюся Мари за плечи. – Не обращай внимания. – Окинув друзей боевым взором, она заговорила громко и твердо: – Родители Мари умерли еще в середине девяностых во время вооруженного нападения на их дом в Пуэрто-Рико, и с пяти лет она жила с двоюродным дядей в Сан-Хуане. Дядя не пожалел денег и усилий для того, чтобы отдать ее сюда. И вот, Мари здесь, прилетела издалека, чтобы учиться с нами. В отличие от всех нас, у нее нет рядом родителей, так что не смейте обижать мою подругу. – Тут она остановила каменный взор на Джеффе. – И прикуси, пожалуйста, язык, мистер Джефф Челентано.

Кастелано вспыхнул, зарделся, лицо приобрело пунцовый окрас.

– Ты чего так взъелась? Я ведь в шутку! И моя фамилия Кастелано!

Макс засмеялся, примирительно хлопнул разгоряченного товарища по плечу. Диана поглядела на Мари, затем на Джеффа, тоже улыбнулась.

– Видишь, Мари? Он пошутил, так что прости его, и давайте обсудим, кто в какую секцию запишется. Я решила – фигурное катание.

– Мы с Максом на футбол! – возвестил Джефф. – Да, Макс?

Манукян безмолвно поднял большой палец, проглатывая сосиску. Затем, съев, добавил:

– Еще я два года учусь игре на гитаре, и хочу продолжать.

– А это интересно! – изрек Джефф. – Всегда мечтал иметь друга, играющего на гитаре, потому что прекрасно пою. Я буду Яном Гилланом, ты Ричи Блэкмором. Что ты скажешь, Эмма?

– Я пока не решила, – задумчиво протянула Даррен. – Прежде я должна справиться с учебкой.

– Куда предпочтет записаться многоуважаемая сеньорита Марисела Гонсалес? – с лакейским почетом произнес Джефф.

– Кастелано, еще слово, и я... – начала было Диана, но тут Джефф прервал ее негодующим возгласом:

– Диана, мы же просто шутим! Что тут такого? Или ты будешь стрелять в меня за каждое слово? Мари, прости, если вдруг я тебя обидел, просто я такой!

Громогласный окрик за их спинами прервал спор:

– Малыши, в вашем возрасте я в это время уже сидел за партой!

Эдди Назарян в сопровождении Кристины и какого-то мальчика подошел к ним, улыбаясь друзьям сдержанной улыбкой.

– Знакомьтесь, дети мои. Роберт Уилсон, мой однокурсник и лучший друг. – Несмотря на худощавость, Роберт Уилсон выглядел несколько устрашающе. Ростом не ниже Эдди; глубоко посаженные глаза, приютившиеся под козырьками век, оценивающе смотрели на первокурсников. На смуглом лице читалась некая отстраненность. Беспорядочно разбросанные белобрысые волосы вкупе с подозрительно-отстраненным взглядом придавали их владельцу схожесть с дикарем.

– Это Диана, моя сестра, и Макс, брат Кристины. – С какой-то неохотой Роберт Уилсон пожал Макс руку и кивнул Диане и остальным.

– Приятно со всеми познакомиться. – Говорил Роберт так же отстраненно, будто над каждым действием приходилось подолгу раздумывать. Эдди ухмыльнулся, посмотрел на притихших первокурсников.

– Роберт – поэтическое светило будущего. Он думает о вас немного иначе, чем вы о себе, поэтому будьте с ним вежливы.

– Он всегда восхищался мной, но вы не обращайтесь к нему, – лениво протянул Роберт.

– Роберт очень скромный, – добавила Кристина. – Как спалось в первую ночь?

– Превосходно! – улыбнулась Диана, напряженно дую в стакан в попытке остудить чай.

– Посвятите нас в ваше расписание, – попросила Кристина.

– Первый урок – вводная лекция вместе с физматовцами, – с готовностью ответила Эмма.

– С физматовцами? – переспросил Эдди и повернулся к Роберту.

– Брат Кранца поступил на физмат, – сказал Роберт тихо, будто делиась тайной. Эдди сел на свободный стул.

– Слушайте меня, малыши, – вкрадчиво начал он. – В Стенсфилде, особенно на физмате, учится много выходцев из Комптона. Среди них есть один, которого я не очень-то люблю. Старайтесь не разговаривать с чернокожими из физмата. Поняли?

Наступила напряженная пауза, которую попыталась разрядить Кристина неопределенной улыбкой.

– Мы поняли, – нашлась Диана и посмотрела на друзей. – Я потом все объясню.

Без пяти девять друзья вошли в лекционную аудиторию и по совету Дианы, чтобы иметь возможность разглядеть всех присутствовавших, сели в дальнем верхнем углу. Мари села у окна, рядом с ней Эмма и Диана. Макс поспешно упал на стул рядом с Дианой, вызвав у нее легкий смешок – видимо, она и так придержала ему место. Джефф замкнул ряд.

Поток торопившихся первокурсников заполнял аудиторию, монотонный шелест становился все сильнее.

– Простите мою невежественность, но что такое Комптон? – спросила Мари, заметно осмелевшая после заступок Дианы и извинения Джеффа. Она разложила школьные принадлежности и с любопытством разглядывала окружающих.

– Комптон – это город, где собраны все преступники, – коротко, с кислой миной ответила Эмма. – Я слышала, что там каждый день кого-то убивают.

– Неправда, – деланно возразила Диана. – Каждые два дня.

Изумленные взгляды друзей мгновенно метнулись на Диану.

– Я там живу.

– Ты живешь в Комптоне? – ошеломленно переспросила Эмма. – Как долго?

– Шесть лет, – отстраненно отвечала Диана, явно недовольная реакцией.

– Я думал, туда заселяют только чернокожих и латиноамериканских убийц, – вставил Джефф. – Как вы там оказались?

– Сможешь сам ответить без подсказки? – воскликнул Макс с несвойственной ему вспыльчивостью. – Как еще люди оказываются в Комптоне, Джефф?

Его взгляд остановился на Диане, изучавшей аудиторию с поникшим видом.

«Осторожнее», – шепнул он себе.

Диана пристально смотрела куда-то в сторону первых рядов.

– Видите чернокожего типа со шрамом на шее? – Она указала вперед, не отводя глаз, в которых смешались презрение, озабоченность и напряженность.

Макс понял, о ком речь и о каком Кранце упоминал Эдди.

– Это Кранц, которого Эдди не очень-то любит? – спросил он.

– Это его брат, – вздохнула Диана.

– Их еще и двое, – процедил Джефф, чем навлек несколько недовольных взглядов сидевших вокруг. – Ты его знаешь?

Диана фыркнула, не спуская глаз с плотного коренастого студента с толстыми плетеными волосами в стиле Cornrows, явно чувствовавшего себя здесь вольготно в окружении нескольких компаньонов. Абрис шрама показывался на зашеечке, теряясь у левого уха под туго стянутыми клоками.

– Кармак Кранц, – понизила голос Диана. – Живет в Комптоне, вместе со старшим братом Эрионом и такими же безмозглыми прохвостами часто лезут на нашу улицу. Банда Эдди прогоняет их, но они все равно продолжают свои набеги. Их отца никто никогда не видел, и у всех свои догадки, кто он, где и чем занимается.

– С кем же они живут? – опасливо поинтересовалась Мари.

– Не знаю, я не бываю на их улице.

– Как такие поганцы могут учиться в Стенсфилде? – спросила Эмма, исподлобья поглядывая на Кранца.

Тут Диана умолкла, и Макс понял почему. Кармак Кранц поймал ее взгляд и теперь приближался к ним с торжествующим выражением.

– Узор моей ржавой жизни! Нет, нам сами небеса велели быть вместе! – Голос у него был неровный и булькающий, будто горло было забито слизью. Жирным он не был, но его тело казалось каким-то рыхлым и дряблым, как бывает изнанка шляпки у грибов. Тонкий, полуобросший кожей шрам придавал без того грубой внешности Кармака вовсе страшный вид.

– Сколько же выложил твой папаша, чтобы воткнуть тебя сюда? – презрительно уронила Диана. Мари и Эмма в ужасе смотрели на Диану, не понимая, как можно грубить такому типу.

Кранц обдавал Диану ледяным, пронизывающим взглядом, откровенная ненависть в котором вывела Макса из себя.

– Ты что-то имеешь против нее? – вызывающе бросил он. Джефф с готовностью встал. Кармак пренебрежительно поглядел на Макса, губы его дрогнули, видимо, в попытке сдержать ругательства.

– А ты кто такой, белоснежный цыпленок? Думаешь, ты крутой? Приходи на нашу улицу и там покажи всю свою прыть. – Взгляд его вновь упал на Диану, твердо глядевшую на него, со стиснутыми зубами.

– И где ты только взяла эту уродскую футболку? Ты в ней похожа на Фредди Крюгера.

– Заткнись и исчезни отсюда. – Макс угрожающе двинулся было на опостылевшего типа, как тут раздался сильный голос преподавателя.

– Всем занять свои места, лекция начинается! – призвал мужчина средних лет в сером костюме, с сероватым лицом, бледно-рыжими волосами и ворохом веснушек на лице.

– Здесь мы говорить не будем, с нетерпением жду тебя на Рив-стрит, – прокаркал Кранц, быстро повернулся и стал спускаться к своему месту.

– Не угрожай мне, сукин сын, – бросил вслед дрожавший от ярости Макс.

Всю лекцию компания сидела с хмурыми лицами, под впечатлением от отвратительного знакомства.

– Никогда не видела такого противного гадкого типа, – возмущенно перешептывалась Эмма с Дианой. – И что за глупость про небеса, которые велели вам быть вместе?

Макс старательно прислушивался к их разговору, его самого мучили вопросы.

– Еще когда они навевались к нам, он только и норовил нагрубить мне. Все это делалось для того, чтобы произвести на меня впечатление.

– Нагрубить с надеждой, что понравиться? – недоумевала Мари.

– Это Кармак Кранц и его ржавая жизнь, – вздохнула Диана.

* * *

Наконец залихватистый звонок возвестил об окончании лекции, и томившаяся целые сорок минут молодая энергия плеснула за край в форме бурно поплывшей к выходу реки. Всю лекцию Макс прожигал затылок этому толстомятому наглецу и думал о том, что теперь просто обязан быть всегда с Дианой. Наспех собрав вещи, Кранц с кучкой товарищей покинул аудиторию, не оборачиваясь к друзьям.

– Чего никак не могла ожидать, так это того, что увижу его здесь, – понуро говорила Диана, когда они спускались по лестнице в библиотеку, с внушительным списком необходимых учебников. – Несколько месяцев они приходили на нашу улицу и нападали на Эдди и наших друзей. А в Комптоне не принято просто так ходить по чужим улицам. Эдди не жаловался старшим, все хотел решить сам, несколько раз была ужасная драка.

– И только для того, чтобы понравиться тебе? Ему казалось, это сработает?

– Он не знает другого, поэтому и казалось. Но вскоре он понял, что банда Эдди сильнее, и махнул рукой. Теперь же, пожалуйста, шоу продолжается, – Диана уныло усмехнулась. – Будем вести битву взглядов.

– Не бойся, я буду всегда с тобой и не дам этому негодяю победить в этой битве. – Смущение охватило его раньше, чем он понял, что выпалил так поспешно. Зардевшись, Диана слегка наклонила голову к нему, улыбнулась.

– Забудем о нем, – предложила она. – Сегодня нужно многое сделать.

С наступлением вечера жара слабела, улица наполнялась гуляющими. Кто-то ложился у озера, под сенью душистых вытянутых, как увеличенные корнишоны, листьев эвкалипта. На лужайке учебного корпуса играли во фрисби, волейбол и маткот. «Синие чулки» заняли скамейки во внутреннем дворе, в однообразных серо-коричневых пуловерах, схожих круглых очках, и погрузились в раскрытые на острых коленях книги. Пары фланировали вдоль клумбы, ведя праздные беседы. Первокурсники обступали клумбу, разглядывая цветы. Некоторые собирали семена с калифорнийских маков, а особенно любопытные жевали их, наверное, памятуя о рассказах про индейцев, использующих семена в пищу. Все это наблюдал Макс из фойе общежития, возвратившись из спортивного клуба, где он, Диана, Эдди и Кристина провели полвечера за изучением спортивных секций и определились с выбором. Смотрел, как солнце медленно всачивается, как вода в землю, в горизонт, распуская на прощание горячее сияние, вместе с чем полный знойного лиризма вечер становится все тише. В холле шла борьба младшекурсников, назойливо крутившихся у телевизора, и отгонявших их старшекурсников, не намеренных уступать. За другими столами играли в настольные игры, пили чай, взятый из кафетерия в подвальном этаже, или просто сибаритничали, утопленные в мягкие кресла, с полузакрытыми глазами. Макс оторвался от вида за окном, посмотрел на Диану. С утреннего происшествия она заметно поникла, почти не говорила. И сейчас, казалось, не участвовала в разговоре, флегматично вода взглядом по присутствующим.

– Они состоят в банде? – Макс не знал, с какого вопроса из целого роя начать.
– Пока нет, но у них сбитая команда, они главные на своей улице и, как видно по их набегам, готовятся стать бандой.

– Рив-стрит – их улица?

– Восток-Рив-стрит. Улица, где живут Кранцы и кузены Винс Уоррен и Уэйн Тунис. Они-то и суются к нам.

– Объясните мне кто-нибудь, как типы из бандитских мест учатся в Стенсфилде? – недоумевала Кристина.

– Известно как, – фыркнул Эдди. – Как вы с Максом поступили? Бесплатно?

– Конечно, нет! Но родители платят за нас обоих двадцать тысяч в год. Есть у них такие деньги?

– У отца Кранцев, значит, есть. Этот бестолочь надеется, что Стенсфилд исправит таких же как он, безмозглых сынков.

Макс и Кристина замолчали. Эдди все отводил от них взгляд, явно не желая поднимать занавес своей жизни. Диана поглядывала на Манукянов с немой просьбой не продолжать расспросы.

– Расскажите лучше о своих новых друзьях, – сменил Эдди тему, глянул на сестру и слегка коснулся подушечками пальцев ее подбородка. – Хватит киснуть, тебе не идет вялость. Что скажешь про Мари и Эмму? Вижу, вы подружились.

– Думаю, они отличные подруги, и мы здорово сладим. Мари нужна поддержка, здесь у нее никого нет. Эмма, мне кажется, будет лучшей студенткой курса. Советую тебе, Макс, дружить с ней, хотя бы для того, чтобы списывать уроки.

Манукян тускло ухмыльнулся.

– Как Джефф Челентано? – продолжал Эдди, стараясь подбодрить сидящих.

– Очень жизнерадостный, настоящий итальянец.

– И очень развязный, – добавила Диана. – Вот кого нужно привести на улицу – Сеск и Доминик быстро отучили бы его задевать девочек.

– Он не хотел задеть Мари, – вступился за друга Макс. – Это всего лишь его способ общения. Жаль, если ты думаешь о нем плохо, – он будет надежным другом.

Диана махнула рукой. Жест этот означал, что надежность Джеффа не подвергается сомнению, если ты, Макс, так настойчив в этом вопросе, и что вообще это не так важно ей, как тревога за то, что противный Кармак и здесь не даст ей покоя. Примерно так же махнул рукой генерал Ли, когда во время сражения у Питерсберга узнал о планах Конгресса урезать полномочия президента Дэвиса и присвоить ему звание верховного главнокомандующего. О каком звании идет речь, когда у него на кону жизнь Конфедерации? Разве ему это важно?

– Вот что, – решительно прервал молчание Эдди. – Позовите-ка их прямо сейчас к озеру, на дальний от нас берег. Если вы уже отстаиваете честь друзей, значит, какая-то химическая реакция в вас уже произошла. А мы с Кристиной найдем Роберта и неспешно пойдём туда. Так, быстрее, малыши, мы не собираемся вас ждать до полуночи! Марш за остальными цыплятами, и бегом к озеру!

* * *

Потребовалось добрых полчаса, чтобы убедить недоумевавших друзей покинуть уютные комнаты, отогнать сонливость и пойти в назначенное Эдди место. Макс и Диане значительно облегчило бы задачу по склонению друзей к этому маленькому походу знание, зачем это делается. Но Эдди со свойственной ему скупой точностью дал лишь указание, не утрудившись ничего объяснить. Все же в конце десятого часа, когда быстро упавшая ночь внесла

в Стенсфилд покой и еле проглядываемую тьму, пятерка первокурсников шаркающими шажками побрела к озеру.

– Дальний берег, прямо сейчас, – ворчал Джефф. – Почему мы должны выполнять его приказы, как верные собачки?

– Мой брат ничего зря не делает, – урезонивала Диана. – Через пару минут все узнаем.

С приближением к озеру отчетливее становилась черная гладь, отражающая стальную полосу лунного света. Три призрачные фигуры двигались в дальнем краю берега, сливаясь со стволом нависшего над озером дерева и оставляя вместо себя почти невидимые силуэты. Не знай Макс, что это Эдди, Кристина и Роберт, решил бы, что ветер так играет листьями, образуя эти крупные тени.

– Войско прибыло, – окликнул Роберт Назаряна. Тот стоял спиной к подошедшим, запуская плоские камни в воду так, что они несколько раз отскакивали от поверхности, долетая чуть ли не до середины. Обернувшись, он выронил камни, довольная улыбка озарила лицо.

– Все пришли, – сам себе сказал Эдди не без удовольствия. – Пока вас не было, я научился метать камни по воде.

Джефф вспылал.

– Нет, мне нравится! – гаркнул он с ожесточенными рукоплесканиями. – Он позвал нас сюда для того, чтобы сказать, как он научился метать камни по воде!

– Терпение, друг мой Челентано.

– Кастелано!

Кристина приблизилась к брату, ласково потрепала по волосам и подмигнула Джеффу:

– Слушайте внимательно.

– Итак, друзья. Вы уже знакомы с некоторыми положениями Стенсфилда. Одно из них – это сообщества, в которые вступают почти все. Так вот, предлагаю создать нашу собственную команду. Не просто группу по интересам, а команду друзей, где наши взаимоотношения будут выходить далеко за пределы общих интересов. И это не львиный прайд, где львы готовы убить своего за добычу и не раздумывая бросят раненого члена прайда, если тот не может идти с ними. Это волчья стая, где каждый готов отдать жизнь за своего, поделиться добычей и защищать раненого всей стаей, хотя бы ценой жизни. Предлагаю вам сейчас же, не медля ни минуты, – сложим нашу энергию в один тигель. Пусть вас не смущает, что вы знакомы только один день. Мне известно, что ты, Джефф, готов был вместе с Максом защитить мою сестру от нападков этого слизняка. Мне известно, что к тебе, Мари, моя сестра испытывает особенное чувство. И как только она заметила тебя в толпе студентов? Она хочет сделать все, чтобы ты не чувствовала себя здесь одиноко. И я готов ей помочь. И наконец, какая семья без мозгового центра? Эмма, только обещай, что будешь иногда позволять своим друзьям списывать уроки, когда они об этом попросят?

– И это вся моя роль в семье? – быстро нашлась с ответом Даррен. – Не согласна – заниматься нужно самим, с этим помогу. Но списывать не думая – простите, друзья.

Эдди хохотнул, довольный пониманием.

– Исключить! – шутливо выкрикнул он, выбросив руку в прогоняющем жесте.

– Но мы ведь пока не создали семью, чтобы меня исключить. Разве не будет никакого ритуала?

– Да, требуем ритуал! – вставил Джефф. – Потому что иначе ты мог не выщипывать нас из постели, а сказал бы за завтраком.

– Спокойно, дети мои, ритуал есть, и сейчас мы его исполним. Подходите ближе, образуйте круг.

Эдди экзальтированно вытянул руки, все двинулись к нему. Он явно не ожидал столь бархатного отклика на свой призыв. Восемь учеников сформировали узкий круг, держа друг друга за руки. Макс стоял между Эдди и Дианой.

- Повторяйте за мной: с этой минуты и на всю жизнь...
  - С этой минуты и на всю жизнь! – вторил хор.
  - Мы связываем друг друга стальными канатами дружбы.
  - Мы связываем друг друга стальными канатами дружбы, – восторженно разливалось вокруг.
  - Пусть вся школа, весь мир берет пример с нашей сплоченности. Скажите это громко!
- Слившийся в один, мощный голос окутал Макса благоговейным чувством близости ко всем находящимся здесь. Вдруг показалось, что ладонь Дианы стала теплее, а обхват Назаряном его руки крепче.

* * *

Этот маленький неприметный обряд сделал свое дело: знакомое всего один день, новоиспеченное сообщество стало живо проникаться знакомством друг с другом. Чем сильнее различались члены компании, тем интереснее они были друг другу. Грозный Эдди Назарян, несомненный лидер с непререкаемым авторитетом. Его сестра Диана Назарян, перенявшая от брата неумный источник жизненных сил и прямоту, а в остальном – полная его противоположность. Мягкая, покладистая, само олицетворение доброты и сердечности. Одним своим взглядом – теплым, прямым и открытым – она пробуждала в друзьях спокойствие и уверенность, что на нее можно положиться. Кристина Манукян казалась идеальной парой для Эдди. Не лишенная высокомерия и жеманства, она гордилась тем, что Эдди избрал именно ее, и старалась соответствовать статусу подруги парня, которого сторонятся иные старшекурсники. Будучи весьма хороша собой, с черной гривой густых волос, овальным лицом с резкими линиями бровей и кошачьим пронизательным взглядом, Кристина прекрасно понимала, что Эдди нужна рядом такая девушка, чтобы вызывать в других зависть и не стесняться быть с ней. У лидера и подруга должна быть соответствующей: привлекательной, гордой, умеющей наполнить жизнь лидера всем, что ему понадобится. И однако, Кристина ничуть не была кривлякой и ветреницей.

Словоохотливый позер Джефф Кастелано никогда не даст заскучать. Немного тщеславный, он испытывал аффектированный восторг от нахождения в центре внимания. Его неотесанная, дубовая манера высказывать свое мнение сперва насторожила друзей, но по прошествии некоторого времени стало ясно, что манера эта, в сущности, безобидна и вызвана лишь неумением Джеффа угнаться за собственным языком.

Роберт Уилсон, наиболее степенный и рассудительный в новообразованной компании, слыл среди однокурсников голосом Стенсфилда. Дружелюбный, неторопливый, благожелательный, он обрел множество знакомых и благодаря им знал все, что происходит в школе. Эдди Назарян был его кумиром, и Роберт всегда готов следовать за своим лидером.

Эмма Даррен станет, несомненно, самой прилежной ученицей. В первые дни она призналась, что мечтает окончить школу с отличием и в будущем занять место декана своего института. Помочь сделать домашнюю работу, объяснить уроки – Эмма взяла на себя роль живой библиотеки, в которой не нужно часами рыскать в поисках нужных сведений. Марисела Гонсалес, самая робкая и тихая, всем своим видом будто бы просила защиты. Неудивительно, что друзья, видя ее боязнь всего вокруг, относились к ней с должной обходительностью.

Традиционно студенты объединялись в сообщества, формировавшиеся по интересам членов и именовавшиеся соответствующе: «Любители покера», «Сообщество сторонников утопического социализма» или «Клуб фанатов LA Lakers». Сообщества создавались и распались, набирали новых членов и расставались с ними, организовывали конкурсы, игры и тематические вечера.

До третьего курса Эдди, Кристина и Роберт не состояли ни в каком сообществе. Эдди хотел создать собственное, нечто вроде того, что он видел в Комптоне. Его завораживала сама идея, а еще больше ее воплощение, что он может собрать в банду несколько близких ему людей и сплотить их. Часто после возвращения из начальной школы имени Роберта Кеннеди, где прошли их с Дианой первые школьные годы, он смотрел передачи про дикую природу и как-то наткнулся на выпуск про макензийских волков. Он был охвачен неописуемым восторгом от их социального поведения и тогда стал мечтать когда-нибудь иметь собственную команду, столь же крепкую и преданную своим членам. Вдобавок ему не терпелось доказать этим прохвостам Кранцам, входившим в сообщество подобных им выходцев из восточного Комптона, что и тут он не намерен уступать. За пределами Стенсфилда Эдди с наслаждением всыпал бы обоим гадам, но в школе они были в неприкосновенности. Проведенный им обряд был призван вселить в малышах бдительность друг к другу, и кажется, к великой его радости, задумка удалась. Ведь даже место и время он выбрал подходящее волчьей стае – ночью под луной. Еще более отраднo ему было от того, что Макс выглядит тем, кто способен ответить любому негодяю. Такой-то и нужен его бедняжке-сестре, кто нажила беду лишь по вине своей красоты и кажущейся хрупкости. В свои тринадцать Эдди прекрасно знал про объединяющую силу трудностей; пусть общий враг сблизит их, а Макс попутно подтвердит веру в способность постоять за сестру. «Этому юнцу предстоят тяжелые испытания, чтобы я успокоился», – размышлял каждый раз Назарян, глядя на него.

* * *

Со следующего дня Стенсфилдская жизнь заискрилась во всей пестроте – увлекательные уроки, выполнение объемных домашних заданий в библиотеке и комнатах, футбольные тренировки, где Макс и Джефф присоединились к Эдди и Роберту. На счастье, младшим курсам каждого института приставлены гувернеры, помогающие в бытовых вопросах. Иногда вечерами устраивались танцы на лужайке за учебным корпусом, изредка друзья посещали представления, проходящие раз в неделю в зале развлечений. Безмятежность Стенсфилдской жизни казалась незыблемой. Эмма Даррен охотно помогала друзьям справляться с уроками, которые, надо отметить, были весьма трудны.

Хорошие успехи показывал Макс на тренировках. Однажды, после очередной игры, его окликнул Вэл Барский, вдруг появившийся на кромке поля.

– Мистер Барский, я не знал, что вы бываете на стадионе, – прерывистым от одышки и волнения голосом сказал Макс.

– Мне нравится смотреть на детей, – сказал Барский полнокровным, сочным голосом. – В вас столько чистого и естественного. Ты поймешь, о чем я, лет через двадцать. – Декан мягко улыбнулся. – Я впечатлен твоей игрой. Вероятно, ты уже слышал про ежегодную межшкольную олимпиаду?

– Да, сэр.

– Так вот, у тебя есть все шансы стать героем школы и помочь выиграть кубок по футболу.

– Спасибо, сэр.

– Не останавливайся. Играй так, будто желаешь с каждой игрой открыть в себе новую сторону, какой прежде не знал. Но об этом лучше скажет тренер. Я же просто хотел отметить твой талант и попросить продолжать в том же духе.

Так стартовала учеба Макса Манукяна – многообещающе, радужно и безоблачно. Единственный неприглядный валун, портящий идиллию бескрайней океанской глади, Кармак Кранц, после стычки в первый день, и тот перестал волочиться за Дианой. Кроме редких встреч в столовой или на улице, парень с прической *Cornrows* и змееподобным шрамом на шее никак себя не обнаруживал.

С первого дня Макс и Диана садились за соседние парты, совместно делали домашнее задание и часто проводили время в прогулках по территории школы. Владения Стенсфилда были поистине внушительными: стройные эвкалипты с размашистой кроной, зеркально чистое озеро, подернутое чапаралем, раздолье для прогулок, привлекающая близость океана, а вокруг зеленеют и шепчут окутавшие школу сочно-зеленые рощи кустов со стреловидными листьями. Прогуливаясь по вечерам, друзья наслаждались великолепием природы, дивились множеству посаженных по всей территории земляничников и кустарников литокарпуса, запоминали их названия и учились различать одни деревья от других. С каждой прогулкой крепло влечение Макса к Диане. Эта девочка поражала его день ото дня. Исполненная задора и детской пылкости, она будто никогда не уставала. Будь то после долгой прогулки, занятий или фигурного катания, Диана неизменно была полна сил, весела и разговорчива. Вместе с тем, когда они с Максом разговаривали, она смотрела на него взглядом, от которого он невольно думал: «Я просто не могу что-то скрыть». Ее большие темно-карие глаза смотрели столь честно и доверчиво, что каждый раз под таким взглядом его охватывал необъяснимый страх. Казалось, что стоит лишь осечься, как Диана тут же испугается и навсегда убежит от него, улетит, как ленточка одуванчика, подхваченная порывом ветра. Макс боялся стать этим ветром. Он и сам не заметил, как привязался к ней настолько, что уже не представлял себя без нее. Каждый раз, прощаясь с Дианой у двери ее спальни, ему грезилось какое-то смутное чудо, находившееся где-то поблизости, размытое и пока непонятное, и будто бы верно приближающееся. Диана всегда была мила с ним, несмотря на умение дать резкий колкий ответ; она относилась к Максиму с некой бережливостью, даже скрытностью. Тем не менее, она охотно принимала все его приглашения прогуляться или посидеть в студенческом кафе, а домашнюю работу неизменно делали вместе.

Однажды ранним вечером, в выходной день позднего сентября, когда солнце начало разрывать серебристые облака, вонзая в них золотистые лучи, Макс и Диана вышли из библиотеки, утомленные домашней работой. Они последними среди друзей завершили ее и собирались остудить вскипевшие мозги. Днем приезжали родители обоих, в третий раз за месяц, и остались весьма довольны положением детей. У них была долгая беседа, затронувшая учебу, быт, спортивные секции, друзей и досуг. Щемящая тоска, присутствующая всегда при прощании, и в этот раз глодала Макса.

– Ужин только через час, – с сожалением отметил он.

– Я не голодна.

– Тогда предлагаю прогуляться, отдохнуть и наиграть аппетит.

– Где тебе хочется погулять?

Макс подумал. Все места Стенсфилда уже были посещены.

– Хочешь взглянуть на океан с высоты? – предложила Диана. – Когда мы ехали сюда, я заметила одно место. Мне показалось, что оттуда открывается прекрасный вид на океан.

Она зашагала по дорожке к выезду, не дождавшись ответа.

– Идти надо быстро, оно довольно далеко, – ускорив шаг, сказала Диана. Манукян едва поспевал за ее ровным энергичным шагом.

– Если так, мы можем побежать, – предложил он. – Ведь мы оба спортсмены.

– Побежали!

Они вышли из поста охраны и быстрой рысью побежали по дороге. Растущие по обе стороны чапарали подрагивали от бега, исчезая из вида нескончаемым потоком. По мере приближения к океану заросли становились реже, разбавляясь поначалу прогалинами, затем личными просветами, и, наконец, остались лишь одиноко раскиданные деревца среди сухой, крошащейся земли. Дорога сдвоилась, уходя вправо и влево. Решили идти прямо. Каждый их шаг поднимал кисейную пыль, садился на обувь и одежду, но героев это не смущало. Устав, они сбавили шаг, жадно глотая воздух. Слева уже красовался океан, изумрудный у берега и темне-

ющий, переходящий в темно-васильковый, окропленный мелькающими повсюду барашками волн. Перед ними появился мыс.

– Мы идем туда? – догадался Макс.

– Верно.

Железная дорога пересекала их путь, та самая, что сопровождала всю дорогу в Стенсфилд, вспомнил Макс. Постепенно земля становилась сырее и темнее. Вот они уже на мысе. Волнение возросло, как только они дошли до края, и захлестнуло восхищение, только Макс поднял взор. Они стояли на самом краю, отделенные от обрыва несколькими футами.

– Потрясающе, – только и смог вымолвить он. Безбрежное покрывало сливалось с горизонтом, и то ли соединялось с небом, то ли небо укутывалось в него. Он сделал шаг, опустил взгляд. Неистово ревел прибой, вода, дико ударяясь об отвесные скалы, крошилась на белые крупинки, напоминающие частички разбитого вдребезги стекла. Впереди и левее виднелись очертания трех островов, теряющиеся в раскаленной дымке. Туда направила палец Диана.

– Посмотри на острова. Что это за острова? Они обитаемы? А если нет, жили там когда-либо люди или эти острова – место, где можно увидеть природу в ее первозданном виде?

Голос Дианы был спокоен, но проникнут зачарованностью. Макс взглянул на нее. Она улыбнулась ему своей лукавой, немного ленивой улыбкой. Понадобилось не больше секунды, чтобы Макс понял, что в нем изменилось за эти несколько секунд. С этого вечера Диана Назарян окончательно заняла главное место в его душе.

Глава 2

Привычка незадолго до отбоя проводить время на мысе стала постоянной. Несколько раз в неделю, обычно после того, как особенно утомятся от уроков и домашней работы, Макс и Диана выбегали из школы и, как в первый день, рысцой неслись в одно и то же место. Туда, где суша резко обрывается, как внезапно закончившаяся краска фломастера во время рисования, и непроглядный океан предстает во всем своем застывшем величии. Кажется, он вытесан из массивов слящегося друг на друга зеленовато-сизого лазурита, неподвижного вдалеке и беснующегося у берега.

– Я и не знал, что мне так нравится смотреть на океан, – говорил Макс. Они прохаживались вдоль песчаного берега, садились на скалистые откосы и подолгу разговаривали. Выяснилось, что обе семьи в Ереване жили на одной улице. Рассуждали, в каких местах на улице Московян могли вместе играть, обсуждали занимательные события в жизни школы.

– Ты заметила, как Джефф смотрит на Эмму? – спросил Макс. – Она определенно ему нравится.

– С трудом представляю, как могут сойтись бунтарный говорун Джефф и спокойная Эмма. Но если это получится, у них будет прекрасная пара.

В начале октября погода была по-летнему жаркой и влажной; студенты толпами гуляли по вечерам, занятые каждый своим делом, наслаждаясь безмятежными часами отдыха. В один из таких вечеров Макс и Диана прогуливались около озера, где сотни студентов облепили берег. Одни дремали, другие оживленно болтали, третьи читали, четвертые играли в мяч. Друзья условились встретиться в семь часов в столовой.

– Чувствуешь аромат океана? – Макс протяжно вдохнул запах бриза, свежести и морских водорослей.

– Запах Стенсфилда. Мне кажется, что все это происходит во сне. – Они неторопливо расхаживали вдоль берега, не забывая глядеть перед собой, чтобы ненароком не наступить на какого-нибудь зеваку, нежившегося на траве. – Здесь просто потрясающе!

Резкий возглас откуда-то со стороны заставил обоих замереть и оглянуться.

– Сестра Назаряна с этим подлецом! Идем, Эрион! – вещал булькающий голос. Кармак Кранц, а с ним еще один тип постарше стремительно направлялись к ним.

– Кранцы, – упавшим голосом выдохнула Диана, но тут же приняла решительный вид.

– Смотрите-ка, у подружки появился парень! – пророкотал Кармак, злобно ухмыляясь брату во всю ширину рта, явно замышляя что-то отнюдь не доброе.

– Кто такой, белоснежка? – пренебрежительно бросил Эрион Кранц Макс. Ростом он был выше его, плотный, с животом в виде бесформенной груши. Черные волосы его сальной шапкой покрывали голову. Судя по футболке, наполовину вылезавшей из темно-коричневых мятых штанов, этому типу совершенно безразличен свой внешний вид.

– Тебе-то что, увалень? – огрызнулся Макс.

– Парень этой девки! – Кармак указал на Диану, глядя на нее злобно и одновременно торжествующе. – Он угрожал мне в первый день. Что теперь скажешь, белый кролик? Знакомься с моим братом. Как думаешь, Эрион, я могу утопить его в озере?

– Заткнись, Кармак, – процедила Диана. – Отстань от нас.

– Молчи, крошка, – рявкнул Кармак. – Опять на тебе эта уродская футболка?

– Еще слово, и я тебя повешу на этих деревьях, – пригрозил Макс, наступая на Кармака и закрывая Диану спиной. Ему и в голову не пришло, что все его представления о Стенсфилде, как колыбели спокойствия, мигом рухнут после его слов. Не успел он опомниться, как тяжелый кулак Эриона с силой врезался ему по лицу, оставив на верхней губе и носу обжигающую боль.

Боль эта вызвала в нем настоящее бешенство, и, забыв о школьных правилах, он бросился на старшего Кранца, яростно размахивая кулаками. Кармак не повременил с подмогой.

– Мы быстро разучим тебя пыжиться перед подружкой! – гаркал он. Вдвоем они повалили Макса на землю, завязалась ожесточенная драка. Сквозь глухой шум в ушах Макс слышал, как Диана звала на помощь и пыталась утихомирить налетчиков:

– Вас выкинут отсюда, вот увидите! Дикари! Помогите же ему кто-нибудь!

Несколько старшекурсников, весьма недовольные тем, что мирный сон прерван, кинулись разнимать дравшихся. Кто-то схватил Эриона за шкуру и оттолкнул в сторону с громогласным криком:

– Прекратите сейчас же!

Когда, наконец, удалось утихомирить эту маленькую, но беспощадную войну, Диана в ужасе подскочила к Максиму и оттащила его на несколько футов от братьев. Все трое были грязны, как обезьяны, вышедшие из джунглей.

– Эй, Назарян, я хочу поговорить с тобой! – Кранц-младший хотел было побежать к ним, но несколько старшекурсников плотным кольцом окружили братьев и силой поволокли их в сторону школы.

– Поговоришь с деканом, малец, – шикнул один из них.

Когда братьев увели, Диана принялась энергично сбивать пыль с Макса.

– Тебе не очень больно? – беспокоило говорила она. – У тебя кровь из губы.

– Пустяки, – отмахнулся Макс, морщась от оскомины на губах и во рту. – Пойдем-ка лучше в комнату, мне надо переодеться.

Покончив, насколько это возможно, с грязью, Диана еще раз провела руками по плечам Макса и взглянула на него.

– Спасибо. – Она улыбнулась широко и искренне, но не успел Макс подумать, как прекрасна ее улыбка, как она тут же одернула его:

– Бежим скорее, надо остановить кровь и помыться!

* * *

Диана позвала брата и Кристину в комнату и поведала о случившемся.

– Что за припадок бешенства! Они будто упали с неба! – негодовала она. – Набросились на Макса на глазах у всех!

– Надо настоятельно попросить декана вышвырнуть этих недоносков из школы, – решительно заявила Кристина.

Эдди смотрел на Макса со смесью сочувствия и полуулыбки.

– Ты хоть сумел впечатать им?

Диана ответила быстрее:

– Да поодиночке он бы втоптал их в землю! – И посмотрела на Манукяна в поисках поддержки. – Да, Макс?

Манукян хмуро пожал плечами. Несколько секунд Эдди задумчиво ходил по комнате, потом заговорил медленно, с выражением, делая акцент на каждом слове.

– Слушайте меня, дети мои. Повторяю еще раз. В Стенсфилде много выходцев из Комптона. Эти Кранцы – дети преступника, их здесь целая банда, они называют себя «Африканские кочевники».

– Мы даже не заметили, откуда они появились, Эдди! – настойчиво повторила Диана. После этой истории она была не на шутку взволнована. – Он все пытался что-то мне сказать.

– Кармак влюблен в Диану по уши, – сказал Макс. – И очень мне завидует. Теперь я для них злейший враг. Вместе с тобой, Эдди.

– И как только таких принимают сюда? – возмущалась Кристина. – Что делать, Эдди? Будем каждый раз убегать от них?

– Они боятся Эдди с тех пор, как он с друзьями выбивал из них дурь.

– На что же тогда он надеется? – недоумевала Кристина. – Оскорбляя тебя, полагает, что понравится тебе?

– На что можно надеяться, если у тебя в голове не мозг, а грецкий орех? – спокойно ответил Эдди. Происшествие, казалось, не удивило его. – Они не чувствуют боли, когда их бьешь. Не понимают, когда советуешь не соваться. Но за одну драку никого не отчислят. Поэтому единственный способ отделаться от них – держаться подальше. Неизвестно, когда у него случится припадок, два месяца их не было видно. Ты молодец, Макс, что постоял за мою сестру.

– Какой черт принял их в школу, – злобно бормотала Кристина. – Так или иначе, им не выдержать экзаменов. Надеюсь, в будущем году их отчислят за неуспеваемость.

– Может случиться как раз наоборот, – сказал Эдди. – Именно у таких, как они, сильная мотивация выучиться и устроить себе порядочную жизнь. Вы не поймете, что значит жить в Комптоне, пока не увидите. Со временем они поймут, что Стенсфилд – их единственный шанс не умереть от шальной пули или сесть за торговлю наркотиками.

– Что же значит этот ваш Комптон? – недоверчиво сказала Кристина. – Почему-то ты можешь быть порядочным, а они нет. Хотела бы я посмотреть на то, чем ты их так упорно обеляешь.

– Тогда мы с Дианой приглашаем вас к нам домой, в эти выходные. – Эдди повернулся к Диане. – Да, сестренка?

Диана, сидевшая неподвижно на стуле, резко взглянула на брата, как на умалишенного, и выпрямилась.

– Ни за что, – отрезала она. – Ты хочешь, чтобы они увидели, где мы живем?

– А разве они не наши друзья? – парировал Эдди, не обращая внимания на сверлящий взгляд сестры. – Им интересно знать, почему Кранцы так себя ведут и почему они могут стать лучшими студентами, – вот мы и покажем им нашу жизнь изнутри. Покажем наглядно, откуда мы и кто мы.

– А я не хочу показывать им это! Не хочу! – не сдавалась Диана. – Ничего хорошего они про нас не узнают.

– Не кипятись, сестренка, – спокойно отвечал Эдди. – Побывав у нас, они лучше поймут, как относиться к чернокожим здесь, а заодно узнают лучше нас. В конце концов, если мы дружим, то рано или поздно вы должны были бы знать. Почему же не устроить это на следующих выходных?

– Так, извините, что вмешиваюсь, но мы все-таки можем сказать свое мнение, – выступила Кристина и посмотрела на Диану. – Мы с удовольствием приедем к вам домой, и поверь, наше мнение о вас не изменится, что бы мы там ни увидели.

Безнадежно вздохнув, Диана вынужденно отступила.

– Как знаешь, Эдди. Но твоя вина, если их пристрелят.

– Диана! – рявкнул брат. – Глупая недотрога!

Обиженно насупившись, Диана взглянула на ошеломленных Манукянов и быстро подмигнула, давая знать, что это лишь шутка.

* * *

Макс глотнул холодного чая и откинулся на спинку мягкого соломенного кресла, обитого пушистыми подушками. Движение в столице накалялось – нескончаемые потоки машин вливались в площадь Республики, и улицы грозились в любую секунду замереть в пробках.

По мере повествования Макс вспоминались все новые и новые подробности, и почти все углубляли уныние.

– Впервые я влюбился в Диану на мысе Говермент-Пойнт. Но то была лишь влюбленность в очаровательную девочку с такой необычной улыбкой и глубоким взглядом. Во второй раз, после пребывания у них дома, я влюбился в нее сильнее. Про Комптон я знал разве что из нескольких музыкальных клипов. Та поездка открыла мне совершенно иную Диану. Эдди и без того всегда был парнем жестким, и в его ретивости уже тогда не было сомнений, но Диана слишком сильно контрастировала с окружением. Сколько бы я ни описывал ту действительность, ты не поймешь, если не увидишь своими глазами. Эти вереницы одноэтажных одинаковых домишек с мусорными баками на тротуаре и сидящими на крыльцах группами подростков. Стены, разрисованные символами банд, громоздкая паутина проводов на деревянных мачтах вдоль дорог, обветшалых настолько, что боишься к ним подойти. Парки с площадками, где по вечерам играют в баскетбол. Торговцы наркотиками стоят на перекрестках, расхаживают около своего поста, предлагая товар. Многим едва за тринадцать. Но самое важное – банды. Их не встретить когда угодно, днем жизнь их в основном кипит в домах, иногда они выходят на улицу и проводят тренировочные драки. Вечерами снуют по десять-пятнадцать человек, у всех строго соответствующая цветам банды одежда. Днем в жару их не видно, и кажется, что они сели где-то в засаде. К вечеру каждая улица заполняется своей бандой, ходят и глядят по сторонам, некоторые с пистолетами, а у старших еще и портативные приемники радиочастот. Они используются для прослушивания переговоров полиции и своевременной координации действий во время рейдов. Хотя, по правде говоря, полиция сама щедро кормилась из рук наркоторговцев. Это один из немногих уголков планеты, в отношении которого здравый смысл перестает работать, – деятельность полиции заключалась лишь во внезапных вспышках устрашения. Тебя могут застрелить за то, что ты ненароком ступил на чужую территорию. В бандах имеются специальные люди, чья работа заключается в том, чтобы просматривать свою улицу. Сидя на крыше дома, в парикмахерской, в машине, они следят, чтобы чужаки не заходили на их землю. Молодые преступники не знают ни закона, ни порядка. Чем круче твое оружие – тем круче ты. Зарабатывают банды как могут – угоняют машины, занимаются мелким рэкетом, грабят дома, похищают людей, торгуют наркотиками. В начале двухтысячных в Комптоне действовало больше шестидесяти банд, в том числе ячейки крупнейших международных группировок. Одной из них были «Латиноамериканские короли», контролировавшие обширную область на юге города, и сопредельные с ними на востоке банды чернокожих – Bloods и Crips, покончивших с войной в начале двухтысячных. Эти три банды договорились создать так называемый «квадрат мира» по границам своих южных владений, где не будет убийств и банды смогут жить мирно. Мир между чернокожими и латиносами – неслыханно для Комптона, невероятно для Южного Лос-Анджелеса.

Анна смотрела на Макса невидящим взором, унесшись далеко отсюда, представляя, видимо, криминальные войны, комптонские улицы, и пытаясь понять, что такое этот Комптон.

– Большие банды не были бедны. Наоборот, их не интересовали мелкие дела. К примеру, группировка «Латиноамериканских королей» в «квадрате мира» тесно сотрудничала с управлением полиции округа в Комптоне. До них мы скоро доберемся.

Сегодня Комптон довольно красивый и обеспеченный город. Но двадцать лет назад процесс распада банд только начинался. С ростом цен на недвижимость многие люди стали уезжать, а приехавшие не имели отношения к действующим бандам. И это был медленный, незаметный процесс. Тот Комптон, в который мы с Кристиной приехали, уже остыл от дыма пистолетных пуль, но повсюду все еще был разбросан термит, способный мгновенно полыхнуть и снова охватить город. Тебя утомил рассказ?

Анна изобразила виноватую улыбку.

– Сложно представить тот Комптон. И понять, как ужились в нем Назаряны.

– Тебе нужно построить в голове два мира – Стенсфилд и Комптон, сопоставить их различия, и тогда ты поймешь, что вся эта история обязана своим появлением сложению этих двух миров в двух людях – Эдди и Диане. До поступления в Стенсфилд они учились в начальной школе имени Роберта Кеннеди с латиносами, Эдди Назарян обретал первых друзей, будущих соратников.

Прослушав этот небольшой исторический очерк, Анна приняла глубоко задумчивый вид и замерла на несколько секунд. Макс подумал, что сейчас в ее голове слышен свист пуль далеких девяностых.

– Эдди тоже вступил в банду?

– Нет. Он создал свою.

– Армянин создал банду в латиноамериканском районе?

Макс вспомнил, как сам некогда удивлялся этому факту.

– На самом деле, национальность не помешала ему. Эдди не любил черных с первых дней жизни в Комптоне. Дом Назарянов находился на территории латиносов и соседствовал с кварталом черных, где жили Эрион и Кармак Кранцы, Винс Уоррен и Уэйн Тунис. Кармак влюбился в Диану уже тогда и потому подстрекал брата и друзей нарушать границу. Эдди приходилось вместе с друзьями отбивать их вечные нападения. Так он сплотился с латиносами против черных. К счастью, «квадрат мира» охватил и их улицы, там порядок обеспечивали сеты Crips и Bloods по южному Комптону.

– Ты сказал, Кармак влюбился в Диану. Почему же он ей грубил? Как хотел драками с братом добиться ее расположения?

Макс побарабанил пальцами по столу и опустил руку на колено.

– Обычное проявление тщеславия. Ему хотелось утвердить в ее глазах свое превосходство. К сожалению для него, Диана лишь ужасалась его манерам.

* * *

Старшие Назаряны с готовностью откликнулись на приезд гостей. Субботним днем, когда солнце начало медленно сваливаться с зенита, отец Назарян приехал за детьми и их друзьями. Кристина в разговоре с родителями назвала адрес Назарянов и условилась с отцом, что в восемь часов он приедет за ними. Два часа пути в сопровождении океана, затем несколько попутных городков, и мимо роскошной Санта-Моники, где из-за густых сплетений стройных, прямых, как солдаты на смотре, пальм выглядывали вереницы домов, машина заехала в трущобы городской суеты.

– Мы на Алондра-Бульваре, следующий поворот наш, – возвестил Эдди, когда они съехали с фривея. Сидя спереди, он стал часто поглядывать на друзей с лукавой ухмылкой.

Все время движения по фривею Макс с трепетом, нетерпением и тревогой ждал съезда в город. Он был убежден, что благодатная панорама тотчас сменится грязными улицами и покосившимися домами, ожидал полчища бесцельно мельтешащих подростков с взведенными пистолетами. На фоне ожиданий увиденное им походило на раннее утро после Рождества. Улицы и дорога были пустынные, не считая тихо сидевшей у крыльца группы подростков. Две машины ехали им навстречу, лениво, как попытка сытого до отвала к пробежке. Они с Кристиной прилипли взглядами к компании, чем навлекли их возмущенно-вызывающие взоры.

– Ну как вам? – Диана чуть заметно улыбнулась. Макс быстро отвел взгляд от банды.

– Лучше не смотреть ни на кого, – заключил он.

– Верно, – кивнул Эдди. – Видите двух типов впереди? Это Луис Каттано и Чино, двое из шести генералов «Латиноамериканских королей», кому принадлежит наша округа.

– Тебе бы меньше интересоваться всякой дрянью, – презрительно одернул отец. – Для того вы с сестрой и учитесь в Стенсфилде, чтобы отойти от этой гадости.

Замечание отца ввергло Эдди в явное неудовольствие. Грозно нахмурившись, он готов был вступить в бой и сдержался лишь благодаря присутствию друзей.

– Смотрите на провода, – он указал пальцем, Макс и Кристина направили туда взгляды. Над ними висела пара привязанных к электрическим проводам кроссовок. – Знаете, что это значит? Кроссовки погибшего члена банды вешают на проводах над местом убийства в память о нем, – пояснил Назарян нарочито громко. Диана незаметно для отца ткнула брата в плечо. Эдди бросил на отца короткий дерзкий взгляд и отвернулся.

Машина свернула влево и через ярдов сто подъехала к приземистому бежевому домику. Навес, тянувшийся по всему фасаду, поддерживался пятью квадратными колоннами. Кроме входной двери с левого края, на фасаде имелись два больших деревянных окна с облезлой краской. Ограждением маленькой армянской вотчины служил черный стрельчатый забор, покрытый с боковых сторон густо растущими вьющимися цветами.

– Мы дома, – объявила Диана.

Узкая дорога была застроена стоящими в ряд жилыми одноэтажками, тянувшимися в два ряда по обе стороны улицы. Несколько машин покоились на дороге, другие стояли взаперти за ограждением. Вся улица дышала тишиной и умиротворенностью. На тротуарах стояли зеленые и черные, набитые доверху мусорные баки. Диана выудила миг, когда отец и Эдди парковали машину в гараже, и жестом подозвала Манукянов.

– Мы поселились сюда, думая, что будем жить в тихом пригороде, – таинственным шепотом сказала она. – Родители очень жалеют, что не познакомились с городом поближе прежде, чем вложили все деньги в этот дом.

Оба с пониманием кивнули.

– Проходите, дети мои! – торжественно велел Эдди, отворив дверь. Жилище Назарянов представляло собой скудно обставленную гостиную, соединенную с кухней. Здесь находилось лишь самое необходимое – обеденный стол, заставленный стульями, маленький диван с низким столиком напротив телевизора. За гостиной узкий коридор вел в две спальни. Вся мебель была белого цвета и сверкала неоспоримой чистотой. Миссис Назарян приветствовала гостей с радушной улыбкой. При первом взгляде стало ясно, у кого Диана переняла черты лица. Те же темно-карие глаза, правильный овал лица, мягкий взгляд и теплая улыбка. Диана кинулась в объятия матери, расцеловала ее и представила друзей.

– Можешь представить, они тоже жили на Московяна! Возможно, мы вместе играли. Папа вспомнить не смог. Может, ты можешь?

Миссис Назарян долго шурилась, водила пальцами по подбородку, пронизывала Манукянов напряженным взором и в итоге сдалась.

– Вы голодны? Идем за стол, я приготовила фахитос и булочки с подливкой. Между прочим, сегодня день Колумба.

– Пусть девочки ужинают. Мы с Максом не голодны, – спешно вставил Эдди.

– Почему это Макс не голоден? – нахмурилась мать.

– Мы пойдем гулять, а когда вернемся, хотим выпить листовой чай. Вы пьете дома листовой чай?

– Нет, – признался Макс. Он был не меньше миссис Назарян озадачен резкостью друга. Мать, однако, не подала виду.

– Ты пригласил друзей познакомиться с нами или своей обожаемой улицей? – порицательно спросил отец, приступивший к ужину.

– Мы сами решим, что нам больше нужно прямо сейчас, – бросил Эдди и кивком позвал Макса к выходу.

– Миссис Назарян, я правда не голоден, – виновато произнес он и попятился к выходу. Кристина обжигала его неодобрительным взглядом, Диана старалась казаться совершенно безучастной, чтобы не захлебнуться от стыда.

Сумрак сгушался, садясь на город громадной шапкой. По небу мрачно плыли пухлые, как овечья шерсть, облака. Несколько работающих фонарей тускло освещали пустынную, утопающую в тишине дорогу. Казалось, звезды и серповая луна освещают ее ярче.

- Справа находится граница «Латиноамериканских королей» и Bloods.
- Кранцы приходили оттуда? – догадался Макс.
- Да. Слева наша с Дианой прежняя школа. Что тебе хочется повидать сперва?
- Границу.

Друзья вышли за черную стрельчатую ограду и не спеша пошли по узкому тротуару, едва вмещающему двух пешеходов. Вокруг царили каменная тишина и насыщенный сумрак. В грядках перед домами росли цветы, вздымаясь над оградой и перекидываясь через нее длинными лозами. «Прыгающих» машин, как и куч бесперебойно стреляющих во все стороны головорезов, также не встретилось. Ничего из виденного им не совпадало с его представлениями о Комптоне. Эдди заметил удивление друга.

– Наш район – единственный во всем Комптоне, где запрет на конфликты установили сами банды. Мы живем в «квадрате мира», который создали «Короли», Crips и Bloods, объединив свои территории восточнее Ранчо-Домингес. Всем бандам, проживающим в нем, запрещено стрелять, драться или другим способом подвергать опасности представителя другой расы. Мы должны быть примером порядка и законности.

- Запрещено воевать только с другой расой?
- Со своей делай что угодно, только не переходи черту.
- Какую?
- Убийство, наивный ты простачок. Полиция довольна обстановкой, и они требуют только не привлекать внимания. Взамен разрешают делать наши ночные делишки.
- Откуда ты так хорошо знаешь?
- Помнишь Луиса Каттано? Это дядя моего друга. Отличный парень. Он мне пообещал, когда мы вырастем, разрешить создать свою банду и вести дела самому.
- И зачем тебе это надо?
- То есть зачем? – изумился Назарян. – Затем же, зачем люди ходят в офисы, красят машины, чинят провода, работают официантами.
- Но это нечестно.
- Я могу доказать, что ты ошибаешься.
- Что это за ночные делишки?
- Не нужно пока тебе знать.
- Ты собираешься убивать людей?
- Нет, глупыш. Убивать грешно и запрещено старшими. Я собираюсь добиться успеха другими способами.

Быстрый мороз пробежал по телу Макса, проник в кровь, прогнав жар к лицу.

– Ты серьезно? Ты признаешься в том, что готов преступлениями добиться успеха? – недоверчиво переспросил он. Гонор друга ужасал его.

– Послушай, малыш. – Эдди стал уставать от назойливости Макса. – Ты слышал что-нибудь о волчьих стаях?

– Знаю, что они живут семьей.

– Смотри. – Они вышли на перекресток. Впереди тянулись железнодорожные рельсы, заключенные в решетчатое ограждение. За рельсами виднелись размытые во мраке контуры одноэтажек. – Это граница. За ней территория Bloods, а правее Crips.

– Там живут Кранцы. – Макс присматривался к домам; вдруг ему представилась шайка Кармака, перепрыгивающая ограждение, и сам Кранц, не раз проходивший по тому месту, где он стоит, спешащий увидаться с Дианой.

– Так вот. – Они развернулись, зашагали обратно. – Как думаешь, почему волкам удается выжить в суровой Арктике? Смогли бы они прокормиться, если бы охотились разрозненно?

– Не знаю.

– Нет, нет! – рокочуще рыкнул Эдди. – Подошли бы с голода. Если не хочешь быть одиноким козлом, всю жизнь удирающим от волков, тебе нужна семья.

– Чем плоха твоя семья?

– У меня не семья, – презрительно фыркнул Назарян. – У меня чертов кодекс Хаммурапи. И не только у меня. Посмотри, как мы живем. Когда еще жизнь человека была так упорядочена? О каких свершениях можно говорить, если нас отлили в стальные строки законов государства, порядков, общества, и еще чертовой дюжины? Ты должен знать, что историю вершили люди, вырвавшиеся из этих оков, существовавших во все времена. Те, кто придерживался надуманных, ватных кодексов, ушли в небытие, как и эти кодексы, устаревшие и умершие. На смену им пришли другие люди и кодексы, и они ушли в небытие. И во время каждого исторического витка находились люди, срывавшиеся с этого колеса-убийцы, освободившие свой дух и разум и устремившие их на подвиги. Этих людей ты сейчас изучаешь по учебникам, славословишь и преклоняешься перед ними.

– Тебя страшно слушать, – признался Макс, чувствуя себя ущербным под этим рокочущим накатом несообразно с тринадцатилетним человеком умных слов. – Ты отвергаешь свою семью только потому, что они запрещают тебе быть преступником?

Опрометчивый вопрос Макса чуть не переполнил чашу гнева Эдди, заставив того судорожно сжать кулаки.

– Ты не понимаешь главного. Если я покорюсь предубеждениям, я пропал. Я не хочу быть преступником. Моя честь – это то, что я обязан беречь. Но пока ты не поверишь в то, что твой ум и твой дух имеют право на жизнь, ты останешься во мраке времени. Оно тебя сглотнет, как кит глотает разом десять фунтов планктона. Поэтому мы должны делать все, что позволяют нам время и место, где мы живем. Я создам свою волчью стаю, которая позволит мне быть королем, пусть маленьким, но я совершенно точно не буду кособоким дурнем, скованным предрассудками. Эдди Назарян не согласен влиться в массу дурных простофиль, в чей мозг проникла кюретка с налетом архаичной ржавчины; я не позволю провести над собой эту позорную лоботомию!

– Тебе точно тринадцать лет? Я не понял ничего из сказанного. Ты называешь предрассудками воспитание, которое тебе дают родители? – спросил Макс, не боясь больше переполнения чаши. «Я выдержу все, только бы понять, что у него на уме», – думал он. Одна поразительная для его возраста эрудиция помогала Эдди располагать к себе. В копотной темноте они прошли жилище Назарянов.

– Да, если они противоречат моим целям. Обязанности, предубеждения, устои – все, что является атавизмом и уродует нас сегодня. Моя мечта – иметь свою сильную стаю, и никакая архаика, никакие ущербные кодексы меня не остановят.

Эдди остался весьма доволен убедительной победой. Макс молчал, разгромленный неистовым ураганом. Он чувствовал несогласие, но не знал, как выразить. Этот парень с блестящим умом и бешеным нравом внес хаос своими сумасбродными взглядами. Наверное, такое сочетание, приправленное могучей физической силой, и рождает темперамент разъяренного быка, готовность шпагой доказывать свою правоту.

– Не знаю, что и сказать.

– Ты согласен со мной?

Макс колебался с ответом.

– Не согласен только с тем, что родительское воспитание – это, как ты сказал, уродует нас.

– Я сказал не так. Родители дали мне жизнь, уже этим я им обязан. Но это не дает права влезать в мой ум и крутить детали по своему разумению, не понимая, что вместо пользы они

прикручивают мне обезьяний хвост. Мы должны действовать, прислушиваясь к себе, иначе человек так и остался бы виснувшим на дереве шимпанзе.

– Но ведь твои родители желают тебе именно лучшего, потому и хотят закрутить кое-какие детали в твоей голове.

– Они крутят по своему пройденному опыту. Время же меняется с такой скоростью, что нашим старшим уже за ним не угнаться. Когда-нибудь время всех рассудит. И тогда поглядим, кто где окажется. Вся наша планета стала такой, какая есть, благодаря бесконечной череде случайных событий, подавляющая часть которых, если вырвать каждое из цепи длиной в миллиарды лет, была губительна для планеты. Но спустя десяток-другой миллионов лет последствия этого губительного события приводили к благоприятному исходу. Точно так же я чувствую влечение к необычным, рискованным, может, смертельно опасным событиям. И уверен: в будущем они принесут мне пользу; как наша Земля, единственный оазис жизни в мертвой черноте, я буду блистать и выделяться всеми своими достоинствами, которые остальные побоялись приобрести.

– Мне нравится, что ты сравниваешь свою жизнь с эволюцией нашей планеты, – усмехнулся Макс.

– Ты снова ничего не понял. Ладно, малыш. Через несколько лет, когда будешь готов, мы вернемся к этому разговору. Вот наша прежняя школа.

Только сейчас Макс заметил, что они стоят возле низкого здания полукруглой формы, с оранжевато-земельного цвета стенами и плоской выступающей крышей.

К школе примыкал небольшой парк. Несколько подростков кулаками выясняли отношения, разнося злобные крики по всему парку. Эдди указал на дерущихся.

– Обычное занятие шпаны. – Вглядевшись внимательнее, сказал: – Идем, посмотрим кто это. – Они ускорили шаг, приблизились к своре.

– Это же Сеск и Доминик! – воскликнул Эдди. – Познакомлю тебя с моими друзьями. – Он трусцой устремился к гурьбе, Макс побежал вслед.

– Ну-ка прекратили, не то руки всем оторву! – громогласно оповестил Эдди о своем прибытии. С приходом Назаряна драка мгновенно прекратилась, как по взмаху волшебной палочки.

– Что за брачные игры тут устроили?! – продолжал он командным голосом умирять потных, задыхавшихся оборванцев. – Разбежались все с глаз моих, или я с каждым лично устрою такую брачную игру, мало не покажется! Что тут произошло?

Чудеса, изумлялся Макс. Сорванцы будто начисто позабыли, что творили десять секунд назад, и начали один за другим, потрепанные и урчавшие от боли, расходиться. Двое из этой компании торопливо зашагали к Эдди.

– Этому отребью только волю дай – сгрызут друг друга, даже не отрыгнут! – проворчал один из них, парень возраста Эдди, схожего сложения, но гораздо темнее, и с вытянутым, как клюв орла, лицом. Его растопыренные ежиными иглами волосы поблескивали от пота.

– Знакомьтесь – Макс Манукян, Доминик Петейра, – небрежно представил Эдди. – А это Франсиско Каттано, для нас просто Сеск.

Второй был ростом с Макса, с тяжелым клубком черных волос, оливковой кожей и острым, почти колючим взглядом.

Оба пожали Макс руку – Доминик сухо и хмуро, Сеск чуть более дружелюбно, но не без пренебрежения.

– Ты приехал один? – спросил Сеск у Эдди.

– С Дианой.

– Когда и на сколько?

– Сегодня, завтра вечером возвращаемся. Макс – мой стенсфилдский друг. Решил познакомиться с Комптоном.

– Не боишься причинить дружку моральную травму? – ухмыльнулся Сеск.

– Тише, приятель, я хоть и младше, но в морду дать могу, – пригрозил Макс, не чувствуя, однако, злости. Что-то во взгляде Сеска подсказало ему, что тот настроен невраждебно.

– Храбрая моська, – похвалил Сеск и поглядел на Эдди. – Он мне нравится! – И вновь обратился к Максусу: – Как тебе у нас, парень?

– Интересно, – ответил Макс, понимая, что обязан держаться уверенно.

– Сеск и Доминго – мои лучшие друзья на всем Запад-Клод-стрит. Так из-за чего сцепились?

– Тьяго назвал Рикки кретином, завязалась драка, и на подмогу обоим бросились остальные. – Сеск посмотрел на Макса. – Такими словами не бросаются. Здесь каждый сам за себя, парень. Если не можешь за себя постоять, тебя не возьмут в банду.

– Какие новости за неделю, пока меня не было?

– Все так же, Локо. Вчера катались на байках по реке, удирали от Т-1000. Ты любишь кататься на байке, Макс?

Не успел Макс ответить, как издали раздался возглас Дианы.

– Эй, вы! Бросили меня и свалили?

Четверо разом оглянулись, глядя, как Диана стремительно приближается к ним. Сердце Макса екнуло при мысли, что здесь она чувствует себя как дома.

– На него никакой надежды, но хоть бы ты сказала, что вы здесь! – воскликнул в ответ Доминик, оскалившись в приветственной улыбке.

– На себя бы посмотрел! – откликнулась Диана, ускоряя шаг и тоже салютуя Сеску с Домиником. – Даже не сподобились позвать меня!

Оба по очереди обняли Диану, приветствие получилось вполне в традициях лучших друзей.

– Что вы тут творили без нас? – хозяйским тоном спросила Диана. Если бы не ее красота и девичья хрупкость, ее можно было бы запросто причислить к «своим», – столь свободно и беспечно она вела себя. Вот как уличная жизнь дополняет материнскую мягкость.

– Да разве мы способны на что-то без нашего MVP? – засмеялся Сеск.

– Что это за банда такая, где MVP – девочка? – саркастично подхватил Эдди.

Четверо комптонцев объединились в некую невидимую сферу, и Макс почувствовал себя лишним. На некоторое время они начисто забыли про его существование, рассказывая друг другу всякие смешные истории, случившиеся за полтора месяца разлуки. Вот что такое настоящая семья, вот что Эдди так старается перенести в наше стенсфилдское сообщество, думал Макс. Как же далека его жизнь от жизни Назарянов? С каждой минутой Диана и Эдди казались ему все более недостижимыми. Столь вольготно чувствовать себя в уличной среде и не только не уступать, но бесспорно превосходить соседей по улице в уважении. Максусу стало казаться, что, если бы Эдди и Диана вдруг исчезли, Сеск и Доминик тут же кинулись бы на него с кулаками, и ему пришлось бы право на уважение доказывать силой, тогда как Назаряны доказали свое право на уважение ясным умом и запредельной решительностью. Поразительная простота, с которой компания держалась, заражала Макса, и он невольно загорелся желанием быть таким же, как они.

Наконец, Диана вспомнила, зачем искала Макса.

– Ваш отец приехал, просил передать, чтобы ты немедленно возвращался и вам пора домой. – И, ехидно улыбнувшись Сеску и Доминику, сказала: – Не уходите, мы с Эдди проводим друзей и придем к вам.

– Вмажь там этим паршивцам Кранцам, – обратился Сеск к Максусу.

Их прощание напомнило сцены из рэп-клипов, причем с Дианой попрощались так же: сперва с гулким хлопком ударили по рукам, взяли друг друга за большие пальцы, затем кач-

нулись вперед и картинно столкнулись плечами. Когда пришел черед Макса попрощаться, он попытался в точности повторить этот ритуал, и у него, кажется, получилось.

– Приводи сюда братишку почаще, Локо! – изъявил желание Сеск. – Seriously, Макс, тебе с нами понравится. Тем более, парень ты не промах.

– И если вдруг в этом вашем Стенсфилде какая проблема, знаете к кому обратиться, – дополнил Доминик.

По пути домой Эдди расспрашивал Макса о его впечатлениях. Диана шла молча, внимая каждому его слову, и ревниво впивалась в Макса взглядом, когда он делился мыслями. Всем своим видом она возмущалась и стыдилась его с Кристиной приезда.

– Теперь-то ты доволен, Эдди? – стиснув зубы, роптала она. – Я на тебя очень зла.

– Хватит ворчать, Макс, очень даже понравилось, – возражал брат.

– Конечно, понравилось, ведь нет места лучше Комптона, – съязвила Диана, не оборачиваясь. Она шла впереди широким, звучно отдававшимся от асфальта шагом, слегка поворачивая голову по сторонам и окидывая округу изучающим взором, как хозяйка, зашедшая домой после долгого отсутствия.

Отец стоял у крыльца вместе с Кристиной, скрестив руки на груди. Назарян-старший о чем-то ему говорил, водя рукой по воздуху. Вероятно, описывал маршрут до дома. Отец, казалось, не слушал. Максом овладела неопишуемая радость от встречи с отцом в этом небезопасном месте. Он ускорил шаг, обогнал друзей и бросился в его объятия. Отец молча провел сыну по голове и глубоко заглянул ему в глаза.

– Все в порядке? – глухо спросил он.

– Да, папа. Мы с Эдди отлично погуляли.

– Попрощайтесь, и садитесь в машину.

Завершив прощания и выразив признательность, Макс и Кристина выполнили указание. Отец задержался, скупой поблагодарил Назаряна-старшего и кивнул детям в знак прощания. Выехав на фривей, он грозно взглянул на детей.

– Вы дружите с ними?

От холода, веявшего в голосе, обоим стало неловко. Макс вдруг оробел, почувствовав непонятную вину.

– Да, – тихо ответила Кристина. – Они наши лучшие друзья в Стенсфилде.

– И после того, что вы увидели, намерены продолжить дружбу?

Оба промолчали, скованные отцовским морозом.

– Это опасно. Они опасны. Порядочные семьи не могут жить в Комптоне. Вы должны прекратить дружбу с этими распутниками.

Часть 2

Юность

Глава 3

Вердикт отца не надломил отношение Манукянов к Назарьянам, но поначалу смутил безоговорочное восхищение ими. Разве может отец ошибаться, думал тогда неокрепший Макс. Он стал внимательнее присматриваться к повадкам и особенностям Эдди, неосознанно искал в Диане признаки испорченности, даже корил себя за неспособность их отыскать. В выходные дни, когда родители посещали Стенсфилд, Макс с досадой замечал, что стыдливо избегает общества Дианы. Она это поняла, но никак не обнаруживала потрясение от понимания, что в глазах родителей ее друга является меченой. Лишь иногда впадала она в глубокое уныние и, сидя по вечерам в фойе общежития, подавленно смотрела в окно. Те несколько недель, пока свежо было предостережение отца, прошли для Макса в невыносимых мучениях, подкрепленных злостью на самого себя за собственную шаткость. Его влечение к Диане было неистребимым, приказ отца окатил его ведром ледяной воды, но понемногу дрожь отступила, вернулись тепло и привычная увлеченность этой добродушной, энергичной, временами строгой и острой на язык девочкой. Он твердо решил в ближайшие выходные, повидав родителей, разуверив отца в опасности дружбы с ними, и с каждой новой встречей вместе с Кристиной они упорно твердили, что Эдди и Диана не принадлежат к тому миру, где живут. Так к многогранной стенсфилдской жизни примешались заботы по обелению Дианы в глазах родителей.

Второй, третий, четвертый – курсы бежали стремительно, полноводный поток знаний увлекал в свои течения, не позволяя забываться и предаваться беспредметным размышлениям и кукованию. Со временем родители, кажется, сменили тон в отношении Назарьянов на более мягкий, или, возможно, это по мере взросления у Манукяна разрасталась уверенность в своих чувствах, что привело к недомолвкам с отцом. Посещая детей, он старательно избегал расспросов о Диане, понимая, что глыба, летящая с горы, может остановиться только у подножия. Либо юношеская пылкость остынет сама, либо он потушит ее посредством неумолимого давления, которое ждет сына, если он слишком увлечется уличной девчонкой.

Спустя время, убедившись, что Диана Назарян прочно вошла в его жизнь, отец пустил в ход крайний, самый нелюбимый им, но верно действующий метод воздействия на сына – таранный удар по его сопротивлению и разламывание молодого мнения, движимого не опытом, а зазывным порывом воодушевления. До сих пор он действовал, и отца ввело в замешательство, что вместо ожидаемого покорения он встретил блеск азарта, полный нетерпеливой отваги. Особенно возмущало Макса, что все презрение обращено к одной Диане и совершенно не замечен ее брат. На это у отца есть ответ: улица сделает Эдди настоящим мужчиной. То, что полезно для закалки мальчика, неприемлемо для девочки. Такое отношение к девочке, дымом своей красоты проникшее в самые глубокие его уголки, коробило Макса. Это закоренелое убеждение заволакивало им глаза, не позволяло взглянуть на нее трезво и в конце концов взбунтовало его против себя. Макс стал подчеркнуто ласков с Дианой при родителях, расхваливал и славословил ее достоинства, и всячески подчеркивал неизбежность их дружбы. Кроме того, чтобы лучше понять свою избранницу, он стал по тем субботам, когда отец Назарян забирал детей в Комптон, ездить с ними. Тут возникло следующее испытание – Эдди заставлял Макса драться поочередно с Сеском и Домиником, чтобы тот доказал свою храбрость и чтобы оценить его в боевых условиях. Первый такой призыв Макс принял с негодованием.

– Я тебе что, бойцовский питбуль?

– Ты же не думал, что я позволю тебе дружить с моей сестрой, не оценив, кто ты такой? Время идет, ты вырастешь, а вместе с тобой и требования к тебе.

К великому удовольствию, во время показательных боев Макс ни в чем не уступал соперникам, а в драках с Домиником даже превзошел его. Затем Эдди отводил грязного и багрового, но исполненного победным чувством друга домой, по пути рассказывая о жизни в Комптоне. После того как мир несколько раз был нарушен обеими сторонами, лидеры трех крупнейших банд «квадрата мира» обозначили границу по Уиллоубрук-авеню, ступать за которую воспрещалось под страхом жестокого наказания. Эти три банды вели свои дела только в своих владениях, а другим бандам, находящимся на их улицах, разрешалось заниматься только мелким рэкетирством и наркоторговлей с обязательным условием, что нажитым они делятся со старшими. Сами же «Короли», Strips и Bloods отводили себе все прибыльные занятия – подделку денег и документов, азартные игры, наркоторговлю. Молодые банды, в том числе Эдди, росли в этой среде, выпитывали ее и во всем потворствовали старшим.

Старшие Назаряны всегда принимали его с радушием, а вечером Армен Назарян неизменно отвозил его в Стенсфилд, где в воскресенье он виделся с родителями и происходили очередные гневные объяснения. Видя неотступность сына, отец вновь смягчился и, кажется, окончательно отступил, но с тем условием, что больше никакого Комптона.

– Посмотрим, что выйдет из вашей дружбы, – не без усилия произнес он. Однако договоренность нарушилась на четвертом курсе. Увлеченный рассказами Эдди, Макс стал под разными предлогами переносить приезд родителей на выходные и отправлялся в Комптон, где Эдди показывал ему жизнь своей банды изнутри. Добившемуся уважения среди его друзей Манукяну разрешалось слушать и наблюдать, какова эта жизнь и кто ее герои. К вечеру, когда Запад-Клод-стрит становилась относительно оживленной и куча одетых в желто-черное латиносов не так резко привлекала внимание, к дому Сеска, где собиралась банда, приходил Луис Каттано с одним, а иногда двумя генералами, и начинались наставления.

– Вы можете воевать между собой, – учили они, – отбирать улицы, ставить своих торгашей куда угодно, но ни за что не вздумайте использовать оружие и переходить Уиллоубрук-авеню. Сделавший это подлежит казни.

Проходили тренировочные драки, позволяющие членам банды приобретать стойкость и оттачивать навыки.

– Цифровые сканеры нужны для того, чтобы прослушивать разговоры полиции и быть готовым сделать ноги.

Итоги драк учитывались при построении иерархии в зарождающейся банде.

– Огнестрельное оружие вам разрешено носить с девятнадцати лет. Причем использовать его можно только в самых исключительных случаях, и только в пределах границы. Любой нарушивший этот закон подлежит казни.

Под чутким надзором генералов Эдди Назарян стал предпринимать первые шаги – поставил торговца на перекресток Запад-Клод-стрит и Юг-Акация, назначил Сеска главарем боевого отряда, Доминика – по всем остальным вопросам банды, двух патрульных, в обязанности которых входит следить, чтобы чужак не ступил на их улицу. Вся молодежь Запад-Клод-стрит двенадцати – четырнадцати лет вступила в команду, движимая слухами, что помогают им сами «Короли».

– Каждый получает деньги исходя из своего положения в иерархии, – поучали генералы. – Больше всех получает боевой отряд. Дальше идут патрульные и торгаши. Когда вырастете, сможете рэкетировать всех, у кого есть деньги. Но не переусердствуйте. Убийства гражданских ни к чему. Любой, убивший гражданского или полицейского без убедительных на то оснований либо еще как-то поставивший под угрозу безопасность и скрытность банды, подлежит казни. Запомните, малыши, от врагов вас разделяет Уиллоубрук-авеню, но вокруг вас другие черные

улицы. Помните про безопасность и изменчивость полиции. Сегодня они наши друзья, а завтра вышвырнут из постели и увезут выше по Юг-Уиллоубрук. Любой нарушитель этих законов подлежит казни.

Таким образом, к семнадцати годам Эдди возглавил молодую ретивую банду под названием «Уэст-Клод-Стрит эрманос», добившись детской мечты о собственной волчьей стае. В нем окрепла крайняя самоуверенность, нередко граничащая с безумием. Казалось, распирившая физическая сила требовала выхлопа, что выражалось в неистовом реве по всякому делу. Малейший признак неповиновения вызывал пароксизм бешенства, с кипящей яростью обрушиваемый на провинившегося. Макс был уверен, что стоит Эдди хоть немного усомниться в его мужественности и преданности, и он тут же запретит ему дружить с Дианой. Мощный скребущий голос и могучее сложение красноречиво указывали на потенциальную опасность, грозящую в случае непослушания. Статный и не в меру крупный, без выдающегося абриса мышц, но хранящий всю исполинскую мощь внутри, вкупе с безудержным характером – невольно вызывал у окружающих трепет. Каждое слово или приказ Эдди сопровождалось взглядом, полным притаившейся агрессии. Гнева, словно ожидающего момента, чтоб выброситься на того, кто не слушается его слова. Макс хоть в некотором смысле и был исключением, но, с другой стороны, требования к нему были повышенными. Назаряном владел маниакальный страх за сестру. Даже в Стенсфилде он был крайне чуток к ней, зорко оберегая ее от всего, что может хоть немного ей не понравиться. Эдди невольно сравнивал его с собой, притягивал его к своему пониманию идеала, и временами Макс казалось, что хорошее отношение к нему – не столько его заслуга, сколько нежелание обидеть сестру. Тем не менее, за годы дружбы Эдди стал относиться к Манукяну с должным почтением, радуясь, что во время комптонских поездок Макс не тушует, общается со всеми на равных и неоднократно доказал умение дать жесткий ответ. Однако Макса не покидало ощущение хождения по канату. Ведь его друг является лидером новообразованной свирепой банды, где даже за мимолетную слабость или ошибку тебя могут навсегда сбросить со всяких притязаний на честь и уважение. Назарян довольно скоро превратился в первую фигуру Запад-Клод-стрит и соседней чернокожей Юг-Акация, снискав прозвища «Ти-Рекс» и «Локо». Все это привело к регулярным семейным скандалам, угрозам родителей выгнать его из дома и сказало на успеваемости. К бакалавриату он подошел в ряду с наихудшими студентами. Эдди больше не мог присутствовать на улице только по выходным. Вначале за ним приезжал Сеск на дядиной машине, затем Эдди к началу седьмого курса приобрел почти свежую «Тойоту-Селику» блестящей серебристой окраски и буйного нрава. Встретившись с ним в начале учебного года и увидев машину, Макс сразу понял, что крен в сторону бандитской жизни в нем уже не выровнять, и приготовился четко озвучить свою позицию по этому вопросу. Все это время он находился в прямом смысле меж двух огней – Эддиных испытаний и привязанности к Диане, страдавшей от того, во что превращается ее брат. Его опасения сбылись в первый же день – Эдди предложил ему вступить в банду.

– Это невозможно, – отчеканил Макс. – При всем уважении к тебе, быть частью банды мне не хочется.

На его изумление, ответ восхитил Назаряна.

– Хотя ты мне и отказал, но мне нравится, что ты умеешь говорить «нет».

С гордостью Макс объявил Диане о своем решении не следовать за ее братом.

– Я больше не могу думать о нем без слез, – с горечью сказала она. – Он окончательно рассорился с родителями, ушел из дома, ночует у Сеска, в двухстах ярдах от нас. Однажды чуть не ударил отца, только я и остановила его. Никогда не забуду тот озверевший взгляд. С тех пор родители даже не звонят ему.

В особенности горестно было слушать, памятуя любознательного, одаренного пытливым умом и дотошностью в изучении великой массы увлекавших его тем подростка с над-

менно-проникающим взглядом, владевшего к своему возрасту столь внушительным багажом знаний, что одна их демонстрация внушала заискивающий восторг у сверстников.

Детская пылкая влюбленность отлилась с титановой твердостью в его сердце. Живость, прямота, добродушие и сердечность Дианы вместе с дерзковатым, а порой и вовсе грубым характером придавали ей то неповторимое сочетание, подобных которому он не встречал. Прогулки их по мысу, Дамзит-каньону и заливу Кохо стали постоянными, разговоры все более задушевными и откровенными; Макса распирала нежность к этому маленькому, невероятно красивому и одновременно колючему цветку. В общении с подругами Диана могла откровенно нагрубить, но ни у кого и в мыслях не возникало обидеться; Диана всегда говорила, не ведая стеснения, но ее мысли были абсолютно чисты. Это воспринималось друзьями бессознательно, и получалось забавно: тем сильнее она желает добра, чем острее высказывается. Поразительное сходство с манерами и чертами комптонских приятелей и одновременно такая же от них дальность, бескрайняя душевность и искренняя привязанность к друзьям – такой была Диана. Максиму было не под силу расставаться с ней и отправляться в Комптон ради утверждения в глазах ее брата.

– Рано или поздно все они станут одними из тех, кого пакуют в мусорные мешки, – говорила Диана.

Еще более тягостно становилось, когда Диана просила его прекратить поездки. В глазах ее горело разочарование, передававшееся ему.

– Ты же не такой. Не хочу, чтобы ты стал, как они.

Как же ей сказать, что это всего лишь игра! Что все ради нее! Какая глупость – заниматься ради нее тем, что она презирает.

– Как мне не нравятся эти твои поездки. Ты не представляешь, как они опасны для тебя, – сетовала Диана. – Ведь я жила там. Я знаю, к чему все идет, и уже смирилась с тем, что мой брат – бандит. Если он что-то вбил себе в голову, выбить это может только смерть. Но я не хочу, чтобы ты тоже следовал за ним.

Слова ее были столь полны заботы, переживанием и неумолимым стремлением образумить его, что Макс разрывался от невозможности сказать ей правду. И сейчас, к пятому курсу ее умоляющий любимый голос так заботливо обволок его, что он решил рассказать ей. Диана поймет, ведь он ей так дорог, – это несомненно.

– Диана, можешь считать меня сумасшедшим, но то, что я сейчас скажу, чистая правда. Я никогда не пойду по следам Эдди, потому что в этом случае могу потерять тебя. А этого я не допущу. – И, сделав паузу, набрался смелости. – Я люблю тебя. Люблю так, что выполняю прихоти Эдди, чтобы только ему не почудилось, что я слаб и мне нельзя быть твоим избранником. Все эти поездки и драки были только ради тебя.

Диана на секунду замерла, затем улыбнулась, застенчиво отведя взгляд. Только сказав, Макс понял, что уже не в силах остановиться.

– Я люблю настолько, что хочу беречь тебя всю жизнь. Ты мой личный ангел, указывающий верный путь, не дающий мне сбиться. Столько лет мы дружим, и с тобой я не испытывал ничего, кроме счастья. Ты бесподобна, Диана. Все эти поездки... Если бы ты знала, как мне они противны. Но я не могу рисковать тобой. Я не мог отказать ему в этих поездках, иначе он запретил бы нам дружить, ведь ты знаешь своего брата.

– Знаю, – грустно кивнула Диана. Она глядела на него в упор, затем улыбка озарила ее лицо. Та самая, неизменная улыбка, при которой поднимался один уголок рта. – Будем считать это очередным пройденным испытанием, вроде неодобрения твоих родителей.

– Это в прошлом! – твердо вымолвил Макс. – Они поняли, что я могу быть счастливым только с тобой, и больше ни с кем в мире.

Кажется, Диана хотела еще что-то сказать, но слова застряли в ней, и она лишь молча смотрела на него. Тревожным и одновременно умиротворенным взглядом. Макс обнял ее,

и Диана положила голову ему на грудь. Некоторое время оба слышали лишь дыхание друг друга и мягкий шелест обволакивающих пляж волн.

– Посмотри на этот океан, – сказал Макс. Они сидели на заросшем мхом камне, глядя на омывающие белоснежный песок воды Дамзит-каньона, куда добирались с чемоданами без малого пять часов, сначала поездом «Амтрека» до Голеты, затем с помощью сердобольного старика-водителя грузовичка, направлявшегося в Сан-Хосе. Стенсфилд встретил их безмолвным спокойствием, шли вялые приготовления к послезавтрашней церемонии начала учебного года, и оба поспешили уединиться в любимом месте. – Кажется, он существовал вечно и будет жить также вечно. То же самое с моей любовью к тебе. Я хочу прожить с тобой всю жизнь, – шепнул Макс, крепче прижимая Диану.

– Я тоже, Макс, – не поднимая головы, грустно ответила Диана. – Обещай, что не пойдешь по его стопам. Я все равно буду любить тебя, что бы ни случилось, но мне хотелось бы любить тебя именно такого, а не того, в кого тебя превратит Комптон.

– Обещаю, моя принцесса. Это все только для нашего счастья.

* * *

Диана стала первой и единственной девушкой, которую Макс любил, и ему такая любовь казалась исключительной благодатью, уготованной только для него. Ведь кому еще мог выпасть невообразимый случай встретиться в другой точке планеты! Стоило Макс признаться в чувствах, как невероятный груз свалился с его сердца, освободив место легкости и бескрайнему счастью. Диана все поняла, она не стала обвинять или упрекать его в потакании братубандиту. Она всецело поверила тому, что Макс навсегда прекратил эти поездки. Благодаря этому небольшому откровению, воспринятому так приятно для Макса, он навсегда уверовал в преданность Дианы. С ней можно делиться чем угодно. Насколько она безразлична и холодна к толпам поклонников, настолько внимательна и заботлива к Макс. Он чувствовал, что принадлежит ей, – Диана всем сердцем тянула его к себе, маня столь чудесными мгновениями, коих будет бесконечно в их жизни.

Окрыленный безоговорочной любовью, Макс дал себе слово поговорить с Эдди в ближайшие дни. Но прежде ему предстояла последняя, как он надеялся, поездка. На завтра Сеск Каттано приглашал его, Эдди и Доминика к себе домой. Макс несколько дней назад дал согласие, и отказываться накануне поездки было невозможно. Уже без тени сомнения Макс сказал все это Диане, и вновь она понимающе, но не без сожаления кивнула.

– Это твоя последняя поездка. По рукам? – с надеждой, глядя на него доверчивым, умоляющим взглядом, предложила Диана.

– По рукам, – твердо ответил Макс. – И после нее нас с твоим братом ждет небольшой разговор.

День клонился к закату, на горизонте уже обозначалась рыжая полоска, медленно поглощавшая громадный огненный диск солнца. Макс и Диана вошли в ворота и неспешно направились к общежитию, держась за руки.

– Как случилось, что родителипустили тебя в такой путь со мной? – вкрадчиво спросила Диана.

– Милая, я ведь уже говорил: это дело прошлое. Родители больше не против наших отношений. И, между прочим, я подумываю над тем, чтобы познакомить вас поближе.

Диана не подала виду, но глаза ее выдали укол тревоги.

– Не думаю, что идея своевременна. Я не могу предстать перед ними так просто – ты должен подготовить меня к тому, как себя вести и что делать.

Вместо ответа Макс рассмеялся таким смехом, чтобы извести в Диане всякий признак сомнения.

– Глупенькая! Разве ты не видишь, как сильно я тебя люблю? Разве я могу позволить случиться чему-либо, что может ввергнуть тебя в неудобное положение? – Он быстро повернулся к ней, сжал ее ладони в своих, ощутил всю мягкость и нежность маленьких ладоней с тонкими длинными пальцами. Большие глаза в окаймлении пышно изогнутых ресниц стали еще выразительнее и, кажется, светлее, приобретя стойкий карий цвет. Плотные брови плавно изгибались, образуя правильные линии, старательно очерченные кистью мастера. Черты стали острее, детский пыл стал оттесняться спокойным свечением ясного ума. Макс продолжил с жаром, передававшимся к ней по рукам и по проникновенному, заглядывавшему в самое сердце взгляду: – Доверься мне и будь спокойна! Мы предназначены друг для друга, и мы преодолеем любые препятствия, какие только преподнесет нам судьба. – Не поняв толком, что делает, он придвинулся к ней и припал губами к ее губам. Мгновенное опьянение оваяло его, когда он ощутил, что Диана отвечает взаимностью. Эти две секунды их первого поцелуя родили в нем нечто неизведанное и до того волнительное, что он вначале не понял, испытывает ли страх или это хватившее через край блаженство обуревают его. Возможно ли в это поверить – его любит сама Диана! Ее полные лилейно-мягкие губы одухотворяли само определение нежности, ее отзывчивый поцелуй источал поистине эдемское удовольствие. Если существуют до сих пор на планете следы райского сада, то поцелуй Дианы – один из них. Макс не осознал миг завершения поцелуя, пребывая некоторое время в упоительном отрешении. Вывел его оттуда ласкающий полусшепот Дианы:

– И я тебя люблю.

Эти слова не стихали в его бурлящем мозгу до самого общежития, куда они пришли неспешной походкой, обойдя вначале озеро, где развесистые деревья с хитросплетенными ветвями не пропускали низких лучей заходящего солнца, отчего те отбрасывали бледный дрожащий свет на мшистую землю, затем прогулялись вокруг узловато цветущей пестрой клумбы променада общежитий и, наконец, войдя в фойе, встретили Вэла Барского, медленно прохаживавшегося в компании двух дородных темнокожих женщин из службы в голубых униформах.

– Добрый вечер, мистер Барский! – воскликнули хором Макс и Диана, поспешив к нему. Декан обдал их привычной теплой улыбкой и радушно сказал:

– Какое счастье видеть моих птенцов свежими и повзрослевшими после каникул! Вы случаем не спутали дни? Церемония ведь только послезавтра. Стойте! Я понял: вам хочется побыть наедине.

– Вы очень проникательны, – засмеялся Макс. Диана смущенно улыбнулась, приподняв уголок губ. Декан положил руки им на плечи, наклонил голову, отчего очки съехали на нос, и исподлобья взглянул на обоих. Глаза его светились одновременно и шутливым блеском, и глубоким интеллектом.

– Я рад видеть вас, друзья. Вы знаете, что школьные двери всегда открыты для своих учеников, а для вас, прелестных, тем более.

– Чем мы заслужили такую честь? – осведомился Макс. Этот человек вызывал у него необъяснимое, трепетное уважение. Он понизил голос и ближе наклонился к слушающим.

– Во-первых, вы одни из лучших учеников своего курса. Во-вторых, глядя на вас, я вспоминаю свои годы молодой влюбленности. И в-третьих, как давний эмигрант, скучающий по родине, я хочу всячески содействовать детям такого же эмигранта, как я. То же относится и к вашему брату с сестрой. – Тут его лицо посуровело. – Только мистер Назарян ужасно меня огорчает. Вы поделитесь секретом, что с ним случилось?

Вопрос поверг обоих в ступор. Макс чуть не выдал на голубом глазу всю правду, смущенный влечением быть честным с деканом, но Диана нашлась вовремя:

– Ему недостает терпения. Если бы не эта мальчишеская вспыльчивость, не дающая ему усесться за уроки!

– Жаль. Прежде я связывал с ним большие ожидания. Твой брат – очень одаренный юноша. Ведь я не впустую затеял этот разговор; помню, раньше он много читал и был для своего возраста на редкость смышленным. Не дайте ему погубить себя.

Последняя фраза была выговорена тише всего, но так проникновенно, что Макс услышал слезы в словах Дианы:

– Обещаю, сэр: мы сделаем все, чтобы спасти его учебу.

Барский поочередно подмигнул обоим с такой невозмутимостью, будто не было этого разговора.

– Прошу меня извинить, я не завершил дела. – Еще раз ободрительно улыбнувшись, он вернулся к служанкам.

Сгустившиеся сумерки добавляли сонливости уставшим путникам, и Макс предложил разойтись по спальням. Они молча двинулись к лифтам. В ярко освещенном безмолвном коридоре их этажа был устлан пушистый ковер медного цвета, услужливо зазывающий стопы насладиться его невероятной мягкостью. Макс и Диана остановились у ближних к витражу комнат. Со второго курса Диана облюбовала эту солнечную сторону с чудесным видом на полумесяц учебного корпуса и ослепительно зеленой лужайкой внутри, и с тех пор они неизменно селились тут.

– Во сколько нам завтра?

– Не знаю. Дождемся Эдди, тогда и поедем.

– Надеюсь, ты помнишь слова мистера Барского и свое обещание?

– Конечно, милая.

– Ужасно, что Барский так взволновался делами Эдди. Я часто обращалась к нему летом, старалась чаще бывать в их компании, чтобы сберечь от злых умыслов. – Она горько вздохнула. – Но что мои старания? Как если вырвать сигарету изо рта курильщика в надежде, что теперь он бросит курить.

– Он не один. С ним ты, я, Кристина. Мы не дадим ему скатиться. – Помолчав, добавил: – Ложись спать, милая. Ты устала. – Заключив ее в объятия, Макс вновь проникся веющим от его любимой сладостно-теплым ореолом и еще раз мысленно отметил, что отныне это согревающее излучение является важнейшей составляющей его жизни.

Вероломная мысль переночевать в одной спальне посетила превращенную страстью в алтарь безрассудства голову, но ее тут же вытолкнул встрепенувшийся рассудок.

– Спокойной ночи, любимая. Я буду ждать тебя утром.

– Спокойной ночи, Макс, увидимся завтра.

Глава 4

Утро прошло в безропотности совершенной пустоты. На улице слышалось лишь залихватное пение пересмешников. В пустовавшей столовой шла вялая подготовка к завтрашнему приготовлению. Силой жалости и уговоров Макс и Диана выпросили себе яичницу, пару сэндвичей и несколько яблок в дорогу. Во время завтрака позвонил Эдди, велел быть готовыми через полчаса. Беспокойство усилилось, что Диана сразу заметила.

– Что тебя тревожит?

Макс обдумывал ответ долго, не зная, как объяснить волнение.

– Мне неловко, когда думаю, что мы поедем к твоим родителям, ты останешься с ними, а я уйду с Эдди.

– Хотела бы я предложить тебе отказаться от этой вечеринки, но не хочу нарушать ваш уговор. И наш тоже.

– Понимаю. Прошу тебя, поговори с родителями обо мне, не хочу прослыть в их глазах безвольным подонком.

– Не беспокойся, я все сделаю как нужно. А твои родители знают, что ты едешь в Комптон?

– Нет. Знает Кристина, но ради нашего счастья промолчит, – сказал, улыбнувшись, Макс.

Серебристая «Селика» засверкала раньше обещанного получаса. Пара в это время шагала по дороге в сторону океана. Эдди резко притормозил, вызвав короткий скрип шин, и энергично замахал руками.

– Еще чуть-чуть, и вы бы так дошли до Лос-Анджелеса!

Весь его вид сверкал подвижной нетерпеливостью.

– Ты едва помещаешься в машину, – заметил Макс. В ответ послышалось неопределенное кряканье.

Комптон встретил троицу привычно жаркими безлюдными улицами, дребезжавшими от налетавшего ветра тенями раскинутых ветвей деревьев, ветхими деревянными и металлическими заборами и местами катившимися по асфальту бумажными комками, выпавшими из переполненных мусорных баков. За отсутствием свободных мест Эдди припарковался за перекрестком с Юг-Акация, где находились дома Сеска и Доминика. На перекрестке стояла молчаливая группа чернокожих юнцов. С приближением троицы между ними прошел ропот, сопровождаемый подозрительными взглядами.

– Все в порядке, они со мной, мы идем прямо, – сказал Эдди, указав на продолжение Запад-Клод-стрит. – Юг-Акация-авеню – улица черных, поэтому нужно быть осторожным, – объяснил он, когда перекресток остался позади.

– Но ведь столкновения между черными и латиносами запрещены? – с надеждой спросила Диана.

– Да, сестренка. Нам не о чем волноваться. Жизнь здесь такая тихая, что порой кажется, будто этот город только и делает, что спит.

Макс отметил не меняющуюся с годами умиротворенность. Казалось, мифический Гипнос облюбовал этот город для приложения своих способностей.

Не дойдя несколько шагов до дома, Эдди остановился, смущенно посмотрев на сестру.

– Иди одна, не хочу их тревожить.

– Исключено! – возмутилась Диана, схватила за локоть и настойчиво потянула за собой. – Ты будешь видеться с собственными родителями, понял? Не смей больше допускать подобных мыслей при мне!

Эдди отступил, не желая портить отношений с сестрой, единственной, кто еще верил, что улица не погубит его.

Дверь отворила миссис Назарян, встретив детей и их друга лучезарной улыбкой. От броска Дианы она качнулась назад и сжала дочь в объятиях. Эдди шагнул следом.

– Здравствуй, мама, – потупив взор, вымолвил он, удостоившись не менее любящего объятия. Сразу бросилось в глаза, как ему неловко принимать материнскую любовь, нанося при этом ей такую боль. Не успел Макс ответить на приглашение погостить, как вмешался Эдди:

– У нас много дел, мы должны идти. Побудь с Дианой, мы придем к вечеру.

Тот же повелительно-категоричный тон, как и годы назад, разве что произносимый еще более раскатисто. Мать коротко взглянула на Макса, словно безмолвно вопрошая, согласен ли он со сказанным, и провожала их, стоя на пороге, до тех пор, пока Макс и Эдди не исчезли за кузовами обставивших тротуар машин.

– Дело, конечно, не мое, но ты груб с матерью, – заметил Макс не без опаски.

Назарян метнул на него ошеломленный взгляд, вмиг наполнившийся гневом.

– Ты болеешь классической болезнью большинства населения планеты, – ядовито бросил Эдди. – Плоским зрением. Видишь одну грань и упускаешь всю суть. – Тон его становился резче, голос злее, взгляд стал обжигающе-тяжелым.

– Да, я груб с ней. Еще грубее с отцом. Но, черт тебя возьми, разве ты не задался вопросом, отчего так вышло?

– Знаю отчего, – осторожно сказал Макс. – От различия ваших убеждений.

– Нет, мать твою, из-за права *моих убеждений* на жизнь!

– Хорошо, не горячись. Я только хотел сказать, что мать по-прежнему любит тебя.

– Любить означает доверять и позволять двигаться своим путем, а не тем, который избрали за тебя, – напирал Эдди, ускоряя шаг и едва сдерживая непримиримый нрав. – Увидим через годы, кто куда придет. Пока же я в начале пути, я могу лишь рассчитывать на вашу веру в мои слова. А говорю я предельно ясно: я никогда не совершу деяния, способного убить или каким-то образом нанести вред здоровью человека. Ты не веришь? Значит, я буду груб с тобой так же, как с родителями. Вы не верите мне – значит, не врите, прикрываясь любовью.

– Ты сумасшедший, – не сдержался Макс. – Откуда такая уверенность? Тем более в таком деле, как твое?

Назарян издал гневный возглас, означающий, что чаша терпения полна и при малейшем дрожании гнев выплеснется наружу. Макс не ответил на этот вой, стараясь держаться смиренно. Только сейчас, увидев впереди ограждение железной дороги, он понял, что шли они вовсе не домой к Сеску, а в сторону границы.

– Куда мы идем?

– Хочешь посмотреть на Кранцев вне школьных стен?

– Нет! Довольно того, что уже видел. Если ты забыл, я дал родителям обещание не посещать Комптон. Идем к Сеску, и без приключений.

Точно не слыша, Эдди подошел к ограждению железной дороги, ловко взобрался и спрыгнул с другой стороны, вызвав хруст щебня под ногами.

– Скорее, здесь негде скрыться от поезда, – сказал он, не оборачиваясь. Пока Макс, кляня его настырность, перелез через ограду, Эдди одолел вторую и ждал, нетерпеливо ломая руки. Наконец нарушители границы вновь сошлись и пошли в сторону Рив-стрит – Эдди величавой поступью завоевателя, Макс мелкими пугливыми шажками. На повороте им сразу же встретился пухлый чернокожий мальчуган с садовыми граблями, одетый в красные шорты, еле выглядывавшие из-под широченной, на несколько размеров больше, белой футболки, старательно сгребавший опавшие листья и ветки на газоне у дороги. За ним, у въезда в дом, из поливочного шланга тонкой струйкой текла вода, образовав лужицы во дворе и на тротуаре.

Заметив чужаков, юнец нахмурился и исподлобья смерил обоих.

– Кто такой? – обратился Эдди бесцеремонно.

– Я житель этой улицы, – с готовностью бросил он, не прекращая работу, хотя внимание его переключилось на нарушителей. – А вы кто?

– Где живут Кранцы? – продолжал Назарян, не заметив вопрос.

– Через дом. Если не хотите неприятностей, валите отсюда сейчас же.

– Зачем мы это делаем? – спросил Макс шепотом. – Пошли назад, пока тебя не заметили.

– Спокойно, вато. Страх – самое позорное чувство.

– Это простое благоразумие, черт тебя возьми, – шипел Макс, озираясь по сторонам в ожидании неминуемой опасности. Улица была устрашающе пустынной, как бывает на первый взгляд безжизненна саванна, скрывшая в опаленных зарослях крадущегося льва. Тем временем они подошли к светло-серому дому, обнесенному белым забором.

– Смотри, что мы сейчас им учиним, и будь готов сделать ноги, – сказал Эдди.

Походив несколько секунд с невозмутимым видом около дома, он нагнулся и подобрал несколько мелких камушков, отломанных от бордюров.

– Не вздумай! – взмолился Макс, разрывавшийся между желанием немедленно удрать и необходимостью вызволить обезумевшего друга из беды. Камни метнулись в дом быстрой очередью – первое выломало окно, другие с глухими хрустами отлетели от фасада и двери, оставив на последней зияющие сколы. Отклик не заставил себя ждать – через несколько секунд из пустовавшего оконного проема показались изумленно-гневные лица обоих Кранцев и их нескольких товарищей.

– Ловите этих сукиных детей! – завопил Кармак, выйдя на улицу. Ноги сами отодвинули Макса назад, скрыв за спиной Назаряна.

– Жалкие нечестивые собаки! – хохотал упрямец Эдди, добившийся-таки своего. – Вот я, поймите меня, вонючие гиены!

Еще не закончив фразу, они пустились наутек, преследуемые разъяренной шайкой врагов. Слепленный ужасом Макс бежал за Эдди; возгласы преследователей раздавались так близко, что казалось, еще секунда, и тяжелая рука схватит за шею, повалит наземь. У ограждения железной дороги он мельком оглянулся на искаженные лютой яростью лица. Впятером или вшестером, они стремительно догоняли друзей, перелезавших ограждения без оглядки на то, нет ли поблизости поезда. В эту секунду в руках одного из головорезов блеснуло что-то черное.

– У них пистолет! – захлебываясь от бега и страха, выдавил Макс.

Выстрел раздался в тот миг, когда они спрыгнули со второй ограды. Пуля с разящим треском отлетела от прутьев в нескольких дюймах от Макса. Отбежав до своей улицы, друзья бегло обернулись. Ватага громил остановилась между оградами, выкрикивая угрозы и размахивая кулаками.

– Ты чуть... не убил нас, – с придыханиями говорил Макс, когда они пролетели перекресток с Юг-Акация. Мышцы его были натянуты, как тетива лука. – Упрямый ты осел, зачем было так делать?

Назарян рассмеялся тем рокочущим, звучным хохотом, каким напуганный до смерти выражает облегчение от минувшего его ужаса.

– Прости, друг, не знал, что у них оружие, – исторг он прерывисто. Несколько секунд шли молча; постепенно осознание смертельной угрозы, от которой они спаслись лишь чудом, овладело обоими, заставив их мысленно вознести хвалу небесам. Эдди пришел в себя раньше:

– Эти уродцы обзавелись оружием. Я это не оставлю без наказания. Нужно сообщить генералам.

– А я на твоём месте держался бы подальше от всего этого жулья, – сказал Макс, боязливо оглядываясь назад. Сердце неистово стучало, швыряя нагретую кровь к ушам и лицу, словно пыталось согнать из мозга осознание, что он был в шаге от верной смерти. – Будь мы оба прокляты, если до сих пор живы не благодаря божественной любви, которая отвела эту пулю. Так зачем испытывать его к нам любовь?

Эдди промолчал, очевидно, из-за неловкости. Происшествие остудило в нем пылкое влечение к подвигам; вместо него возникла стыдливая смиренность, длившаяся, впрочем, пока они не остановились у забора с кирпичными стойками раскаленно-красного цвета.

– Доминго, выходи! – прокричал Эдди раскатисто и посмотрел на Макса. – Не хочу заходить домой, терпеть не могу его маму.

Ждать пришлось недолго. Прокричав что-то наспех, Доминик вышел из дома, покрыл несколькими размашистыми шагами расстояние до ограды и перепрыгнул через нее отточенным движением, хотя сбоку ворота были открыты.

– Привет, братишка из внешнего мира! – Он бойко затряс Максу руку. Толстогубый, скуластый, с орлиным носом и скошенным вырезом глаз, он спустил тонкие усы, струйками впадающие в густой пушок на подбородке. Взгляд его обрел свирепую печать, набитую годами бандитской жизни, безысходность которой все четче представлялась взрослому юноше. Черные сальные волосы стягивались в тугий поблескивающий пучок. Эдди сразу приступил к рассказу о пережитых приключениях.

– К черту чернозадых! Скормить их одержимым псам! – чертыхался Доминик, не забывая примешивать к брани и упреки своему лидеру: – Какого дьявола полез один в эту псарню? А если бы вас подстрелили, что тогда?

– Я не знал, что у них оружие.

– Чертов Эрнан Кортес. Зови банду, и пошли размазывать ниггеров!

– Нет! Мы сделаем умнее.

– Я не согласен. Мы должны пойти и бошки им поотрывать!

– Остынь, психопат ты безмозглый! – рявкнул Эдди. – Делай как я сказал! Мы сообщим старшим.

– Идем к Сеску, пусть звонит дяде, – отступил Доминик. – Кстати, он снова помирился с Ким.

– Моей радости нет предела, – фыркнул Эдди. – И что мне с этим делать?

– Подумай сам! Помнишь ее подруг, Майру и Стейси?

– Лучших комптонских стриптизерш. – Эдди закатил глаза и криво усмехнулся. – Еще бы.

– У Сеска все готово к вечеринке. Дома фунт травы, галлон «Хеннеси», Стейси и Майра ждут нашего звонка.

– Ты предлагаешь познакомить Макса со стриптизершами? Как, по-твоему, я должен ответить?

– А если будет действовать правильно, затащит одну из них в постель, – продолжил Доминик и почему-то засмеялся. «Либо у него неисчерпаемый кредит доверия перед своим лидером, либо это еще один экзамен», – думал Макс.

– Или сразу обеих, – сказал Эдди. – Только знай. – Он бросил короткий взгляд на Макса. – Они зарабатывают на жизнь тем, что танцуют стриптиз на вечеринках крутых парней, но они не продаются. Так что если ты надумал заняться с ними...

– Старик, не плети мне паутину, – оборвал Макс. Эдди с Домиником разразились дружным хохотом, заставив Манукяна зардеться и смущенно нахмуриться. Еще не оправившийся от погони, он спрятал руки в карманы, чтобы скрыть их дрожь.

– Забудь об этом! – сказал Доминик. – Просто отдохни, выпей. Тебе нужно расслабиться – выглядишь, как брошенный в воду котенок.

– Звони Сеску, чего ты ждешь, – скомандовал Эдди. – И пусть никого не зовет, хочется просто прийти в себя.

Дом Сеска находился на самом краю Запад-Клод-стрит, где улица упиралась в узкую дорожку, за которой располагался широкий водопроводный канал. От улицы дорожку отделял ветхий, покосившийся забор из металлической сетки, служивший лишь обозначением

границы, но никак не преградой. В этом месте царила непререкаемая тишина, разбавляемая разве что голосами соседей и изредка проезжавшими за забором байкерами. Заслоненный пышным лиственным ковром стоящего рядом развесистого дерева, дом Сеска и одновременно штаб «Уэст-Клод-стрит эрманос» обладал завидным преимуществом расположения. Совершенно скрытый с улицы, примыкающий к тупику, из единственного бокового окна дома сквозь тучную крону дерева Запад-Клод-стрит просматривалась почти до перекрестка с Юг-Акация. По этой причине, а также потому, что после смерти родителей Сеск стал единоличным хозяином дома, штабом банды стал именно он. Здесь проходили самые порочные мероприятия и безнравственные сборища голодных до удовольствия подростков, не гнушающихся ничем, лишь бы сполна воспользоваться магической силой хрустящих бумажек, способной одурманить незрелую голову миражами вселилия.

Сеск ждал троицу в полной готовности – бочковатая бутылка «Рон Барсело» в центре стола в гостиной красила комнату насыщенно-медовым цветом, расположенные вокруг квадратные бокалы сияли острыми гранями, а беспорядочно расставленная закуска в виде фруктов и соков довершала ощущение приближающегося веселья. Внешность Сеска годы не подвергли такому изменению, как у Доминика, сделав его суховатым, но крепким, ростом выше среднего. Разве что колючий взгляд стал еще более пронзительным под выступающими веками. Ровные толстые линии бровей чаще скашивались к носу, поскольку Каттано всегда хмурился, слушая что-либо. Курчавые жесткие волосы сбивались на лоб, вынуждая его часто поправлять шевелюру.

Довольно быстро бутылка опустела, жалостливо засверкав стенками, тусклыми от капель рома. После рассказа Эдди о сегодняшних злоключениях Макс в очередной раз выслушал все мыслимые ругательства в сторону чернокожих, сдобренные хмельными угрозами задать им всем трепку. Сеск не преминул немедленно сообщить об этом по телефону дяде.

– Победа за нами, – возвестил Сеск, небрежно бросив трубку на диван. – Грязные псы разоблачили сами себя – генералы оповестят Bloods, что на их земле развелось змеиное логово, и пусть я буду поганым лжецом, если скажу, что не хочу увидеть, как этими змеями свяжут узлы на их собственных заборах!

Молодец, Локо, gloria a nuestro capitán! Uno momento, traeré la botella.¹

Он соскочил с дивана и прытью устремился на кухню, обуреваемый воинственными порывами. Вторая бутылка закончилась быстрее первой, беседы становились все более отвязными, наполненными ненавистью к черным (так и оставшейся для Макса необъяснимой), затем стали вразнобой перебираться огромные плоские телевизоры, вред от курения крэка, музыка 40-х годов и несколько выпусков «Тачки на прокачку». Так и длилась бы пьяная беседа неизвестно сколько, если бы входная дверь не заскрипела. Сеск вскочил с места, вероятно, строя в мутной голове образы напавших на дом чернокожих, и рванул в прихожую. Эдди с Домиником последовали за ним. Макс настороженно прислушивался. От прихожей его разделяла тонкая стена, и ему не составило труда расслышать несколько женских голосов. Стейси и Майра, вспомнил он. От позорно разыгравшейся фантазии кровь обдала лицо кипящим румянцем, каждый стук kloкотавшего сердца спазмом отзывался в гортани и груди.

В гостиную вошли три смуглые девушки в схожих черных джинсовых брюках и куртках. Макс несколько раз окинул взглядом их вульгарно-объемные формы.

– Сеск, наглый ты негодяй, – заговорила певчим голосом одна, очевидно, главная в группе. – Я из-за тебя чуть к врачу не пошла – разок попользовался мной, и бастанте? Ты почему за добавкой не явился?

Сеск поцеловал ее в капризно подставленную щеку.

– Я до сих пор в себя не приду после той феерии.

¹ Слава нашему капитану! Момент, я принесу бутылку.

Эдди и Доминик повели девушек к дивану, Сеск скрылся на кухне.

– Хочу вас познакомить с моим стенсфилдским приятелем, – сказал Назарян, когда все уселись. – Макс Манукян. Макс, это Майра, Ким и Стейси. Очень приятные во всех смыслах девушки. И знаете что? – он посмотрел на подруг. – Ему по силам с вами тягаться.

Они обменялись короткими кивками. Та, что звали Стейси, смерила его пронзительным, с неприкрытым вызовом, взглядом.

– Не видела тебя раньше. – Ее взгляд скользил по нему, оценивая каждую складку на одежде.

– Он редко бывает здесь, – пояснил Назарян. – Так что взяла бы и просветила парня.

Сеск вернулся из кухни с тремя стаканами, потребовал у Стейси освободить место рядом с Ким, так что та пересела на диван рядом с Максом.

– Неплохо вы порезвились до нас, – заметила Ким.

– Малышка, у нас всех полный бак, – сказал Сеск. – Пора вам тоже заливаться. – Он взял стакан, другую руку положил Ким на плечо. – За силу латиносов и наше скорое правление во всем Комптоне! – Говорил Сеск так громко, как кричит фанат с трибуны любимой команде. – И за наше воссоединение! Как вы знаете, мы с Ким долго были в ссоре, но я уважаю ее рассудительность. В конце концов она обсудила со мной причину ссоры, а не, как другие шлюхи, крикнула: «Пошел к черту!» – и бросила трубку. – Не успел он договорить, как Ким хорошенько всадила ему локтем по печени. Сеск согнулся от боли, чуть не выронив стакан.

– Я пошутил! – воскликнул он.

– Так тебе будет спокойнее. Прости, *lindo*², продолжай.

– Черта с два я выпью за тебя! – заявил Каттано. – Парни, за нас, мужчин! – Он, не дожидаясь остальных, залпом осушил стакан и энергично откусил яблоко. – А эти нахалки могут поцеловать мою милую сальвадорскую задницу!

– Франсиско Каттано, ты перешел все границы! – Ким вскочила со стула и принялась осыпать Сеска ударами по голове.

– Бить племянника генерала «Королей»?

Сеском овладели возмущенные чувства уязвленной гордости. Он схватил ее за плечи, подхватил на руки и понес в спальню, не замечая дрыгавшихся ног и извиваний Ким. Несколько секунд за дверью раздавались звуки борьбы, потом голоса сменились.

– Мир держался недолго, – пожал плечами Назарян, поставив стакан на стол. – Но они уже на пути к новому миру.

Веселье продолжилось без них. Несметное количество выпитого усердно стирало границы дозволенного; Макс чувствовал, как уверенность завладевает им, подталкивает совершить все то, что кажется непозволительным где угодно, только не здесь, в обители бушующих низменных страстей, столь притягательных, если тебя здесь признают и если в голове рьяно шумит придающий храбрости напиток.

– Почему ты не снимешь куртку? – спросил он вкрадчиво у Стейси.

– Стесняюсь тебя. Жду, пока ты снимешь футболку.

Макс исполнил пожелание немедля, вызвав волну одобрительных оханий. Исчезла всякая неловкость; Макс был твердо уверен, что Стейси очарована его напористостью и уверенностью. Сеск с Ким так и не вернулись, и Эдди пришлось самому идти за следующей бутылкой.

– Нет, дружище, это уже лишнее, – запротестовал Доминик, у которого веки так и норовили свалиться на глаза, унося пьяного в сладкий и долгий сон. Назарян невозмутимо поставил бутылку на стол.

---

² Милый

– Это Макс меня заставил, – с трудом пролепетал он. Стейси хихикнула. Она уже полностью облокотилась на плечо Макса, отдавая его возбуждающим теплом объемных форм. Время от времени его руки скользили по ее бедрам.

– Молодец, Макс, – сказала она. – Я как раз нахожусь в подвешенном состоянии.

– В каком?

– В подвешенном, – ответил за нее Доминик. – Когда ты еще не пьян, но уже и не трезв.

– Вот сейчас и поправим! – Эдди корявым движением откупорил бутылку. – Представьте, что коньяк называется «Красный легион».

Макс ужаснулся, вдруг поняв, что вовсе потерял чувство времени; третья бутылка отправилась под стол к двум пустым собратам.

– Я пошел спать, – заявил Доминик. Он встал, покачиваясь, и несколько секунд смотрел на Майру, словно обдумывая что-то.

– Идем в спальню? – спросил он наконец.

– Нет, приятель, ты большой мальчик и вполне можешь спать один. И вообще мне пора идти. Стейси, ты со мной?

Подруга, напротив, не желала терять верную возможность отдаться власти наслаждения.

Манукян стал жевать яблоко, уставившись в пол. Приторная горечь во рту усиливалась, досажая все сильнее. Неизвестно, сколько он так сидел, но когда поднял голову, они со Стейси были вдвоем. Алкоголь атаковал изможденный мозг, вот он уже начинает бороться с накатывающей сонливостью. Странно, что Стейси еще здесь. Эдди и Доминик куда-то делись, в комнате наступила тишина. В ушах звенело, как после рок-концерта. Чтобы прервать молчание, он предложил Стейси выпить. Как ни старался он держаться отстраненно, но понимал, что теперь, после всех заигрываний, это будет выглядеть по меньшей мере нелепо. Взгляд его беспрерывно блуждал по телу и лицу Стейси. У нее были полные губы, мясистое лицо, чуть вздернутый крупный нос и черные похотливые глаза. Взгляд ее действовал мучительно сильно, не намекая, а открыто объявляя мысли хозяйки.

– Как долго ты знаком с Эдди? – нарушила Стейси молчание. Макс захотелось зацепиться за этот вопрос, развить беседу, но ничего, кроме «да», его изнеможенный мозг предложить не смог. – Учимся вместе, – пролепетал он. Челюсть словно отмерзла.

– Эдди – один из немногих парней, про которых понимаешь, что не он должен клеить баб, а они его. В остальных чего-то не хватает. Сеск просто красивый, но он избалован дядиной капустой и сам ничего не добился. Другие в этом городке либо озабоченные, либо дебилы. – Она залезла Максуду под руку и крепче прильнула к нему. Желание становилось непреодолимым. Стейси принялась расспрашивать о нем самом и слушала с необычайным интересом. Вскоре она прекратила расспросы и лишь томно смотрела на Макса, зажав его пальцы в теплой ладони. Манукян стал на грань сдачи. Недаром, в конце концов, о разнузданности уличных девок ходили легенды. Но чтобы сразу, без намеков, без единого слова хотя бы для вида, такого Макс никак не ожидал. Стейси навалилась всей тяжестью на его детородный орган, им завладело невероятное возбуждение, пробившее даже изнеможенное алкоголем тело. Неимоверное усилие удалось ему скорее механически, по велению какого-то бессознательного сигнала.

– Извини, я не могу.

Он закрыл глаза. Посидел немного, а алкоголь тем временем ударил со всей силой. В голове рябило пестрыми, запутанными узорами. Все отодвинулось куда-то далеко, хмельная голова вовсе перестала соображать. Макс сквозь полусон разглядел надвигающуюся бурю в глазах Стейси, но невероятная усталость все притушила. Перед глазами стали маячить непонятные образы, голова превратилась в кипящий котел. Стейси, Комптон, Доминик, смертельно опасная погоня, Сеск, «Эрмано» – он падал в пропасть, а в сознании проносились бурные события минувшего дня, смешанные с неразборчивой бранью пьяной стриптизерши.

* * *

Лицо Дианы все четче являлось среди безумных образов. Прекрасное, сотворенное из воздушной материи облачной белизны. Диана смотрит на него, с негодующей улыбкой качая головой. Они не виделись несколько часов, но Макс так соскучился по ней, особенно после всего пережитого, что при виде любимого лица даже во сне улыбнулся. Диана нежно провела рукой по его голове, он ощутил тепло ее руки и тут осознал, что это не сон.

– Доброе утро, пьяница, – услышал Макс ее высокий, залиvistый голос. Он протер глаза, внимательно посмотрел на нее. Диана сидела на краешке кровати. Макса вдруг неудержимо потянуло обнять ее и попросить прощения за все, но он удержался.

– Привет, – пробормотал Манукян.

– Как голова?

– Не очень. – Он привстал с постели, оглянулся. Голова ужасно кружилась. – Где я?

– У нас дома. В комнате Эдди. Он внес тебя почти на руках.

– Который час?

– Скоро одиннадцать.

– Одиннадцать вечера! – выдохнул он. – Где мой телефон? Наверняка родители в ужасе. Диана кивнула, улыбка озарила ее неотразимое лицо.

– Они звонили. Мне пришлось обмануть их, сказав, что ты спишь младенческим сном, поэтому позвони им утром. Кристина тоже звонила – она знает, что ты здесь, но обещает молчать.

– А где Эдди?

– Спит в гостиной.

Наступило молчание. Голова больно пульсировала, Макса подташнивало. Он напряженно вспоминал недавние события, воспоминания никак не удавалось расставить в правильной последовательности. Диана взяла с тумбочки стакан воды.

– Таким разбитым мне еще не доводилось встречать начало учебного года. Так родители не знают?

– Когда-нибудь я попрошу прощения у них за сегодняшнюю ложь, но это для их и твоего блага. – Протянув Максу стакан, Диана лукаво улыбнулась. – Видел сны, как черпал воду с колодца, но не мог напиться?

Макс усмехнулся.

– Нет, мне было не до сновидений.

Он жадно приложился к воде. Диана наблюдала за ним.

– Может, скажешь, зачем понадобилось так делать? – спросила она, поставив стакан на тумбочку.

Макс посмотрел на нее, потом растерянно покачал головой. Диана закатила глаза, вздохнула.

– Эх, парни. Какой бы серой была ваша жизнь без водки.

– Мы пили не водку.

– А что?

– Ром.

Диана безразлично кивнула.

– У вас было какое-то соревнование? Что заставило моего не испытывающего любви к алкоголю возлюбленного превратиться в ящик папайи?

– Милая, ведь я дал слово принять участие в этой вечеринке. Как бы ты поступила?

– Отказалась бы, и вопрос решен! Но нет, моего Макса потянуло на гонку.

– На то ты и девушка. А у парней соревнование в крови.

– Судя по твоему виду, в этом соревновании ты стал победителем.

Макс улыбнулся, взял ее руку и крепко сжал. Лишь сейчас, отпив чудодейственной воды, он почувствовал, что краски жизни стали понемногу проявляться, и он заметил глубокую печаль в глазах Дианы.

– Тебя что-то расстроило. Скажи.

Диана опустила голову, не решаясь ответить.

– Приехал отец, – наконец сказала она полупшепотом. – Вы уже спали. Увидев Эдди в таком виде, он разгневался и хотел было вытолкать на улицу, мама едва остановила его. – Диана запнулась, не в силах как продолжать, так и выстоять перед желанием разделить с Максом потрясение. – Он стал винить ее в бедах Эдди, разгорелась такая ссора, что мне пришлось пригрозить убежать из дома. Как бы я хотела спать таким же пьяным сном, как вы, и не слышать ничего этого!

Макс вытянул руки, привлекая Диану к себе.

– Прости меня, милая. Я должен был прекратить эту проклятую вечеринку.

– Мне страшно думать, какие вещи творятся, когда меня нет. Макс, разве одна мама или только папа виноваты в том, каким Эдди стал?

– Нет, любимая. Вы не виноваты. Такие, как Эдди, обречены на пожизненный шторм. Если бы в его жизни не было приключений, он бы их выдумал.

– Если бы только мне позволили прийти за вами! – говорила Диана, подрагивая в тихом плаче. – О, я бы вышвырнула этот яд в окно! Ты не знаешь, как родители гордились Эдди, какие надежды связывали с ним. Он так много читал, не упускал из виду ничего, изучал и узнавал весь мир. А теперь он уподобился бандитским сиротам. Кто мог предположить, что такой одаренный, любознательный человек, наследник того Назаряна, чья фамилия в Советской Армении произносилась с таким уважением, своей рукой зачеркнет все прекрасное, чего мог бы достичь, и предпочтет блестящему будущему рабство преступным шайкам.

Диана плакала бесслезно, едва колышась от глубоких обрывочных вздохов. Макс чувствовал ее усиливавшийся жар, крепче прижимал к груди, не в силах вымолвить хоть что-то, оправдывающее и его, и себя. Наконец ему удалось сделать усилие:

– Больше этого не повторится, дорогая. Я теперь понимаю, что должен сыграть в вашей жизни роль большую, чем твоего будущего мужа. Я должен приложить все силы, чтобы вытянуть моего друга из этой беды.

Раздался стук в дверь, вошел Эдди. Обрюзгший, с помятой кожей на заспанном лице, болезненная бледнота оттенялась сверкавшими в глазах хмельными огоньками.

– Не помешал? – Не дожидаясь ответа, он шагнул в комнату и остановился возле кровати Макса.

– Ты в порядке? – Он тяжело опустился на стул, словно до сих пор волочил тяжести. Диана отвела взгляд от брата.

– Настолько, насколько может быть в порядке обсохший от похмелья страдалец.

– Бедняга, – буркнул Эдди, скривив губы наподобие усмешки. – Разгулялись мы с тобой чересчур широко.

– Я буду на кухне, – сказала Диана, нарочито не отводя глаз с Макса. Она спешно вышла из комнаты, не удостоив брата взглядом, и захлопнула дверь. В тишине Макс слышал быстрый топот удалявшихся шагов. Назарян сел на освободившееся место, взглянул на Манукяна. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, сколь сильное негодование он чувствует к Эдди.

– Что за очередной чертов экзамен ты мне устроил, гад? Покончил с храбростью и перешел на испытание верности? – без обиняков приступил Макс.

Эдди опешил и, казалось, протрезвел.

– В чем моя здесь вина? Или это я заставил тебя сбросить футболку и выставить перед всеми свои дивные соски?

– Не придуривайся! – Макс старался говорить шепотом, но волнение подчас захлестывало. – Собрал проклятых стриптизерш, напоил до состояния слабоумного шимпанзе и наблюдал за ходом опыта. Или не ты говорил мне днем про «затащить обеих в постель»? Так знай, проклятый ты упрямец... – Эдди силясь прервать разбушевавшегося друга, но Макс каждый раз грозно шипел, выставляя руку. – Я не твоя подопытная свинка. Если я люблю твою сестру, то пошел к черту хоть весь мир, если он осмелится нас разлучить. Пошел твой Комптон, твоя шайка, все твои мысли про меня. Я пошел наперекор собственным родителям ради нее. Ты действительно считаешь, что меня что-то остановит? Тогда пошел ты к дьяволу! Сознайся, что это было намеренно, и прими, наконец, неизбежное.

– Хорошо, старик. Извини, – произнес Эдди после недолгого раздумья. – Признаться, кое-какие мысли у меня были, но я всем сердцем желал, чтобы ты достойно вышел из этого искушения, что ты и сделал. Прости меня, друг, прости упертого недоноска, но я очень люблю свою сестру. Если хочешь, я ее рьяный фанат.

– А я, знаешь ли, не назойливый папарацци, который сделал снимок и смылся. Я ее фанат до конца дней.

Эдди примирительно хватил его по плечу.

– Не злись, я ведь всего лишь желаю счастья вам обоим, – Назарян широко улыбнулся, протянул руку. Макс, изображая оскорбленное достоинство, пожал ее.

– Прощаю в последний раз, – процедил он. Эдди буквально засиял.

– Спи, приятель. Завтра важный день. – Со скромным радушием Назарян удалился из комнаты, что несказанно обрадовало Макса, иначе еще немного, и он, пожалуй, высказал бы все услышанное от Дианы несколько минут назад.

* * *

Прошедший день красноречиво олицетворял всю сущность Назаряна. Авантюризм, подкрепленный личным кредо, безрассудное и неостановимое движение к тому, что в этот момент времени сулит наибольшее удовольствие, будь оно исключительно плотским или вызванным сознанием триумфа искаженных и в некотором смысле схоластических законов вспльчивой, самоуверенной головы. Доказать себе и окружающим, что Эдди Назарян ни у кого не спрашивает, что можно, а что нет, и неумное стремление во всем демонстрировать превосходство. Убеждения Эдди, равно как и ревностное рвание за них, стороннего человека могли либо ужаснуть, либо восхитить. Такое маниакальное желание утвердить в своем лице молодого вожака, крушащего все прежние догмы, сдувающего родительские нравоучения бешеным духом честолюбия, вероятно, лет двести назад помогло бы ему стать одним из творцов победы революционных колоний над Британией, но в сегодняшнем мире, где границы произвольности весьма сужены, эти качества могут обратиться против их носителя. Макс, Диана и родители Эдди прекрасно это знали, и тем сильнее было горе Назарянов, когда они поняли, что изменения, произошедшие с сыном, необратимы. Обдумывая ночью данное Диане слово всячески способствовать спасению Эдди, Макс пожалел об этом; слишком уж далеко заплыл его друг, и единственное, что он может, – это не поддаваться искушению пуститься вслед. Именно поэтому эта ночь стала одной из самых тяжелых в его жизни. Те пять часов, что остались на сон, несколько раз прерывались беспокойными пробуждениями, при этом им владел непонятный жар, приходилось каждый раз стирать пот с тела и несколько минут взволнованно ходить по комнате, прежде чем снова лечь. В результате наутро Манукян представлял собой полуживой субъект с гудевшей головой, мечтавший лишь о сладостной постели. Несмотря на то что выехали они под только занявшийся рассвет и тихая езда Эдди способствовала сну, Макс не удалось отдохнуть и в машине. На раннем выезде настояла Диана.

– Не нужно тебе зря раздражать родителей.

В школу приехали в конце восьмого часа утра. Макс и Эдди выразили ожидаемое желание отоспаться до начала церемонии.

– Идите ложитесь, – согласилась Диана. – Стыдно встречать друзей обморочными луна-тиками.

– Спасибо за ласковые слова, дорогая, – скривился Макс уже из постели. – Поцелуй, что ли, любимого на ночь.

С первых дней учебы Джефф неизменно будил друга к урокам. И сегодня Макс проснулся от конского топота и бойкого голоса:

– Вставай, старик! – воскликнул Кастелано. – Так ты соскучился по мне?

Друзья крепко обнялись и долго сжимали друг друга в объятиях. Полный сил, раздраженный полноводьем свежести после каникул Джефф изливал тот задорный пыл, прикоснувшись к которому, невольно заимствуешь его частичку. Годы только закрепляли в нем этот безоговорочный оптимизм, казалось, Джефф живет в некоей стерильной капсуле, куда не проникают жизненные неурядицы и суета, не оседает копоть от всего негативного, что испытывает человек, будь то мысли, волнения или заботы. Макс всегда с благодарностью принимал от друга этот благодушный заряд, видя в нем одно из средств обретения стойкости для всего того, что ему предстоит одолеть. Только обняв бесценного друга, Манукян почувствовал восстановление иссякших за лето бравурных искр, мгновенно схлестнувшихся с томившимся в нем беспокоейством по поводу скорой встречи с Кранцами.

– Я скучал, – сказал Макс.

– И я по тебе, – скалился Джефф своей задорной ухмылкой, подчас походившей на насмешку. – Рассказывай, как провел лето. Ты совсем не изменился, такой же задумчивый ленивец.

– А ты все тот же задиристый плут.

Убранство школы к началу учебного года, оставшееся без внимания утром, обнаружилось, только когда друзья шли вечером к главному корпусу. Арка парадного входа поочередно подмигивала белыми и бежевыми лентами, а дорожка, ведущая от парковки до входа, была постелена белоснежным ковром с золотистыми узорами, по которому ступала бесконечная вереница студентов. Как Макс с друзьями четыре года назад, так сегодняшние первокурсники жадно и восторженно озирались по сторонам, небольшими гурьбами следуя за проводниками. Ровно без десяти семь, одетые в схожие темно-синие костюмы в тонкую полоску с белоснежной рубашкой, Макс и Джефф стояли возле дверей у входа в зал развлечений, ожидая свои пары. Весь холл был наполнен возбужденным гулом учеников, одинаковым из года в год и всегда обещающим удачный во всех смыслах год. Праздничную атмосферу добавляли расставленные вдоль стен кашпо с карликовыми пальмами, раскинувшими широкие ветки с острыми листьями, а также белые ленты с прикрепленными на них статуэтками птиц, обрамлявшие ручки дверей. Посреди оживленного гула Макс и Джефф едва слышали друг друга.

– Как ни надейся, опоздания у женщин в крови! – возмущался Кастелано.

Макс выдал беззаботную ухмылку и махнул рукой.

– Предлагаю поспорить, кто придет раньше – Диана или Эмма.

Друзья стояли чуть поодаль от главной лестницы, и им отсюда были видны все входившие в вестибюль. В потоке студентов Макс разглядел Эдди и Кристину, шедших под руку, и помахал им. Они шли медленно, нарочито степенно, выверяя каждый шаг, и Манукян подумал, что они так же будут идти и на своей свадьбе. Эдди был одет в черный костюм, лакированные, блестящие туфли, белую рубашку на манер сороковых со стояче-отложным воротником и черной бабочкой. Держался Назарян горделиво, шагая с прямой осанкой; привычно торчащие волосы были уложены вбок, отчего казались еще гуще. Дюжему развороту плеч и могучим рукам было тесно в строгой обертке. Выдавала его лишь едва заметная краснота в глазах. На Кристине было изумительной красоты греческое платье кремового цвета, с шифоновой юбкой в пол, обтекаю-

щей фигуру, и отороченной линией груди, расшитой кружевными фестонами и декорированной пряжкой. Распущенные волосы пышными завитушками обрамляли лицо и плечи; в руке она держала крохотный клатч, который неискушенный взгляд мог вполне спутать с большим кошельком. Ее величавая выправка, прямой стан и манерная тактичность гармонично спевались с внушительным положением ее ухажера. Худоба ее еще сильнее выделялась рядом с массивным Эдди.

– Два сапога пара! – восхищенно промолвил Джефф. – Эдди, кажется, ты подрост за лето!

– Рад тебя видеть, дружище, – ответил Эдди с кривой усмешкой. Они с Кристиной по очереди поздоровались с товарищем. – А твоя половина все еще возится?

Джефф развел руками, уныло закатив глаза.

– В таком случае мы зайдем вам места. Не опоздайте, дети мои! – Назарян подмигнул друзьям, и они с Кристиной чинно поплыли к залу.

Наконец, ожидание друзей увенчалось появлением почти безжавшей, отдувавшейся Эммы, и почти одновременно в недрах зала развлечений раздались призывавшие начать торжество аплодисменты.

– Сколько же можно мучить любимого! – воскликнул Каstellано, довольный, однако, концом томительного ожидания.

– Прости, дорогой, – запыхавшись, сказала Эмма. – Привет, Макс!

– Привет, наш ученый предводитель, – сказал Макс, заключив ее в объятия.

– Здорово, что мы снова вместе! Диана просила передать, что чуть задержится. Но она торопится. Вы готовы пригласить нас на танец во время бала?

– Что еще за бал? Почему о нем не объявлено заранее? – вопрошал Джефф.

– Извещение у главного фонтана ростом с тебя, – сказала Эмма. – Неужели ты не прочел объявление огромными буквами, что приглашен настоящий симфонический оркестр? После приветственной речи все желающие пойдут в зал приемов, где будет играть вальс в исполнении оркестра.

– А если бы я не взял с собой костюм? Вальсировал бы в галифе?

– Это было бы очень в духе Джеффа Каstellано, – сказал Макс с усмешкой. – Ты бы тогда станцевал, как Челентано в «Укрощении строптивого».

В вестибюль вошли Роберт и Мари. Сияющие и счастливые; их руки, казалось, срослись вместе. Эти двое точно ни в чем не нуждались; беспрестанно переглядываясь и хихикая только по им известным причинам, они походили на гальваническую батарейку, работающую только при неразрывном сочетании двух проводников. Вспоминая этих двоих четырехлетней давности, Макс изумлялся их преобразению. Из неотесанного, с незатейливо-грубой внешностью и скромным нравом молчуна Уилсон превратился в мягкого добряка с неизменно вежливой улыбкой. Роберт ни за что не смог бы прибить комара, пьющего его кровь. Он бы дождался, пока насекомое, вдоволь напировавшись, улетит, и смиренно претерпевал бы чесание. Благодаря этому качеству и бескрайней обходительности он и завоевал сердце некогда пугливой, замкнутой в бесплодных страхах Мари.

Подросший за лето, он уже нагонял Эдди в росте. Прическа осталась неизменной, растрепанной и прикрывающей скошенный широкий лоб.

Мари также преобразилась. Без тени прежней пугливой неуверенности она красочно поведала друзьям об их с Робертом каникулах в Буэнос-Айресе. В какой-то миг она улыбнулась, слегка приподняв правый уголок рта. Сердце Макса екнуло – улыбка Дианы. Ее почерк, бесспорно, занимал главное место в изменившейся девушке. Внешность также избавилась от вечного полновластия стыдливости – лицо округлилось, детский румянец заменила легкая смуглота, волосы больше не были неприхотливо распрямлены, а завивались и переливались темно-каштановым и медово-золотистым оттенками.

– В который раз вы уже едете в Аргентину? – спросил Джефф. – Если ищите клад, скажите – мы тоже примем участие.

– Во второй, – ответила Мари. – И всегда в Буэнос-Айрес. Мы с Робертом влюблены в этот город. Да, Робби?

Диковатый для забавного прозвища «Робби» кивнул, издав смешок в унисон со своей дамой. Аплодисменты повторились громче, послышалась приветственная речь ректора.

– Идите; я дождусь Диану, иначе не останется мест, – сказал Макс.

– Идем, медвежонок Робби! – не сдержался и передразнил Джефф.

Квартет друзей поспешил в зал, и только они скрылись в темноте амфитеатра, глаза ему ослепило появление в арке парадного входа его любимой.

Диана была совершенно бесподобна. Она сделала что-то такое с волосами, отчего они не ложились скопом на плечи, а были стянуты в блестящий белый элегантный бантик на затылке. Одета была она в бордовое платье с узкой, облегающей юбкой, драпированной белыми зашипами и цветами; белый широкий корсет был отделан цветочными кружевами. И она улыбалась. Своей улыбкой. Размеренным, медленным шагом Диана приближалась к Макс, волнистые локоны плавно покачивались в такт шагам. Из зала приплывали слова знакомой речи директора.

– Ты совершенство, – вымолвил Манукян, загипнотизированный красотой своей подруги.

– Я боялась, ты начнешь ругать меня за опоздание. – Диана хитро улыбнулась.

– Ты злоупотребляешь своим очарованием. – Это был единственный упрек, что Макс сподобился высказать. Глядя на свою любимую, он укоренился в мысли, что является счастливейшим человеком в мире. Разом исчезли церемония, беспокойство и все, не связанное с прекрасной Дианой. Диана тоже вовсе не торопилась в зал развлечений. И Макс сказал то, что можно было не говорить:

– Давай не пойдем туда.

Ее неподражаемая улыбка сводит его с ума, хоть он и знает ее четыре года. Эта улыбка одним краем губ, ее невольно повторила Мари пару минут назад. Она означала негласное согласие. Взявшись за руки, Макс и Диана вышли из здания и пошли, не думая куда. Главное – быть вдвоем.

– Помнишь свое обещание? – спросила Диана.

– Да, милая, я больше ногой не ступлю туда.

Жаркий вечер светился испещрявшими небо звездами. Под их светом на озеро, казалось, было надвинуто гигантское блестящее стекло. Двое влюбленных, не желавших жертвовать возможностью побыть вдвоем в угоду церемонии, расхаживали вдоль озера и леса, сидели на скамейки передохнуть, снова шли среди деревьев и кустов, названия которых Макс так и не запомнил.

– Это юкка, – Диана указала на растения с распущенными, как у дикобраза, длинными острыми листьями, росшие вдоль дорожки. – Мы с Мари изучали флору Калифорнии.

– Знаешь, ты ее кумир, – усмехнулся Макс. – Она хочет быть твоей копией.

– Она мне сама это сказала. Но это неправильно. Мари вполне может быть собой, ей только нужна уверенность.

– Думаю, что может. Но почитает она именно тебя, а с такой наставницей она на верном пути.

Незаметно для себя они обогнули территорию по берегу озера, мимо общежитий, стадиона с ледовой ареной, и вернулись к фонтану у парадного входа. Вокруг плыли чарующие звуки классической симфонической музыки. Их друзья там, вся школа празднует, а Макс с Дианой тем временем вошли в портал парадного входа. Поначалу Макс не обратил внимания на очередную заигравшую музыку, но когда через секунду тягуче-прекрасные ноты «Вальса цветов»

мягко коснулись слуха, стал подпевать. Он поймал выжидательный взгляд Дианы. Он почувствовал, как его тянет танцевать. А почему бы и нет? Ведь нигде не сказано, что танцевать надо именно в зале.

Не успевая мысленно за движениями рук и языка, он посмотрел на нее и обратился с поданной рукой:

– Все, что нам нужно, – быть вдвоем.

Диана чуть смущенно улыбнулась и уверенно взяла его руку.

– Пусть этот танец будет только нашим. – Они отошли на площадку у фонтана и принялись медленно кружить. Прикосновение к Диане было подобно прикосновению к чему-то небесному, такая хрупкость едва ли может иметь воплощение, и однако его ангельская Диана танцует в его объятиях, положив голову на плечо любимому.

– И не последним, – после долгой паузы добавила Диана.

– У меня был разговор с Эдди. Больше нет необходимости что-либо доказывать. Только мы вдвоем. Я всегда буду с тобой, милая. Всегда, каждую минуту, сделаю все, что понадобится моей принцессе. Я чуть не сбился с пути, но слава богу, что есть ты. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – шепотом отозвалась Диана.

Глава 5

Скверная, но неизбежная встреча с Кранцами состоялась у центральной лестницы, где Макс и Диана встретили друзей, восхищенных академической музыкой в исполнении симфонического оркестра. Пока Джефф, Мари и Роберт наперебой делились распирающими впечатлениями от бала, и в итоге заспорили, кто лучше опишет ощущения, самое меткое определение дал Эдди:

– Короче говоря, там пахло маркизой де Помпадур. Если кто-то, кроме Эммы, знает, кто она.

Из-за лестницы показались Кранцы в сопровождении троих приятелей, из которых двое словно соревновались, чья фигура больше заплывла жиром. Макс тронул Эдди в бок, указав на приближавшуюся свору. Тот выступил чуть вперед, остальные настороженно обернулись. Кранцы остановились в нескольких шагах от друзей, бросая взоры едва сдерживаемого гнева на Эдди.

– Ты своей жизнью обязан нам, понял? – сказал Эрион. – И этот, – он махнул головой в сторону Макса. – Мы не стали гнаться за вами и нарушать границу, а могли подстрелить, как долбаных койотов, как и хотел мой брат. Ты же после этого еще и сдал нас.

– Заткнись, урод, сваливайте с моих глаз, – процедил Эдди.

– Слушай внимательно, – вмешался Кармак, шагнув ближе, – если считаешь себя воспитанным улицей. Она не прощает нарушителей честно скрепленного договора. Мы ничего не забудем, ты подверг нас унижению, но мы не собираемся долго оставаться в подставе.

– Ты заткнешься или мне вырвать твои поганые связки? – злобно повторил Назарян.

– Идем, брат, – сказал Эрион, увлекая Кармака. Тот поддался не сразу, качнулся в сторону и произнес полупшепотом:

– Прошу, сделайте так еще раз. Клянусь, тогда я не промахнусь.

Доведенный до бешенства Эдди толкнул Кармака со всей бычьей силой, отчего тот отскочил на несколько ярдов, едва не упав. Макс, Джефф и Роберт мгновенно встали между противниками, оттеснили Эдди к стене; другая сторона окружила Кармака, сдерживая его яростные порывы. Сумятица привлекла внимание окружающих, и вскоре здесь оказались старшекурсники, обступившие враждующие лагеря, и преподаватели с суровыми лицами. Один из них категорично заявил о недопустимости подобного поведения в школе и пригрозил обратиться к администрации с просьбой о применении к Назаряну дисциплинарных мер.

– О чем они говорили? – спросила Диана растерянно, когда опасность столкновения миновала.

– Неважно, – ответил Эдди, коротко махнув рукой. По пути в общежитие Макс с трепетом ожидал, что кто-то спросит у него, и он не сможет отмахнуться, как Эдди, особенно от Дианы. На счастье, все шло подавленно, даже Джефф не выронил ни слова, пришибленный устрашающими словами о стрельбе и промахе.

* * *

На следующий день после обеда осталась четверть часа до следующего занятия, которую Макс и Диана посвятили прогулке по лужайке учебного корпуса. Воспользовавшись уединением, Диана вернулась к вчерашнему происшествию и заставила рассказать все, что произошло двумя днями ранее. Только услышав про выстрел, она внезапно развернулась и резкими размашистыми шагами устремилась в сторону главного корпуса.

– Ты куда? – ошарашенно спросил Макс, предчувствуя нечто тревожное. Он едва поспевал следом, бесплодно допытываясь о ее намерениях. Диана прошла главный корпус, пошла

по дорожке, ведущей к воротам, попутно отстранив повелительным тоном изумленную кучку младшекурсников.

– Диана, что ты задумала? Остановись! – Макс попытался взять ее за руку, она грубо отмахнулась, как от жужжащей под ухом мухи. Среди редко покоящихся машин на парковке «Селика» Эдди сверкала ослепительно-серебристым отсветом, безупречно ухоженная жертва гнева сестры ее хозяина. Остановившись на миг, Диана окинула взглядом округу, затем с разбега вскочила на капот и принялась наносить выверенные мощные удары ногами по лобовому стеклу. Макс пустился бежать, гневно выкрикивая:

– Ты с ума сошла? Слезь немедленно! – Пока он схватил обезумевшую девушку за ноги и оттер от машины, на стекле появились две огромные, густо раскинутые на большей части паутины трещины. Макс крепко держал Диану, но она больше не отпиралась.

– Посмотрим, как теперь он поедет на ней в свой гадюшник. – По мстительному удовлетворению во взгляде, брошенном ею на машину, можно было решить, будто это она вовлекла ее брата в бандитскую жизнь.

Разумеется, Диана получила строгий выговор и обрела славу девушки с дурными наклонностями, умело скрываемыми все эти годы или только появившимися. Диана относилась к этим предрассудкам снисходительно.

– Я рада, что лишила его на два дня связи с разбойниками.

Когда через два дня «Селика» обзавелась новым лобовым стеклом, Диана сказала:

– Жаль, что меня отчислят, если еще раз разобью машину. Иначе с великим удовольствием ломала бы, только успевай звонить в сервис.

– Но, милая, во что тебе обошлась эта помощь, если вынужденное отсутствие из-за разбитого стекла можно считать помощью? – вразумлял Макс.

– Неважно. Может, в эти два дня его бы убили или он бы кого-то убил.

– Ты говоришь безумные вещи.

– Слышу это от человека, которого не застрелили только чудом, – сказала Диана с грустной укоризной. И внезапно прокричала тем рассекающим голосом свистящей шпаги, возникающим в минуты возбуждения: – Вы могли умереть! Слышишь?

После того случая он стал бдеть за каждым ее выражением лица, словом, выискивая малейший признак надвигающегося приступа. К несчастью, шторм нагрянул совершенно с другой стороны. Спустя три месяца после начала года, в субботний день незадолго до Рождества Манукяны-старшие по обычаю навестили детей. Они не знали о передрыгах сына, находились в самом обычном расположении духа и планировали сегодня провести больше времени с детьми, поскольку в предыдущие выходные приехать не получилось. В отношении Дианы придерживались занятой уже пятый год выжидательной позиции; как придирчивый зритель на представлении, они ревностно составляли представление об избраннице сына, не запрещали Максиму дружить, но и не питали надежд; они решили предоставить времени право вынести на их суд ту Диану, какой она станет к совершеннолетию. Охотно встречались с ней и Эдди во время визитов, умело скрывая особый к ним интерес как к вероятным спутникам жизни их детей. Все те факторы, являвшиеся причиной столь пристального внимания к Диане, необъяснимым образом оборачивались в пользу Эдди. Ничего не ведая о второй стороне его жизни, они считали его мужественным и умным молодым человеком, обладающим недюжинной смелостью и незыблемыми убеждениями. Мужчина должен расти в суровых условиях, оттачивающих его дух и требующих постоянного их применения. Что жизненно необходимо для мужчины, то категорически вредно женщине. Руководство этим постулатом и было причиной заведомой расположенности к Эдди и предвзятой, чуткой предосторожности к Диане.

В этот день беседа растянулась до самого вечера – в вестибюле общежития, где другие родители также проводили встречи с детьми, обсуждали учебу, мысли Макса о том, в бакалавриате какого института ему хотелось бы поступить, дела и планы родителей, поделились

свежими новостями от близких с родины, самой занятной из которых была о том, что кузен по матери Айк вместе с друзьями открыли ночной клуб.

– Мы очень гордимся им, – нахваливала племянника мать.

Вскоре к беседе присоединилась Диана, вернувшаяся с фигурного катания.

– Как проходят тренировки? – вежливо спросила мать. В отличие от отца, она относилась к ней более благосклонно.

– Тяжело, но мне нравятся, – сказала Диана. Макс смотрел на нее и беспрестанно улыбался, выражая тем самым поддержку. Он знал, какое смущение испытывает Диана при встрече с родителями, как тонко вылавливает холод в каждом брошенном на нее взгляде и как болезненно ей во время этих встреч чувствовать себя бродячей девкой, униженно вошедшей в дом к порядочным людям с просьбой дать приют. При этом родители, безусловно, были очарованы ее красотой, статным спокойствием и достоинством, с которым она вела с ними беседу. Но ее тяготил и заметно мешал холодно мерцающий дамокловым мечом в их глазах образ девушки с улицы, недостойной равнения на благочестивую семью.

Впрочем, разговор вышел весьма коротким и завершился как-то неожиданно, будто что-то вдруг остановило родителей. Выдав сухие улыбки, красноречиво намекнувшие, что теперь им хотелось бы поговорить с детьми наедине, они попросили передать брату наилучшие пожелания и выразили сожаление его отсутствию. Диана ушла по лестнице в комнату. Некоторое время отец смотрел ей вслед с отсутствующим выражением, затем отвел взгляд в окно. Макс затрепетал, прекрасно зная значение такого взгляда, мантии, искусно скрывающей неостановимо множасьщееся неудовольствие.

– Их родители были сегодня?

Макс открыл было рот, но злоеший спазм сдавил горло. Он боялся не того, что сейчас услышит, а эксгумации решенного и забытого, как ему казалось, вопроса.

– Нет, – ответила Кристина.

– Почему же? – с каменным спокойствием продолжал отец. – Ведь я хорошо помню, как часто они приезжали три-четыре года назад. Теперь же мы их почти не видим.

– Да, действительно, им в последнее время некогда, – расплывчато сказала сестра. Она тоже почувствовала приближение конфликта.

– Некогда? Некогда посетить детей? Некогда узнать, чем они занимаются? – с равнодушием, больше похожим на осуждение, рассуждал отец. – Мне было бы чрезвычайно обидно за наших соотечественников, которые не сумели сохранить семью, лишились того, чем славится наш народ, а именно – незыблемыми узами родства между всеми членами большой семьи, помогающими всем, кто ими связан, дающими опору и выручающими в беде. Это неопценимое свойство, жизненно необходимое не только по той причине, что мы народ малочисленный, но и по той, что большая наша часть разостлана по всему миру и существует смертельная для нации угроза ассимиляции. Сегодня мы видим двух потерянных для своей родины молодых людей. Но мне еще больше и даже страшно, потому что вы, мои любимые, выбрали именно этих двоих.

– Но, отец, – робко сказала Кристина. – У них дружная семья.

– В таком случае родители проявляли бы большую заинтересованность детьми, – с сожалением парировала мать. – Но то, что мы видим, неоспоримо.

– Если сказанное тобой относится к обоим, почему под ваше осуждение попадает только Диана? – спросил Макс, пристально глядя на отца, охваченный искрами от рьяного столкновения бесформенных мыслей и ярого негодования. – Только не надо говорить о пользе и вреде. С чего ты, отец, решил, что они не сумели сохранить семью? У Дианы прекрасные отношения с родителями, в отличие, между прочим, от вашего любимчика!

– Что не так с Эдгаром? – простодушно спросила мать, и одновременно Макс почувствовал сильный удар по ноге от сидевшей рядом Кристины. Колючие родительские взоры вонзились в нее.

– Кристина, отвечай, – взволнованно повторила мать. – У него какие-то проблемы?

– Да, – глухо сказала сестра после небольшого колебания. После настойчивых расспросов она призналась в его участии в банде. Макс слушал с выражением молчаливого протеста, как стыдливо склонившая голову сестра покорно слушает гневные упреки, переходящие в не менее гневные назидания. Уличив миг, он заступился за нее:

– Они дружат шесть лет, и до сих пор все было хорошо.

– Это бесполезно, жена, – сказал отец. – Мы рассуждаем о сохранении национального духа, хранителем которого является каждая отдельная семья, и узнаем, что наши дети водятся с разбойничьим выводком.

Итогом столь скверно завершившегося вечера стала размолвка, отбросившая назад надежды Макса на благосклонность к Диане и выявившая истинного Эдди. Теперь не только Макс, но и Кристина стали избегать Назарянов во время визитов родителей. Впрочем, через несколько месяцев они вновь стали осторожно заводить о них разговоры. Впоследствии и Эдди, и Диана нарочито не появлялись им на глаза; Эдди с демонстративной презрительностью, Диана из-за обжигающего стыда. После отъезда родителей Макс неизменно приглашал Диану пройтись к берегу, настойчиво рассыпал самые нежные и заботливые слова, горячо выказывал, как сильна его любовь, стойкая к любым потрясениям.

– Я и помыслить не мог, что когда-нибудь пойду им наперекор, но моя любовь к тебе непреложна. Ты значишь для меня то же, что лучи солнца для всего живого в мире, ты и есть моя жизнь. Когда приходит зима, листья падают, жизнь замирает. Без тебя мне нет жизни, нет радости, я понял это давно, с каждым годом все больше убеждаюсь в этом. Поэтому не смей снижать, милая. Я обещаю, нет, клянусь побороть их сопротивление.

– Прежде чем дойти до земли, лучи солнца преодолевают атмосферу, где обретают приземлемые для жизни свойства. Если я обойду этот слой в лице твоих родителей, значит, я для тебя губительна. Солнце может как согреть, так и убить. Наверное, Комптон навсегда изуродовал меня.

Макс божился, клялся, выдавал самые разнообразные эпитеты, на какие только был способен, чтобы разбудить в ней надежду на благополучный исход их союза.

Время шло, уроки завлекали и последовательно стирали горькие воспоминания. Когда друзья встретились по возвращении с рождественских каникул, у Макса и Эдди состоялась небольшая беседа на отшибе школьных владений, далеко за ледовой ареной.

– Я долго думал о том, что тебе пришлось пережить из-за меня, – сказал Эдди.

– Забудем, старик, это время ушло, – отвечал Макс.

– Да, но все-таки я не извинился перед тобой должным образом.

– Ты мой друг, я не жду от тебя извинений. Но если у тебя возникло желание перед кем-нибудь извиниться, то извинись перед Дианой. Ведь если бы я провалил какое-то из твоих испытаний, ты лишил бы ее счастья.

– Я просто хотел сказать, что видел несколько раз, когда проходил мимо окон нашего дома, как Диана молилась в своей комнате. Так зажмуривала глаза и сжимала ладони, будто терпела жуткую боль. Я проскальзывал за ограду, прикладывался ухом к окну – оно у нас неплотное – и слушал. Она молилась о благополучии твоих родителей, о наполнении их сердец добром и пониманием. Просила бога простить меня и сделать что-нибудь, чтобы вернуть в мирную жизнь. – При этих словах он запнулся, помолчал и повернул голову, сдерживая скупой, бесслезный плач. Если бы кто-то сказал Макс, что видел плачущего Эдди, он бы стал утверждать, что это невозможно, у Эдди нет слезных желез. Как жестоко ошибочны поверхностные суждения! В какое беспросветное заблуждение могут ввести слепое, бездумное дове-

рие увиденному и упущение множества деталей, составляющих истинную картину человеческой души. Книга, являющаяся для равнодушного к ним человека всего лишь переплетенным блоком страниц, любознательному может открыть такие грани жизни, о которых он и не догадывался. Можно знать человека десятилетие и внезапно обнаружить в нем качество, целиком переворачивающее прежнее о нем представление. Макса потряс плач Эдди, потому что до сих пор он представлялся ему черствым, свирепым рыцарем с бычьим нравом, совершенно лишенным чувствительных душевных струнок. Не так просто его подчеркнутое пренебрежение законами окружающего его мира. Помимо боли, причиняемой близким, оно причиняет боль самому Эдди, умело скрываемую под броней грозной необузданности. На деле Макс совершенно не знает своего друга.

– Это не все, – поборов слабость, продолжил Эдди. – В одну из наших с Дианой встреч она сказала, что родители стали обсуждать возможность переезда в Армению. Со мной или без меня.

Макс долго раздумывал над ответом в попытке разобраться в собственных чувствах от услышанного.

– Вот к чему привело столкновение твоего честолюбия с благоразумием родителей. Эдди, сознайся, что заблуждаешься.

– С предубеждениями родителей! Только не ставь на мне клеймо! Я не чувствую себя неправым; мои дела не наносят вреда никому, кроме прогнивших наркоманов, которые так или иначе нашли бы заветный кисет. Разве этого достаточно для отречения от собственного сына? Они живут предрассудком, что Назарян не может ничего, кроме своей торговли. Но они не знают, не захотели спросить, не поняли, что это всего лишь заработок. Я сам хочу скорее накопить чего-нибудь, купить дом подальше оттуда, чтоб вытащить Диану! По-твоему, я идиот? Мне не видно, как она пристыженно скатывает глаза перед твоими родителями? Мне тычешь на предубеждения, а чем они занимаются?

– Старик, сознайся.

– Пошел ты, Манукян!

– Дурь ты толкаешь с тринадцати лет, а о сестре задумался только в этом году.

– Неправда! Я думаю о ней с первых дней заселения.

– Не будь ребенком, не пытайся убедить меня, что продавать наркотики – обычное дело.

– А продавать фастфуд – это обычное дело? Разве фастфуд, сигареты, казино, пищевые добавки, микроволновки, магазины оружия – это все не губительно? Может, засудишь разработчика компьютерных игр за то, что его продукт портит детям глаза и скручивает мозги? Почему одно запрещено, а другое нет, если от незапрещенного вред может быть гораздо больший? Или ты не задумываешься над тем, почему умалишенные оборванцы врываются в школу с обрезом и палят по всему подряд?

– Эдди, я не хочу с тобой спорить, потому что ты оправдываешь продажу наркотиков.

– Нет, старик, вовсе не оправдываю. Но и не считаю это занятие достаточным для отречения от родного сына, особенно, если он всего лишь думает о сестре.

Поэтому в следующий раз, взявшись назвать меня преступником, задумайся чуть глубже.

– Ты мой друг, и я всегда буду тебя уважать, но принимать твоих взглядов не стану.

– Дело твое.

– Так что про переезд? Когда? Чем будет заниматься твой отец?

Эти вопросы беспокоили Макса больше Эддиных убеждений. Диана объяснила их желание усталостью от Америки, поглотившей их сына своей разнузданной демократией.

– Они говорят о порядке, о свободе, трепетно вспоминают слова Джефферсона, тогда как на деле безвозвратно изувечили свою Декларацию независимости, превратили в монстра, калечащего собственных граждан. И этого монстра не только не собираются уничтожить, но дают ему все новую пищу для разрастания. Увидишь – скоро разрешат однополые браки и продажу

марихуаны. Поэтому родители и хотят уехать. Им, прожившим всю жизнь честно, убежденным, что законы должны укреплять естественные человеческие порядки, невозможно каждый день смотреть на бесчинства этого монстра. Возможно, иные нашли здесь приют, расцвели и прижились, но только не мои родители. Отец возглавлял музыкальную студию, сотрудничал с Месчяном и Ахвердяном, здесь он занят на неквалифицированной работе. Та музыка, которую он умеет создавать, в Армении восьмидесятых была лучшей – здесь никому не нужна. Но случилась трагедия, жизнь людей началась с нуля, и он приехал сюда в надежде дать нам жизнь, которой его самого лишила политика. Теперь ему часто звонят бывшие коллеги и друзья и призывают вернуться.

– На месте твоего отца я бы тоже долго не раздумывал, – сказал Макс. – Не знал, что он дружит с самим Ахвердяном.

– Он скучает по нему и по тем годам. Если мне посчастливится, я мечтаю выучить армянский язык и когда-нибудь с ним спеть.

– Я помогу тебе, милая. Я хорошо знаю язык.

Таким образом, к урокам и тренировкам добавилось новое занятие – долгие вечера за изучением букв и правил. Диана с живым интересом погрузилась в обучение. Вскоре они оба поняли, что это поможет ей обрести уважение Манукянов, а значит, откроет мирный, без буйств и потрясений, путь к союзу с любимым.

Тем временем неумолимо приближалось окончание года, жара становилась удушающей, вынуждая студентов больше времени проводить в школьных стенах и вместо праздных гуляний готовиться к экзаменам. Казалось, жизнь замерла в преддверии самого ответственного периода в году. Экзамены длились с середины мая по июнь. За две недели до этого прекратились студенческие вечеринки, дискотеки на лужайке, собрания сообществ, всюду установилась молчаливо-напряженная атмосфера непрерывной учебы. В комнатах, общежитиях, учебных классах, кафетериях при общежитиях и даже в столовой – студенты проникновенно глядели в книги и тетради, заучивали, откидывали головы и повторяли вслух, лихорадочно шуршали исписанными листами, обставлялись несколькими книгами и изучали одновременно. С каждым годом учеба становилась труднее, уроки приобретали более узкий характер, требовалось большее напряжение сил и усидчивости. Даже Эдди на время подготовки прервал поездки в Комптон, которые в минувшем году выполнял не реже трех раз в неделю.

– Я собираюсь сдать чертовы экзамены и перейти на следующий курс, – говорил он. – Не так убог Назарян, как все считают. Увидите – молитвы моей сестры сработают; не хочу, чтобы из-за меня Диана потеряла веру в Бога.

– Как отрадно слышать такое! – ликовал Манукян.

Диана пребывала в экзальтации, без усталости бегала вокруг брата, настоятельно переспрашивая по несколько раз, выучил ли он то или это, и с выражением проникновенного участия смотрела на Кристину, когда та помогала Эдди выучить материал. Ее буйная нетерпеливая натура уверяла, что все позади, сейчас Эдди позабудет проклятый Комптон и вернется к ней, в семью, в школьное лоно, сулящее мир и успех. Она не осмеливалась спросить, чем вызвана столь удивительная перемена, хотя, бесспорно, задавалась этим вопросом. Она боялась прикоснуться к едва затлевшему огоньку его перерождения, боялась неверным словом взбаламутить еще полную мути воду, где частички грязи только начали оседать.

В день первого экзамена она позвала его, замученного невероятным объемом выученного, но уверенно-спокойного, на прогулку к озеру; ей хотелось отвести напряжение брата перед столь важным испытанием, выразить поддержку, все казавшуюся ей недостаточной.

В густых гривах деревьев, сливаясь с тонкими извилистыми стволами, трелили пересмешники, отвлекая мысли с экзаменов на лето, отдых и близость трех безмятежных месяцев. Солнце отбрасывало блестящий полноцветный отсвет с листьев и озера, замерших в каком-то каменном ожидании. Хоть ветер и не доставлял океанскую влажность, но стоячий воздух

раскалялся, беспощадно обжигая в солнечных местах и лишь слегка ослабевая в тени. Тонкие обрывки облаков, напоминающие разодранные шелковые волокна, изредка занимали крохотные куски лазурного небосвода.

– Я ведь так и не извинилась за разбитую машину, – сказала Диана с застенчивой улыбкой. Эдди усмехнулся.

– Хотел бы я увидеть, как это выглядело. Чем все-таки ты разбила стекло?

– Ногами. Я представила, что приземляюсь на лед после прыжка.

– Ты могла поранить себя.

– Я была к этому готова. Помнишь, два года назад на тренировке я упала и рассекла руку об конек другой фигуристки? – Она указала на бледный крохотный шрам выше локтя правой руки.

– Как не помнить. Ты здорово напугала меня тогда.

– С тех пор я не боюсь мелких ссадин. Было даже интересно, почему осколки не разлетались. Так устроены ветровые стекла?

– Да, родная. Их делают безопасными на случай, если тебе захочется их разбить.

Он обнял ее исполинской рукой, подвинул к себе и звонко чмокнул в лоб.

– Я благодарен тебе за это. Можешь не поверить, но именно после того случая я впервые задумался, что же со мной не так.

– После того случая! Именно после него? – Диана задумалась, решив, что, если брат сам указал на событие, толкнувшее его к перемене, значит, можно смело об этом говорить. – Какие мы, люди, непонятные. Пока нам кругом твердят одно, мы глухи и возмущаемся. Как только та же мысль выражается по-другому, мы будто прозреваем. – Она ласково смотрела на брата, прижималась к нему, точно желая после душевного сближения приблизить и его самого. Год хронической разлуки был слишком тяжел, чтобы не приобрести навязчивого желания непрестанно быть в его объятиях, любить, находиться рядом и неизменно прощать блудного брата.

– Ты не знаешь, а во время каникул я частенько прохаживался у нашего дома и заглядывал в окно твоей спальни.

– Вот как?

– Видел твои молитвы, как ты припадала локтями к кровати, поднимала голову и с зажмуренными глазами быстро говорила. Слышал, как ты молилась обо мне. Я бы не обратил никакого внимания на эту молитву от кого угодно, даже от нашей матери. Но от тебя она звучала как-то иначе.

– Ты стоял под нашими стенами и не входил? – горестно спросила Диана.

– Нет, я боялся, что отец выйдет на улицу, увидит меня и вышвырнет за ограду, как бродячего пса.

– Прекрати, не могу слушать такое. Это ужасно. – Она крепче прильнула к нему. – Проклятый Комптон, будь проклята такая система, которая забивает людей в гетто, не оставляя им выбора.

– Нет, милая, – шепнул Эдди. – Беда никогда не приходит к человеку извне. Она сидит в нас, шагает по темным пятнам нашего мозга. Чем их больше, тем свободнее шагает и питается нашей умственной нищетой. Все дело в наших головах, наших собственных скелетах. Разве у меня не было выбора?

– Тебя соблазнили, тебя ввергли в искушение, – настаивала Диана.

– И Адама ввергли в искушение, однако это не спасло его от падения, – мягко парировал Эдди. – Теперь я понимаю, что обижался на родителей ошибочно. Я долго думал над этим. Не знаю, что со мной происходит, но я больше не чувствую себя комфортно в роли отверженного.

– Значит, нужно с ними помириться. Извинись, и все станет как прежде.

– Я только сказал, что мне неприятна роль отверженного, но не что чувствую себя виноватым. Я по-прежнему считаю, что бросать сына за борт было не самым верным решением.

Диана промолчала. Поняв, что чересчур поспешила, коротко кивнула.

– Скоро десять. Ты готов?

– Да, я готов к первому испытанию.

– После экзамена мы с тобой пойдем к Дамзит-каньону, где тебя ждет потрясающее зрелище.

– С удовольствием. Мы так мало времени проводим вместе.

Начало сессии было многообещающим – друзья прекрасно справились с первым экзаменом: Макс и Джефф получили В, Эдди С+, остальные твердые А. Накануне второго экзамена Вэл Барский собрал свой институт в зале развлечений, поздравил всех с успешной сдачей первого экзамена и произнес короткую ободряющую речь о необходимости поддержания настроения. После речи он позвал Эдди, и тому пришлось дожидаться, пока декан закончит с обступившими его студентами. Макс, Диана и Кристина последовали за Эдди.

– Поздравляю, мистер Назарян, – с неизменной энергично-дружелюбной улыбкой сказал Барский. – Признаться, я боялся, что ты не сдашь первый экзамен. Математические методы принятия решений в экономике – весьма сложная дисциплина, требующая фундаментального подхода к изучению. Поэтому не расстраивайся: ты не единственный, кто получил С+.

– Спасибо, профессор Барский, – с покорностью сказал Эдди.

– Я уже говорил вашим младшим, – он посмотрел на Макса и Диану, – почему мое отношение к вам особенное. Позволь мне быть с тобой откровенным. Я помню твои первые годы обучения – ты был одним из лучших учеников, и без лишней скромности заявляю, что гордился тобой, как собственным сыном. Которого, впрочем, у меня нет. И я волнуюсь за твою успеваемость. Поверь, – он понизил голос, подвинулся ближе и пристально посмотрел на него, ровно так же, как на Макса и Диану в начале года, – мне было бы нестерпимо выпускать приказ о твоём отчислении. Очень рассчитываю, что до этого не дойдет. Имей в виду – я на твоей стороне, так же как твоя сестра, твоя подруга и твой друг. Вперед, мистер Назарян, верни талант в дело, используй свой ясный ум.

Некоторое время никто не мог вымолвить слова, ожидая продолжения трогательной речи. Наконец Диана сказала:

– Мы очень вам признательны, профессор Барский. – Она зарделась, застенчиво потупилась. – Право, не знаю, чем мы заслужили такую любовь.

– Ведь мы не единственные эмигранты, – добавила Кристина с улыбкой.

– Не единственные, – кивнул профессор. – Вы мои соседи по родине. Относитесь ко мне не как к вашему декану, а как к любимому другу, с которым можно вести любые беседы. Но помните, что друг ваш порой бывает ворчливым скрягой.

Дружный смех разлился по залу.

– Профессор Барский, а мы ваши негодные шалопуты! – горячо воскликнул Макс.

После встреч с деканом друзья испытывали необъяснимое воодушевление – он словно усердно подкладывал под них некий монолитный фундамент, придавая им чувство благородной отваги. Следующий экзамен был также сдан всеми – в этот раз Макс и Джефф получили В+, Эдди так же С+. Самые трудные препятствия преодолены, напряжение нарастало, и вместе с ним появилось захватывающее ожидание финиша, проблескивающее впереди волнительным белоснежным стягом.

* * *

Второго июня, жарким днем, когда солнце, казалось, стремилось побить рекорд восхождения на зенит и океанская влажность врывалась в школьные владения невыносимой влажно-

стью, друзья спрятались от раскаляющих лучей в столовой учебного корпуса и наслаждались заслуженной свободой. Последний экзамен миновал всего двадцать минут назад, унеся в историю очередной учебный год. Эдди не удалось избежать одной F, но один провал был вполне поправим, и в общем он был доволен совершенным рывком. Остальные получили не ниже B, обеспечив себе беспрепятственный переход на следующий курс.

Изредка забежали студенты наскоро перекусить. Трудности позади, Стенсфилд погрузился в расслабленное предвкушение заслуженного отдыха. Пустая, непривычно тихая столовая переполнилась спокойствием и насыщенной безмятежностью.

– Этот год запомнится мне надолго, – сказала Кристина. – Да, милый? – Она посмотрела на Эдди, тот обдал ее косым взглядом и глотнул кофе.

– Я отвоевал себе еще один курс. Это был хороший год, – произнес Эдди растянuto, словно задумываясь над каждым словом.

В первый и последний день года по маршруту Стенсфилд – аэропорт LAX курсировали два десятка школьных автобусов, доставляя более двух тысяч из общего количества учеников школы из других городов и штатов. Первые десять отправлялись одновременно, остальные – по мере заполняемости, в зависимости от времени отбытия поезда или самолета. Несколько автобусов отвозили студентов в ближайшие железнодорожные станции, затем переходили на маршрут в аэропорт. Джефф, Эмма, Роберт и Мари, живущие в Лос-Анджелесе, решили отправиться одним из последних рейсов. Вместе с ними в столовой обедал водитель, отдохнувший перед очередным рейсом. Дождавшись, когда он закончит, друзья неспешно направились к автобусу. Вокруг него собралась кучка отбывающих и провожающих, которые либо уедут с родителями, либо на своих машинах, когда им захочется. К последним относились Манукяны и Назаряны.

Мари и Эмма попрощались с Манукянами, пожелали им веселых каникул на родине, а с Дианой и Эдди условились проводить каникулы вместе. Роберт тепло обнялся с друзьями, испуская неподдельное, щемящее сожаление по разлуке.

– Я буду скучать, – сказал он, щурясь от ослепляющего солнца. Со сдвинутыми на глаза веками он казался невероятно нескладным и даже некрасивым. Но грустная улыбка придавала лицу то грубое очарование, смотрящееся необычайно на здоровяках с добрым сердцем. Он вошел в автобус, не отворачиваясь от друзей, и улыбался до тех пор, пока не сел рядом с Мари.

Джефф попрощался со всеми, обнял Макса особенно сильно, точно хотел впечатать его частицу в себя на каникулы.

– Звони, не забывай меня, мой вечно кислый ленивец, – сказал он.

– Я тоже буду скучать, мой солнечный прохвост, – ответил Макс.

Автобус фыркнул и медленно поехал; отбывшие махали провожающим сначала из боковых стекол, затем, когда автобус повернул, из трех больших окон сзади.

– Грустно, – произнесла Кристина с протяжным вздохом, устремив взгляд на уменьшающуюся желтую, темневшую точку. – Каждый раз то же ощущение, будто вместе с этим автобусом уезжает немного нашей юности.

Четверка провожала автобус до тех пор, пока он не свернул влево и не исчез в окаймляющих дорогу низких зарослях чапаралья. Глядя на эти приземистые деревья с округлой кроной до самой земли, Макс подумал, что за пять лет их количество заметно уменьшилось, уступая место однообразному выжженному цвету нищей земли.

– Сделай проще лицо, Манукян, не то я сейчас заплачу! – раздался задиристый речитатив Кармака. Все обернулись. Кранцы стояли поодаль, с ними один из толстяков их свиты.

– Я польщен, что мое выражение лица для тебя так важно, – презрительно бросил Макс. Вместо ответа трио развернулось и с насмешливым ропотом направилось к школе. Эдди провожал их суровым взглядом мечущегося в клетке тигра, перед которым прошел кабан.

– Почему они еще здесь? – спросила Диана. От цепкого взгляда Кармака, которым он несколько секунд буравил ее, ей стало дурно.

– Полагаю, следят за мной, – холодно проговорил Эдди. – Скажите, они были здесь в последнее время?

– Да, – сказал Макс. – Во всяком случае, их машина всегда была на парковке. Но зачем ты спрашиваешь?

Эдди задумчиво сомкнул губы, качнул головой.

– Неважно. Милая, когда ты хочешь выехать?

– Только завершу уборку спальни, и можем ехать, – ответила Кристина. Четверка медленно двинулась к общежитиям. По пути Макс перехватил взгляд сестры и тоскливо шепнул, чтобы никто не услышал:

– Снова три месяца борьбы с родительской непреклонностью.

Кристина понимающе кивнула.

* * *

Когда по контуру горизонта осталась темно-сизая затухавшая полоска и в бездонной глубине неба начали загораться звезды, чье холодное свечение сплеталось с еще реявшими отблесками сумеречного света, Макс и Диана завершили изнурительно долгую прогулку и направились в школу. Посидев недолго у старого маяка на мысе Пойнт-Консепшен, они отправились в поход по побережью. Когда прошли высокие, изборозжденные морщинистыми расщелинами утесы, линия берега стала резко снижаться, сменив каменистые скалы на ровный пляж с топким крупным песком, который волны с диким наплывом пытались поглотить. Здесь они долго полулежали на липких песках Вуд-каньона, куда порывистый ветер, отрывая крупинки воды от прыгающих волн, швырял их на пляж и в лицо. Необычайный закат, бесконечно загадочный в своем таинственном величии, на их глазах раскалил небосвод докрасна, затем стал медленно бледнеть, становясь холоднее по мере исчезновения солнечного диска за бескрайними водами. Наконец выступили сначала размытые, затем смелеющие и становящиеся отчетливыми звездные мотыльки.

Возвращались в школу уже под покровом непроглядного ночного покрывала, накрытого каким-то быстрым незаметным движением. Казалось, еще пять минут назад дорога была освещена, а уже на подходе к воротам путь им освещали лишь мерцающие призрачным блеском звезды.

– Мы с тобой достойны сытного ужина и самой мягкой постели, – сказал Макс, когда они проходили пост охраны. Сухощавый осунувшийся охранник-мулат выглянул в окно будки.

– Долго вы планируете тут задержаться? – окликнул он гуляющих с деланной серьезностью. – Все давно разъехались и уже загорают в Санта-Монике.

– Загорают те, кто из северных штатов, а нам бы, наоборот, хоть на денек узнать, что такое холод, – с улыбкой ответила Диана.

Опустевший безмолвный Стенсфилд напоминал грустного одинокого старика, лишеного ребяческих возгласов своих внуков. Эти заботливые стены, дорожки, скамейки, озеро – казалось, жили только во время учебного года, а на каникулы погружались в тоскливый сон.

Вдруг Диана остановилась и несколько секунд задумчиво молчала. Потом выговорила по-армянски, медленно, с ломаным произношением:

– Я буду скучать по тебе, хочу, чтобы каникулы скорее закончились. – И смущенно улыбнулась. В этот миг она была особенно очаровательна – казалось, ее всю окутал неземной, прекрасный ореол красоты и внутренней прелести, одновременно вырвавшиеся из нее мощными потоками, соединившиеся в невидимые кольца и разрывавшие само пространство божествен-

ным чарами. И эпицентром этих чар была его Диана. Макс поначалу молчал, сраженный великой энергией, которой светилась его любимая.

– Умница! – восторженно воскликнул он наконец. – Мы делаем невероятное! В следующем году, когда тебе будет чем сразить моих родителей, мы с тобой пойдем к нам, и я объявлю о наших планах по помолвке.

– Страшно представить, что они скажут, – взволновалась Диана. – Милый, ты ведь знаешь, я ни за что не встану между тобой и родителями. Если не удастся...

– Прекрати! – звонко сказал Макс и крепко приложился губами к ее щеке. – Слышать не хочу об этом.

– Я просто хотела сказать, что не следует торопить время.

– Оставь это мне. Просто знай: что бы ни случилось, какие бы трудности ни встали перед нами, мы будем вместе. И никак иначе. Каждый мой шаг, действие и слово направлены на закрепление нашего союза. Ты не должна в этом сомневаться.

– Конечно, нет, дорогой.

– Потому что моя жизнь целиком зависит от тебя. Если ты улыбаешься – улыбается мое сердце. Если грустишь – как будто землетрясение раскалывает его пополам.

Макс мог бы продолжать до самого утра, подстегиваемый ее застенчивым и одновременно открытым взглядом, улыбкой сомкнутыми губами с приподниманием левого уголка рта, если бы не телефонный звонок, выведший его из власти блаженных дум. Звонила Кристина.

– Макс, я должна тебе сказать, – начала сестра как-то испуганно.

– В чем дело? – настороженно спросил Макс. – Ты дома?

– Да, только что Эдди высадил меня. Ему кто-то звонил, боюсь, что оттуда. Позвони ему, пожалуйста.

– Он что-нибудь сказал?

– Нет, кроме того, что очень торопится.

– Понял тебя.

Несколько секунд Макс бесцельно смотрел в экран, не в силах встретиться взглядом с буравящей холодностью Дианы.

– Что случилось? – раздался ее испытующий голос.

Глава 6

– Это была продуманная провокация, – рассказывал Макс. Сейчас, обернувшись через полтора десятилетия на те события, он понял всю степень их близорукости – Эдди, и особенно своей. – Мы поддались, как школьники с мозгами быка, которому помахали мулетой. Этот случай был нашей последней возможностью остаться нормальными людьми.

Взгляд Анны был направлен в точку под глазами Макса; с начала рассказа она, казалось, не открыла рта. Макс почувствовал внезапную сонливость при мысли о том, что пойми он тогда, что происходит, жизнь его сложилась бы совершенно иначе.

– Винс Уоррен шел на эту провокацию, зная необузданность и вспыльчивость Эдди. Было это сделано в отместку за давнюю провокацию Эдди, из-за которой они надолго лишились оружия и наркотиков. Эдди проглотил наживку, оружие найти в Комптоне не составляло труда, и «Уэст-Клод эрманос» пошли мстить.

– Так кто позвонил ему? Куда он поехал и что произошло? – нетерпеливо любопытствовала Анна.

– Звонил Сеск. Тем вечером неизвестные подожгли дом Доминика, бросив одновременно несколько коктейлей Молотова. Налетчиков поймать не удалось, но никто не сомневался, что это «Красный легион» совершил месть, которой грозился в начале года. Почему именно в июне – не знаю. Возможно, главари ослабили контроль, или их не было в округе, или же намеренно ждали так долго, чтобы усыпить бдительность патрульных «Эрманос». Так или иначе, до Эдди мне дозвониться не удалось. Всю ту ночь мне пришлось в буквальном смысле стеречь Диану от вспышек горя. Мы провели всю ночь во дворе общежития, я старался всячески ее отвлечь и отвести ко сну, но она сказала: «Хочу испытать бессонную ночь». – Макс развел руками, охваченный сонмами воспоминаний о безвозвратно ушедших днях, гложущих сильнее по мере наплыва новых, тех, о которых он, казалось, напрочь забыл. Он посмотрел на площадь Республики, приставил большой палец к щеке и принялся водить указательным и средним по виску, хмурясь то ли от задумчивости, то ли от вероломно палящего солнца. Он и не предполагал, что его рассказ настолько затянется, что придется окунуться в самые глубины памяти, заново прикоснуться к тем священным воспоминаниям, поблекшим и уже почти неживым, что погребены под грузом лет, растерзаны на ничтожные куски неизбывным горем, досаждающим его подобно полчищам жестоких фурий.

Площадь Республики была немногочисленна. Машины ехали замелевшими ручейками, медленно впадая в такое же мелководное озеро центрального круга, где огибали вымощенный базальтом внушительный овал с ромбовидным орнаментом в середине площади. По тротуарам неспешно шагали группы громко переговаривавшихся туристов и праздных жителей, все тяготели к островкам теней, отбрасываемых развесистыми шевелюрами посаженных по пешеходной зоне деревьев. Через несколько дней после событий, о которых ведется повествование, Макс полетит в Ереван.

– Иной раз, бывает, смотрю на эти деревья, – начал он медленно, тихим, как дуновение ветерка, голосом, – и вижу себя, идущим под ними пятнадцать лет назад. Вон там, посмотри. – Он указал пальцем. Анна обернулась, приподнялась и выглянула за парапет. – Вот под этим рядом деревьев я всегда ходил в жару. Как ты понимаешь, думал я почти только о Диане, и сейчас эта площадь, улицы, дома – весь центр Еревана напоминает мне о ней. Но извини, мы забегаем вперед. – Макс выпрямился, глотнул чая и попросил у официанта еще один чайник. Не нужно обладать проницательностью, чтобы отметить его неизъяснимое уныние. Глаза Манукяна застывали в одной точке, движения были медленны, голос полон необъятной тоски. Анну он наводил на мысли о пожилой душе в молодом теле, чей зенит пройден и наступило

время плавного спуска в трясины смиренного дожития. Такая невиданная скорбь по отношению к своему прошлому означала, что вся его история только начинается.

– И все же она уснула во втором часу. Мне же спать вовсе не хотелось. Я вышел во двор и только зашагал к озеру, как позвонил Эдди. Просил посмотреть, на месте ли машина Кранцев. Она была на месте, и тогда Эдди сказал: «Мы будем через два часа, будь наготове; как позвоню, выйди за ворота, но обойди забор так, чтобы охрана тебя не заметила».

* * *

– Черт бы тебя побрал, Локо! Сидим в засаде, как трусливые псы. Всего-то дел – загреметь к ним в спальню, или где они там спят, и прибить к чертям собачьим! Будь я проклят, если Сеск Каттано в жизни от кого-то прятался! – чертыхался Сеск. – С чего ты вообще взял, что они выедут именно сейчас? Не завтра, не через гребаную неделю?

– Успокойся, ужас ниггеров, ты не прячешься, – невозмутимо отвечал Эдди. – Иди загреми к ним в спальню, если хочешь потом на десять лет загреметь в тюрьму.

Упоминание о тюрьме отрезвило неистовство Сеска. Он, Эдди, Макс и двое из «Эрманос» сидели в придорожных зарослях неподалеку от школьных ворот, их лица в лунном свете приобрели землистый оттенок. Освещения здесь не было, и ночью из контрольного пункта дорога проглядывалась не дальше сотни метров. В эту жаркую штильную ночь, казалось, весь мир погрузился в сон; школа слилась с чернотой, лишь тусклые насыщенно-желтые огни фонарей у контрольного пункта освещали ворота и небольшой участок перед ними. Сидя в плотных кустах за пределами зоны видимости камер, в бригаде из четырех напряженных товарищей, Макс чувствовал всю важность и непредсказуемость момента.

– Можешь пока посмотреть, как выглядит Стенсфилд, чуть расширить свои узкие представления о мире, – сказал Эдди. – С ними нужно переговорить с глазу на глаз, иначе мы так и будем без толку жаловаться Луису. К вашему сведению, hermanos, вчера начались каникулы, все разъехались по домам, только эти двое ждут неизвестно чего. Немного терпения; уверяю вас, если они днем прятались здесь, то точно выедут скоро.

– Почему именно ночью? – спросил Макс.

– Ночью легче остаться незамеченным. Они перестраховались на случай, если полиция Комптона сделает запрос в окружную Санта-Барбары. Вдобавок все важные дела решаются ночью, без лишних ушей и глаз.

– Что такого могут задумать эти червяки, – фыркнул Сеск. – Ты их переоцениваешь.

Эдди ответил не сразу, взгляд его не отрывался от ворот.

– Надеюсь, ты прав.

Тишина давила на Макса, вызывая странное тревожное чувство. Он вспомнил про обещание, данное Диане. Мысли его блуждали между ней, каникулами и Комптоном. Его ждут три сладких месяца с его любимой. Только бы эта затея Эдди кончилась удачно.

В школьной черноте появились два огонька, и спустя минуту ворота начали медленно открываться.

– Они, будьте наготове, – скомандовал Назарян. Все пригнулись в нетерпеливом ожидании момента. Машина выехала на дорогу.

– Рики, Пабло, фонари наготове. По моей команде. Раз, два, три!

Высочившие из засады перекрыли путь. Двое светили на машину мощными ручными фонарями, Эдди и Сеск нацелили пистолеты на братьев.

– Выйдите из машины, – громогласно приказал Эдди. Эрион вышел с водительского места, Кармак – пассажирского. Лица их были непроницаемы. Оба подняли руки, впившись взглядами в Эдди.

– Так вы нарушили запрет и завели оружие! И что, убьете нас? – издевательски сказал Кармак неожиданно насмешливым для его положения голосом. – У дружка, – он покосился на Макса, – разорвется сердце. Тебе не жалко его?

– С юмором у тебя ничего, сопляк. Я не собираюсь никого убивать, в отличие от вас. – Эдди спрятал пистолет под рубашку, шагнул к братьям. Дыхание Сеска сделалось свистящим. – Передайте тем, к кому вы сейчас едете, что Назарян будет карать. Вы жестоко ошибаетесь, если полагаете, что, нанеся несопоставимый с моей безобидной вылазкой удар, испугали меня. Я найду тех, кто швырнул эти бомбы, и вырву им руки по плечи. Передайте всем чернозадым мерзавцам – я могу это сделать в любую минуту, ночью или днем, во сне или на вечеринке, но ваше варварство обрушится на вас в сто раз больше.

– Если ты про поджог, то мы тут ни при чем, – сказал Эрион.

Эдди пристально посмотрел на него. Ему, казалось, сейчас ничего не стоило выхватить пистолет и застрелить негодяев.

– Нет, гад, не прикидывайся. Ваша подлая выходка мне даже на руку. Теперь весь Комптон знает о вашем двойном преступлении, и закон на моей стороне.

– Ты подкараулил нас, чтобы сказать это? – Тон Кармака был полон иронии; этот тон разбудил в Максе глубочайшую ненависть к этому человеку, ему непреодолимо захотелось уничтожить его раз и навсегда. Как только Эдди и компания удержали себя в руках?

Назарян издал издевательский смешок.

– В любую секунду я могу нанести такой удар, какого вы еще не видели. Думали, смоемся под покровом ночи? Я застану вас везде. Мы появимся из ниоткуда и сотрем вас, лживые гиены, с лица земли с такой внезапностью, что вы не успеете опомниться. Ваша акция покажется вам комариным укусом. Скажите это своим, разнесите мое предостережение Bloods-ам, потому что опасность может грозить кому угодно. – Он выдержал паузу, внимательно взглядываясь в глаза братьев, повернулся к своим и медленно зашагал в их сторону. – Опустите оружие.

– Черт, это хуже, чем прервать секс с Ким! – негодуяше воскликнул Каттано.

– А теперь исчезните с моих глаз, – бросил Эдди не оборачиваясь.

* * *

Скорбная улыбка вновь омрачила без того осунувшееся лицо Макса. По выражению задумчивой молчаливости он понял, что Анна думает над тем, не скрыл ли он от нее ничего.

– Мы не нанесли им вреда, – развеял он ее сомнения. – Все было так, как я рассказал.

– В таком случае, – нерешительно сказала она и запнулась. – Прошу прощения, но ведь мы беседуем откровенно?

– Конечно.

– Мне кажется, что этого не нужно было делать. У меня создалось впечатление, что Эдди нарочно лез на пику, чтобы потом кричать о вероломстве врагов.

– И ты совершенно права. – Макс наклонился вперед, затем вновь откинулся на спинку, медленно обдумывая ее слова. – В те годы я склонен был думать так же. Но в его оправдание можно привести два весомых обстоятельства – имя им Сеск Каттано и Доминик Петейра. Эти свирепые расисты всячески подтачивали ненависть к черным, которой у Эдди, в сущности, не было. Он возненавидел «Красный легион» из-за их набегов на свою улицу, причиной которых была только заинтересованность Кармака Дианой. Сеск и Доминик неустанно раздували в нем это неприятие, и в конце концов у Эдди стерлась граница между защитой чести сестры и войной против всей восточной части «квадрата мира». Как ты, вероятно, заметила, враги пользовались его вспыльчивостью. Когда я увидел его в ту ночь, в нем не было ничего от того Эдди, что покорно слушал Вэла Барского, пустил слезу, вспоминая пылкие молитвы Дианы, и твердо вознамерился вернуться к полноценной учебе. Ему постоянно требовалось, чтобы

кто-то указал ему направление, в которое он и пустит всю свою неукротимую энергию. Верное ли оно или нет, Эдди не мог разобрать. Как ни странно, он был до наивности доверчив, внушался любым убеждениям, если они позволяли ему излить всю клокотавшую в нем ярость. А источников этой ярости было множество – отречение родителей; желание защитить сестру от проходимца, увезти ее из Комптона; гнев от мнения моих родителей о ней; в конце концов, стремление утвердить свои взгляды, которые, как ты уже знаешь, пришлось бы к месту в какой угодно исторический отрезок, но не в этот. Он чувствовал безошибочность своих действий, но ровно до тех пор, как кто-то указывал на их ошибочность. Так, мечась от одного внушения к другому, он то хотел стать прилежным студентом, любимым сыном и заботливым братом, то вновь попадал под дурманящее чувство вожака стаи, грозного лидера, то предавался беспробудным вечеринкам с убажанием всех плотских искушений, какие только могут возникнуть в разнузданной черни его окружения. Можно ли винить его в этом? – На лице Макса снова выступила печать страдальческой улыбки. – Я думаю над этим добрых десять лет. Но мы вновь отступили от рассказа. После встречи на дороге мы позволили Кранцам уехать, долго обсуждали возможные способы ответного удара. Когда рассвело, мы проводили тех троих и вернулись в школу. Благо Диана еще спала. Мы легли в моей спальне и ненадолго вздремнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.